Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

ISSN 2078-9025 № 2 (59) • 2023

Серия «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

12+ DOI: 10.47598/2078-9025-2023-2-59

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально.

ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика; 5.2.4. Финансы; 5.2.6. Менеджмент; 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна — главный редактор, доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, директор, заведующий кафедрой политологии, истории, теории государства и права Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна — заместитель главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, ученый секретарь Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

АРИСТАРХОВА Маргарита Константиновна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансовых, учетных, налоговых технологий Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

АСОНОВ Николай Васильевич — доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (Москва, Российская Федерация)

АХМЕДОВА Гузалхон Уткуровна — доктор юридических наук, доцент кафедры криминалистики и судебной экспертизы Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Республика Узбекистан)

ГАЙДУК Вадим Витальевич — доктор политических наук, кандидат юридических наук, руководитель Центра политико-правовых исследований «АНО «Евразийской НИИ права» (Уфа, Российская Федерация)

ГАРЕЕВА Наиля Альфритовна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой финансов и кредита Нижнекамского филиала Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова (Нижнекамск, Российская Федерация)

ГЫЯЗОВ Айдарбек Токторович — доктор экономических наук, профессор, ректор Баткенского государственного университета (Баткен, Киргизская Республика)

ДАВЛАТОВ Кудрат Камбарович — доктор экономических наук, профессор, ректор Финансово-экономического института (Душанбе, Республика Таджикистан)

ЗАЙНАШЕВА Зарима Гафаровна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры региональной экономики и управления Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

КОДИРОВ Фируз Абдулхафизович — кандидат экономических наук, доцент, проректор по международным отношениям Таджикского государственного финансово-экономического университета (Душанбе, Республика Таджикистан)

КРИВЦОВ Артем Игоревич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности имени И. Н. Герчиковой Московского государственного института международных отношений МИД Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

ЛЯПУНЦОВА Елена Вячеславовна — доктор технических наук, профессор, профессор кафедры ИБМ-7 Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (Москва, Российская Федерация)

МАЛИКОВ Борис Зуфарович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (Уфа, Российская Федерация)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма, гостиничного и ресторанного сервиса Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

Адрес редакции и издателя: проспект Октября, д. 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054
E-mail: vestnikBIST@mail.ru
Сайт: vestnik-bist.ru

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович — доктор политических наук, профессор, главный редактор издательства «Наука сегодня» (Москва, Российская Федерация)

МИРАЛИЁН Киёмиддин Абдусалимзода — доктор политических наук, доцент, координатор Молодежной межпарламентской ассамблеи государств СНГ Парламента Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры публичной политики, истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

МУРАТШИН Фларит Рашитович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры экологического и трудового права Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

МУХАМЕТЗЯНОВА-ДУГГАЛ Регина Массаровна — доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела религиоведения Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Российская Федерация)

НАЗАРОВА Ульяна Анатольевна — доктор экономических наук, доцент, директор ГАОУ ДПО РБ «Учебный центр государственной службы занятости населения» (Уфа, Российская Федерация)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович — доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права и международных отношений Института права Уфимского университета науки и технологий) (Уфа, Российская Федерация)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна — доктор философских наук, профессор, директор Института истории, языка и литературы (Уфа, Российская Федерация)

РЫКОВА Инна Николаевна — доктор экономических наук, академик РАЕН, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного института (МАДИ) (Москва, Российская Федерация)

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений (Москва, Российская Федерация)

ЭРГАШЕВА Шахло Тургуновна — кандидат экономических наук, профессор, директор Инновационного ресурсного центра повышения квалификации по международным стандартам финансовой отчетности и аудита при Ташкентском государственном экономическом университете (Ташкент, Республика Узбекистан)

ЯМАЛОВА Эльвира Наилевна — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и связей с общественностью Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БАРАНОВА Екатерина Сергеевна — кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права, процесса и цивилистики Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна — ответственный секретарь журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)», начальник отдела научной редакции (журнал «Вестник БИСТ) и издательской деятельности Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

БЫСТРОВ Александр Ильич — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры экономики и информационных технологий Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна — доктор экономических наук, доцент, директор Центра карьеры Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

ЗАГИТОВА Линиза Раисовна — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики и информационных технологий Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

НИГМАТУЛЛИН Ирек Газизович — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и информационных технологий Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

Vestnik BIST

(Bashkir Institute of Social Technologies)

ISSN 2078-9025

No. 2 (59) • 2023

"SOCIAL SCIENCES"

12+

DOI: 10.47598/2078-9025-2023-2-59

Founder:

Educational Institution of Trade Unions of higher education "Academy of Labour and Social Relations"

Scientific journal

Published since 2009. Published every three months.

ПИ № ФС77-34653 dated 2nd December, 2008

Upon decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the scientific journal "Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)" is included in the list of peer-reviewed scientific publications HAC, which should be published basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science in scientific specialties:
5.2.3. Regional and Sectoral Economy; 5.2.4. Finance; 5.2.6. Management; 5.5.2. Political Institutions, Processes, Technologies.

JOURNAL EDITORS:

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna — Editor-in-Chief, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director, Head of the Department of Political Science, History, Theory of State and Law, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

VELTS Rakhil Yakovlevna — Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Academic Secretary, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

ARISTARHOVA Margarita Konstantinovna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Financial, Accounting, Tax Technologies, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

ASONOV Nikolai Vasilyevich — Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Political Science, Institute of History and Politics of the Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

AKHMEDOVA Guzalkhon Utkurovna — Doctor of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Criminalistics and Forensic Science of the Tashkent State Law University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

GAYDUK Vadim Vitalievich — Doctor of Political Sciences, Candidate of Law Sciences, Head of the Center for Political and Legal Research "ANO "Eurasian Research Institute of Law" (Ufa, Russian Federation)

GAREEVA Nailya Alfritovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Nizhnekamsk branch of Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov (Nizhnekamsk, Russian Federation)

GYYAZOV Aidarbek Toktorovich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector, Batken State University (Batken, Kyrgyz Republic)

DAVLATOV Kudrat Kambarovich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector, Institute of Finance and Economics (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

ZAINASHEVA Zarima Gafarovna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Regional Economics and Management, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

KODIROV Firuz Abdulkhafizovich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for International Relations, Tajik State Financial and Economic University (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

KRIVTSOV Artem Igorevich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Management, Marketing and Foreign Economic Activity named after I. N. Gerchikova, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

LYAPUNTSOVA Elena Vyacheslavovna — Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the IBM-7 Department, Moscow State Technical University named after N. E. Bauman (Moscow, Russian Federation)

MALIKOV Boris Zufarovich — Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa, Russian Federation)

MATVEEVA Lyubov Dmitrievna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Tourism, Hotel and Restaurant Services, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

MEDVEDEV Nikolai Pavlovich — Doctor of Political Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the Publishing house "Science Today" (Moscow, Russian Federation)

MIRALIYON Kiyomiddin Abdusalimzoda — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Coordinator of the Youth Inter-Parliamentary Assembly of the CIS States of the Parliament of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Editorial and publisher address: 74/2 Prospekt Oktyabrya, Ufa, the Republic of Bashkortostan, 450054
E-mail: vestnikBIST@mail.ru
Website: vestnik-bist.ru

MIKHAILOVA Natalya Vyacheslavovna — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Policy, History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)

MURATSHIN Flarit Rashitovich — Doctor of Law Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Environmental and Labor Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

MUKHAMETZYANOVA-DUGGAL Regina Massarovna — Doctor of Political Sciences, Chief Researcher of the Department of Religious Studies, Institute of Ethnological Research named after R. G. Kuzeev, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

NAZAROVA Uliana Anatolyevna — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Director, Training Center of the State Employment Service (Ufa, Russian Federation)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich — Doctor of Law Sciences, Head of the Department of International Law and International Relations, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology) (Ufa, Russian Federation)

RAKHMATULLINA Zugura Yaganurovna — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Director, Institute of History, Language and Literature (Ufa, Russian Federation)

RYKOVA Inna Nikolaevna — Doctor of Economic Sciences, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Center of Industry Sector Economics, Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Moscow Automobile and Road Institute (MARI) (Moscow, Russian Federation)

FELDMAN Pavel Yakovlevich — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Academy of Labor and Social Relations (Moscow, Russian Federation)

ERGASHEVA Shahlo Turgunovna — Candidate of Economic Sciences, Professor, Director of the Innovative Resource Center for Advanced Studies in International Financial Reporting and Auditing Standards, Tashkent State Economic University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

YAMALOVA Elvira Nailevna — Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Public Relations, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD:

BARANOVA Ekaterina Sergeevna — Candidate of Law Sciences, Head of the Department of Criminal Law, Procedure and Civil Law, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

BOCHAROVA Tatyana Evgenievna — Executive Secretary of the journal "Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)", Head of the Scientific Editorial Department ("Vestnik BIST") and Publishing Department, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

BYSTROV Alexander Ilyich — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Information Technologies, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

GALIEVA Gulnaz Fizratovna — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Career Center, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

ZAGITOVA Liniza Raisovna — Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Economics and Information Technologies, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

NIGMATULLIN Irek Gazizovich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Information Technologies, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

SULEIMANOV Artur Ramilevich — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations, History and Oriental Studies, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ ПРЕДПРИЯТИЙ 9

Е. В. Жилина, И. М. Ханова
Кластеризация регионов России по потреблению основных продуктов питания 9

Е. В. Жилина, И. М. Ханова, Э. В. Дубинина
Влияние продовольственного баланса регионов Российской Федерации
на нормы потребления продуктов питания 16

М. Ю. Каталкина, Е. Ю. Кузьмина, А. В. Савченко
Проблемы и перспективы использования технологий искусственного интеллекта
в менеджменте: запрос на ИИ-сервис 25

Н. М. Кузнецова
Программно-плановое регулирование и практическое осуществление мер
по противодействию коррупции органами региональной власти
и местного самоуправления 35

Д. Н. Микрюков
Исследование влияния корпоративной культуры на инновационное развитие предприятий
в регионах России: эмпирический анализ и практические рекомендации 44

Н. Ю. Псарева, Д. Н. Киселев
Ценностно-ориентированный подход в процессе цифровизации бизнеса 52

Г. М. Сундукова, Л. Н. Деревягина, Н. В. Бобылева
Цифровой формат ведения деятельности предприятия: проблемы и возможности 58

В. В. Тонконог, П. И. Ананченкова, С. О. Худяков
Управление знаниями в организациях сетевого взаимодействия: теоретический обзор. 63

Т. Б. Шрамченко, С. М. Сычёва, Н. В. Бобылева
К вопросу об изменениях функций управления в современной организации 72

ФИНАНСЫ И ИНВЕСТИЦИИ 78

З. М. Бикметова
Современное состояние бюджетного федерализма в России 78

Д. В. Клюкина, Ф. К. Романов
Перспективы развития цифровой валюты и криптоактивов в России
в условиях санкций 83

А. А. Никитина, Э. В. Дубинина, Р. А. Гильмутдинова
Инвестиционная безопасность Республики Башкортостан 89

Э. А. Халикова, Р. Р. Байрамов
Анализ источников финансирования бизнеса в современных экономических условиях 97

Э. А. Халикова, О. В. Кадесникова, Д. Ф. Якшибаев
Финансово-правовые аспекты дивидендной политики компании 104

Т. Н. Шашкова, Л. Ж. Хабибуллина
Дебиторская и кредиторская задолженность:
современное состояние, проблемы и методы управления 111

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ 118

А. А. Горский
Влияние корпоративной социальной ответственности на стабильность взаимоотношений компании с работниками и потребителями 118

М. Ю. Кузнецов, О. С. Соколов
Безработица: виды, причины, социально-экономические последствия 123

П. Я. Фельдман, Н. М. Ненин
Социальное партнерство как механизм формирования нового общественного договора 128

Е. Н. Ястребова, А. В. Досугова
Перспективы развития социального предпринимательства в России 135

ПРАВОВОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ 141

Е. С. Баранова, М. Н. Рудман
Политико-правовые аспекты развития международного сотрудничества в рамках евразийского пространства 141

Н. А. Гареева, А. А. Гареев
Проблемы квалификации посредничества в коммерческом подкупе 148

ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ 154

А. В. Балчугов, А. Е. Белянцев, А. А. Фоменков
К вопросу об отношении к российским деятелям культуры, причисленным к иностранным агентам 154

У. А. Бахриев
Особенности российско-таджикских отношений по регулированию миграционных процессов 160

А. Ш. кызы Гулиева
Политика государственно-частного партнерства в Азербайджанской Республике 167

М. Л. Дау
Демократический процесс в Западной Африке в XXI веке 174

Т. А. Нигматуллина, Л. О. Терновая
Неоментальность «культуры отмены» VS традиционные культура и ценности 181

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ 188

Р. А. Иксанов, Р. К. Гарипов, Р. Р. Ильясов
Феномен обнуления как модус играизации 188

Т. А. Нигматуллина, Л. О. Терновая
Лабиринты профессионального мифа: влияние образов подземелья на горняцкую мифологию 192

АВТОРАМ 200

CONTENTS

ECONOMY AND ENTERPRISE MANAGEMENT 9

E. V. Zhilina, I. M. Khanova
Clustering of russian regions by consumption of basic foodstuffs 9

E. V. Zhilina, I. M. Khanova, E. V. Dubinina
The influence of the food balance of regions of the Russian Federation
on food consumption norms 16

M. Yu. Katalkina, E. Yu. Kuzmina, A. V. Savchenko
Problems and prospects of using artificial intelligence technologies in management:
AI service request 25

N. M. Kuznetsova
Program-planned regulation and practical implementation of anti-corruption
measures by regional and local authorities 35

D. N. Mikryukov
Investigation of the influence of corporate culture
on innovative development of enterprises in regions of Russia:
empirical analysis and practical recommendations 44

N. Yu. Psareva, D. N. Kiselev
Value-oriented approach in the process of business digitalization 52

G. M. Sundukova, L. N. Derevyagina, N. V. Bobyleva
Digital format for conducting enterprise activities: problems and opportunities 58

V. V. Tonkonog, P. I. Ananchenkova, S. O. Khudyakov
Knowledge management in networking organizations: theoretical overview 63

T. B. Shramchenko, S. M. Sycheva, N. V. Bobyleva
To the issue of changes in management functions in a modern organization 72

FINANCE AND INVESTMENT 78

Z. M. Bikmetova
The current state of fiscal federalism in Russia 78

D. V. Klyukina, F. K. Romanov
Prospects for the development of digital currency and crypto assets in Russia
under sanctions 83

A. A. Nikitina, E. V. Dubinina, R. A. Gilmutdinova
Investment security of the Republic of Bashkortostan 89

E. A. Khalikova, R. R. Bayramov
Analysis of sources of business financing in modern economic conditions 97

E. A. Khalikova, O. V. Kadesnikova, D. F. Yakshibaev
Financial and legal aspects dividend policy of the company 104

T. N. Shashkova, L. Zh. Khabibullina
Accounts receivable and payable:
current status, problems and management methods 111

SOCIAL ASPECTS OF ECONOMY 118

A. A. Gorsky
The impact of corporate social responsibility
on the stability of the company's relationships
with employees and consumers 118

M. Yu. Kuznetsov, O. S. Sokolov
Unemployment: types, causes, socio-economic consequences 123

P. Ja. Feldman, N. M. Nenin
Social partnership as a mechanism of forming a new social contract 128

E. N. Yastrebova, A. V. Dosugova
Development prospects of social entrepreneurship in Russia 135

LEGAL FIELD OF MODERN ECONOMY 141

E. S. Baranova, M. N. Rudman
Political and legal aspects of development
international cooperation within the eurasian space 141

N. A. Gareeva, A. A. Gareev
Problems of qualification of mediation in commercial bribery 148

POLITICS AND IDEOLOGY 154

A. V. Balchugov, A. E. Belyantsev, A. A. Fomenkov
To the issue of the attitude towards russian cultural
figures classified as foreign agents 154

U. A. Bakhriev
Features of russian-tajik relations on the regulation of migration processes 160

A. Sh. kyzy Guliyeva
Public-private partnership policy in Azerbaijan Republic 167

M. L. Dow
The democratic process in West Africa in the XXI century 174

T. A. Nigmatullina, L. O. Ternovaya
Neo-mentality of “cancellation culture” VS traditional culture and values 181

PHILOSOPHY AND HISTORIOGRAPHY 188

R. A. Iksanov, R. K. Garipov, R. R. Ilyasov
Zeroing phenomenon as a modus of gamification 188

T. A. Nigmatullina, L. O. Ternovaya
Labyrinths of professional myth:
the influence of underground images on mining mythology 192

FOR AUTHORS 200

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 9–15
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):9–15

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ ПРЕДПРИЯТИЙ

Научная статья
УДК 311:339.9
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-9-15

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО ПОТРЕБЛЕНИЮ ОСНОВНЫХ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

Екатерина Валерьевна Жилина[1]✉, Илюза Марваровна Ханова[2]
[1,2]Институт истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия
[1]Ekaterina-zhilina@inbox.ru✉, https://orcid.org/ 0000-0002-2626-5854
[2]Iluza7@yandex.ru, https://orcid.org/ 0000-0001-8886-1224

Аннотация. Исследование направлено на проведение анализа фактического потребления основных продуктов питания в сравнении с установленными нормами в разрезе регионов. Основной гипотезой выступает взаимосвязь уровня самообеспечения региона с достижением норм потребления. По результатам исследования было выявлено, что существует смещение большинства регионов в сторону превышения рациональных норм потребления по хлебу и хлебным изделиям, картофелю, мясу и мясопродуктам. Также присутствует смещение части регионов в сторону потребления овощей, фруктов, молока и молочной продукции ниже среднего показателя. Кластерный анализ позволил выделить три группы регионов. В первой группе регионов потребление соответствуют рациональным нормам по хлебу и хлебным изделиям, мясу и мясопродуктам, картофелю. Вторая группа регионов в большинстве случаев выполняет норматив потребления по хлебу и хлебным изделиям, мясу и мясопродуктам. В третью группу отнесены регионы, у которых фактическое потребление продуктов соответствует нормативным значениям только по потреблению хлеба и хлебных изделий. Результаты исследования подтверждают зависимость уровня самообеспечения региона пищевой продукцией с выполнением норм потребления в конкретном регионе.

Ключевые слова: кластеризация, продовольственный баланс, нормы потребления, продовольственная безопасность
Для цитирования: Жилина Е. В., Ханова И. М. Кластеризация регионов России по потреблению основных продуктов питания // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 9–15. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-9-15.

ECONOMY AND ENTERPRISE MANAGEMENT

Research article

CLUSTERING OF RUSSIAN REGIONS BY CONSUMPTION OF BASIC FOODSTUFFS

Ekaterina V. Zhilina[1]✉, Ilyuza M. Khanova[2]
[1,2]Institute of History and Public Administration of Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
[1]Ekaterina-zhilina@inbox.ru✉, https://orcid.org/ 0000-0002-2626-5854
[2]Iluza7@yandex.ru, https://orcid.org/ 0000-0001-8886-1224

Abstract. The study is aimed at analyzing the actual consumption of basic foodstuffs in comparison with established norms in the context of regions. The main hypothesis is the relationship between the level of self-sufficiency of the region and the fulfillment of consumption norms. According to the results of the study, it was revealed that there is a bias in most regions towards exceeding rational consumption standards for bread and

bread products, potatoes, meat and meat products. There is also a shift of some regions towards consumption of vegetables, fruits, milk and dairy products below average. Cluster analysis allowed us to identify three groups of regions. In the group of regions with the best consumption characteristics, they correspond to rational norms of consumption of bread and bread products, meat, potatoes. The second group of regions in most cases fulfills the consumption standard for bread and bread products, meat. The third group includes regions where the actual consumption of products corresponds to the normative values only for the consumption of bread and bread products. The results of the study confirm the dependence of the level of self-sufficiency of the region with food products on the fulfillment of consumption standards in a particular region.

Keywords: clustering, food balance, consumption norms, food security

For citation: Zhilina E. V., Khanova I. M. Clustering of Russian regions by consumption of basic foodstuffs. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):9–15. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-9-15.

Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания утверждены Приказом Минздрава Российской Федерации от 19 августа 2016 г. № 614 [1].

Однако не все регионы соответствуют данным нормативам, что непосредственно связано с продовольственным балансом данной территории.

Основное недостижение нормативов по потреблению наблюдается среди таких продовольственных групп как: молоко и молочные продукты, картофель, овощи, фрукты и ягоды. Именно по данным группам пищевой продукции по оценке Минсельхоза России не были достигнуты пороговые значения продовольственной независимости [2].

Обозначенная проблема определила цель исследования, которая направлена на проведение анализа фактического потребления основных продуктов питания по регионам в сравнении с установленными нормами.

Определение состояния продовольственной безопасности в регионах Российской Федерации проведено на основе результатов сопоставления фактического потребления продуктов питания с рациональными нормами. В процессе исследования был использован метод описательных показателей статистики, таких как эксцесс, асимметрия, медиана и дисперсия.

Для определения характеристики потребления населением основных продуктов питания воспользуемся полученными данными описательной статистики, представленными в таблице 1.

Объем потребления хлебной продукции в 2021 году в среднем по России составил 114 кг на душу населения, что выше норматива на 20 %. Превышение нормы характерно для 76 субъектов. Наибольшее превышение потребления отмечается в Алтайском крае, Тамбовской и Курской областях. Невыполнение норм свойственно Москве, Санкт-Петербургу, Мурманской области, что обусловлено более высоким уровнем жизни в данных субъектах. Таким образом, с увеличением доходов происходит изменение структуры потребления, когда продукты с большим количеством углеводов заменяются на более полезные продукты питания, такие как фрукты, овощи, рыба, мясо. Высокий уровень потребления в республиках Северного Кавказа обусловлен традициями кулинарного потребления, а также низким уровнем жизни, который не позволяет вытеснить традиционные продукты потребления.

Данные таблицы 1 показывают, что значение эксцесса (1,85) указывает на островершинный характер распределения, что означает скопление регионов с максимальным потреблением в центре. Отрицательное значение асимметрии свидетельствует, что большая часть регионов не превышает среднее значение потребления.

Средний объем потребления картофеля составил в 2021 году 90 кг на душу населения, что отвечает установленным нормам. Однако данный норматив свойствен 32 субъектам из 82.

Максимальное потребление отмечается в таких субъектах как Брянская область, Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Еврейская автономная область, Республика Татарстан, где объемы собственного производства являются достаточными для обеспечения собственных потребностей.

Таблица 1 — Расчеты показателей описательной статистики потребления*

Показатель	Хлеб и хлебная продукция	Картофель	Овощи	Фрукты	Мясо и мясопродукты	Молоко и молочные продукты
Среднее	114	89,378	102,792	59,185	75,61	230,14
Стандартная ошибка	1,685	2,57	3,247	1,708	1,45	4,91
Медиана	114	89	98	60	75	235
Мода	109	97	105	64	67	240
Стандартное отклонение	15,171	23,297	29,404	15,375	13,17	44,46
Дисперсия выборки	230,175	542,756	864,610	236,403	173,56	1977,50
Эксцесс	1,859	0,245	5,377	2,246	0,98	0,472
Асимметричность	–0,247	0,214	1,536	0,643	0,59	–0,13
Интервал	95	109	203	99	72	255
Минимум	58	39	34	21	44	106
Максимум	153	148	237	120	116	361
Сумма	9234	7329	8429	4794	6276	18 872
Счет	82	82	82	82	82	82,00
Уровень надежности (95,0 %)	3,35	5,11	6,46	3,40	2,88	9,77

* Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [3].

Наибольшее отклонение от норм свойственно Республике Адыгея, Чукотскому автономному округу, Республике Калмыкия, Москве, Республике Коми, где напротив объемы собственного производства данного продукта минимальны.

Значение медианы ниже среднего свидетельствует о правосторонней асимметрии, которая говорит о смещении большинства регионов в сторону превышения сложившегося среднего уровня потребления по картофелю.

Эксцесс ближе к нулевому значению говорит о равномерном потреблении картофеля по всей территории России.

Для подтверждения зависимости потребления картофеля от объемов производства в регионе представим данные на рисунке 1.

Как видно из рисунка 1, в регионах с наибольшим производством наблюдается и наибольшая доля потребления данного продукта.

Средний объем потребления овощей составил 102 кг, что меньше рациональных норм потребления на 37 %. Нормы потребления не выполняются в 75 субъектах. Особенно низкий уровень потребления сложился в республиках Тыва, Бурятия, Саха-Якутия, что обусловлено географической удаленностью от традиционных мест производства овощной продукции. Максимальное потребление наблюдается в регионах с традиционным производством овощей: Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике, Чеченской Республике, Волгоградской, Астраханской, Оренбургской областях.

Значение медианы по данной группе пищевой продукции ниже среднего значения, при этом есть существенная правосторонняя асимметрия, свидетельствующая о смещении части регионов в сторону потребления выше среднего значения. Так, основная доля овощей выращивается в Южном федеральном округе, что объясняет значение эксцесса (5,37), который указывает на островершинный характер распределения, т. е. скопление регионов с нормативным потреблением в Южном федеральном округе.

Из рисунка 2 видно, что основная доля субъектов имеет незначительные объемы производства овощей и, соответственно, незначительный объем их потребления.

Рисунок 1 — Зависимость потребления картофеля от объемов производства в регионе, по данным за 2021 год (Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [3])

Figure 1 — The dependence of potato consumption on production volumes in the region, according to data for 2021 (Compiled by the author based on the data by the Federal State Statistics Service [3])

Рисунок 2 — Зависимость потребления овощей от объемов производства в регионе, по данным за 2021 год (Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [3])

Figure 2 — Dependence of vegetable consumption on production volumes in the region, according to data for 2021 (Compiled by the author based on the data by the Federal State Statistics Service [3])

Средний объем потребления фруктов составил 60 кг, что меньше на 40 % от рациональной нормы потребления. При этом норма потребления достигнута только в Кабардино-Балкарской Республике.

Наиболее неблагоприятная ситуация сложилась в республиках Тыва, Бурятия, Калмыкия и Тамбовской области. Данные таблицы 1 показывают, что значение медианы выше средней, следовательно, существует левосторонняя асимметрия, свидетельствующая о смещении большинства регионов в сторону более низкого потребления фруктов относительно среднероссийского уровня. Значение эксцесса (2,24) указывает на островершинный характер распределения, что означает концентрацию регионов в районе среднероссийского потребления, а также наличие аномальных величин (Камчатский край и Республика Ингушетия). Основная доля фруктов выращивается непосредственно в Северо-Кавказском федеральном округе. Практически все субъекты восполняют дефицит за счет импорта продукции. На рисунке 3 видно, что объем производства и объем потребления находятся на достаточно низком уровне.

Средний объем потребления мяса и мясных продуктов составил 75 кг, что на 2 % выше нормативного потребления. Несоответствие нормам потребления присуще 37 субъектам. Наибольшее отклонение от норматива наблюдается в Республике Крым, Республике Ингушетия, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Дагестан, Чукотском автономном округе, Еврейской автономной области. Наибольшее потребление свойственно Республике Калмыкия, Псковской и Московской областям, что свидетельствует о достаточной покупательной способности населения в данных регионах России. Данные таблицы 1 показывают, что значение медианы практически соответствует средней, при этом наблюдается несуществен-

Рисунок 3 — Зависимость потребления фруктов от объемов производства в регионе, по данным за 2021 год (Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [3])

Figure 3 — Dependence of fruit consumption on production volumes in the region, according to data for 2021 (Compiled by the author based on the data by the Federal State Statistics Service [3])

ная правосторонняя асимметрия, свидетельствующая о смещении большинства регионов в сторону превышения рациональных норм потребления. Значение эксцесса (0,98) указывает на несущественный островершинный характер распределения, что означает концентрацию регионов в районе среднероссийских показателей потребления.

По данным рисунка 4 видно, что объем потребления соответствует объему собственного производства, а регионы обладают одинаковым потенциалом.

Средний объем потребления молока и молочных продуктов составил 230 кг, что меньше на 30% от рациональной нормы потребления. Норма потребления выполняется только в Республике Татарстан (рис. 5).

Максимальное потребление свойственно Республике Татарстан, Санкт-Петербургу, Республике Башкортостан, Кабардино-Балкарской Республике, Оренбургской и Воронежской областям. В данных субъектах сосредоточен наибольший объем производства данного вида продукции. Данные таблицы 1 показывают, что существует левосторонняя асимметрия, свидетельствующая о смещении большинства регионов в сторону более низкого потребления молока относительно среднероссийского уровня. Значение эксцесса (0,47) указывает на равномерный характер распределения регионов по уровню потребления.

Для получения итоговых результатов проведем группировку субъектов Российской Федерации по выполнению норм потребления (табл. 2). В первой группе регионов потребление соответствуют рациональным нормам по хлебу и хлебным изделиям, мясу и мясопродуктам, картофелю. Вторая группа регионов

Рисунок 4 — Зависимость потребления мяса и мясопродуктов от объемов производства в регионе, по данным за 2021 год (Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [3])

Figure 4 — The dependence of the consumption of meat and meat products on production volumes in the region, according to data for 2021 (Compiled by the author based on the data by the Federal State Statistics Service [3])

Рисунок 5 — Зависимость потребления молока и молочных продуктов от объемов производства в регионе, по данным за 2021 год (Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [3])

Figure 5 — The dependence of the consumption of milk and dairy products on production volumes in the region, according to data for 2021 (Compiled by the author based on the data by the Federal State Statistics Service [3])

в большинстве случаев выполняет норматив потребления по хлебу и хлебным изделиям, мясу и мясопродуктам, но не достигает нормативных значений по картофелю. В третью группу отнесены регионы, у которых фактическое потребление продуктов соответствуют нормативным значениям только по потреблению хлеба и хлебных изделий.

Проведенное исследование показало несоответствие структуры питания во многих регионах России рациональным нормам потребления продовольствия, что оказывает значительное влияние на здоровье населения. При этом в регионах-донорах с высоким уровнем собственного производства норматив по потреблению основных групп товаров выполняется в полном объеме.

Таблица 2 — Распределение регионов по уровню соответствия фактического и рационального потребления*

Группа	Субъекты
1 группа	Белгородская область; Воронежская область; Курская область; Липецкая область; Орловская область; Тамбовская область; Тверская область; Вологодская область; Новгородская область; Астраханская область; Волгоградская область; Ростовская область; Республика Дагестан; Кабардино-Балкарская Республика; Чеченская Республика; Республика Марий Эл; Республика Мордовия; Республика Татарстан; Удмуртская Республика; Нижегородская область; Пензенская область; Свердловская область; Республика Алтай; Красноярский край; Забайкальский край; Приморский край.
2 группа	Брянская область; Калужская область; Московская область; Рязанская область; Тульская область; Ярославская область; Республика Коми; Калининградская область; Ленинградская область; Псковская область; Республика Калмыкия; Краснодарский край; Республика Ингушетия; Карачаево Черкесская Республика; Республика Северная Осетия-Алания; Ставропольский край; Республика Башкортостан; Чувашская Республика; Кировская область; Оренбургская область; Самарская область; Ульяновская область; Иркутская область; Кемеровская область; Новосибирская область; Омская область; Республика Саха (Якутия); Камчатский край; Хабаровский край; Амурская область; Магаданская область; Сахалинская область; Еврейская автономная область.
3 группа	Владимирская область; Ивановская область; Костромская область; Смоленская область; г. Москва; Республика Карелия; Архангельская область; Мурманская область; г. Санкт-Петербург; Республика Адыгея; Республика Крым; г. Севастополь; Пермский край; Саратовская область; Курганская область; Тюменская область; Челябинская область; Республика Тыва; Республика Хакасия; Алтайский край; Томская область; Республика Бурятия; Чукотский автономный округ.

* Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [3].

Список источников

1. «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания» : Приказ Минздрава Российской Федерации от 19 августа 2016 г. № 614 : редакция от 01 декабря 2020 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_204200
2. «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» : Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425
3. Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru

References

1. "On the Approval of Recommendations on Rational Norms for the Consumption of Food Products that Meet Modern Requirements for a Healthy Diet": Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated August 19, 2016 No. 614: version on December 01, 2020. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_204200
2. “On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation”: Decree of the President of the Russian Federation dated January 21, 2020 No. 20. GARANT.RU: information and legal portal. (In Russ.). Available from: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425
3. Federal State Statistics Service: official site. (In Russ.). Available from: https://rosstat.gov.ru

Информация об авторах

Е. В. Жилина — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности;

И. М. Ханова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности.

Information about authors

E. V. Zhilina — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Economic and Legal Security;

I. M. Khanova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Economic and Legal Security.

Статья поступила в редакцию 27.03.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 27.03.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 16–24
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):16–24

Научная статья
УДК 311:339.9
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-16-24

ВЛИЯНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО БАЛАНСА РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА НОРМЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

Екатерина Валерьевна Жилина[1]✉, Илюза Марваровна Ханова[2], Эльвира Вагизовна Дубинина[3]
[1,2,3]Институт истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия
[1]Ekaterina-zhilina@inbox.ru✉, https://orcid.org/ 0000-0002-2626-5854
[2]Iluza7@yandex.ru, https://orcid.org/ 0000-0001-8886-1224
[3]Edubinina@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-4086-122X

Аннотация. В статье рассмотрено влияние продовольственного баланса регионов Российской Федерации на нормы потребления продуктов питания, рекомендованные Минздравом России. В результате проведенной кластеризации регионов по типу продовольственного баланса были выделены четыре типа регионов: регион-донор с экспортно-ориентированным производством, регион-донор с ориентацией на внутренний спрос, регион-реципиент с опережающим импортозамещением, регион-реципиент с ориентацией на внутренний спрос. В результате исследования была подтверждена тесная взаимосвязь между регионами-реципиентами с ориентацией на внутренний спрос и регионами с наибольшим отклонением от норм потребления продуктов питания.
Ключевые слова: кластеризация, продовольственный баланс, нормы потребления, регион-донор, регион-реципиент, продовольственная безопасность
Для цитирования: Жилина Е. В., Ханова И. М., Дубинина Э. В. Влияние продовольственного баланса регионов Российской Федерации на нормы потребления продуктов питания // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 16–24. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-16-24.

Research article

THE INFLUENCE OF THE FOOD BALANCE OF REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION ON FOOD CONSUMPTION NORMS

Ekaterina V. Zhilina[1]✉, Ilyuza M. Khanova[2], Elvira V. Dubinina[3]
[1,2,3]Institute of History and Public Administration of Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
[1]Ekaterina-zhilina@inbox.ru✉, https://orcid.org/ 0000-0002-2626-5854
[2]Iluza7@yandex.ru, https://orcid.org/ 0000-0001-8886-1224
[3]Edubinina@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-4086-122X

Abstract. The article examines the impact of the food balance of the regions of the Russian Federation on the norms of food consumption recommended by the Ministry of Health of Russia. As a result of the clustering of regions according to the type of food balance, four types of regions were identified: a donor region with export-oriented production, a donor region with a focus on domestic demand, a recipient region with advanced import substitution, a recipient region with a focus on domestic demand. As a result of the

study, a close relationship was confirmed between the recipient regions with a focus on domestic demand and the regions with the greatest deviation from the norms of food consumption.
Keywords: clustering, food balance, consumption rates, donor region, recipient region, food security
For citation: Zhilina E. V., Khanova I. M, Dubinina E. V. The influence of the food balance of regions of the Russian Federation on food consumption norms. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):16–24. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-16-24.

Введение

Согласно Доктрине продовольственной безопасности, каждый гражданин страны должен иметь физическую и экономическую доступность к пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям и в объемах не меньше рациональных норм потребления [5].

Однако нормы потребления, соответствующие Приказу Минздрава России, не выполняются по ряду групп товаров: молоко и молочные продукты, картофель, овощи, фрукты и ягоды.

Выполнение норм в каждом отдельно взятом регионе зависит от уровня самообеспечения данного региона конкретным видом продукции.

В свою очередь продовольственный баланс регионов рассматривается на уровне положительного или отрицательного значений. Положительное значение характеризует субъект, в котором объемы производства и переходящие запасы продовольствия на начало года превышают объемы фактического потребления и переходящие запасы продовольствия на конец года.

В противоположном случае продовольственный баланс принимает нулевое или отрицательное значение, что непосредственно оказывает негативное воздействие на физическую доступность к пищевой продукции в конкретном регионе [1].

Материалы, методы и условия проведения исследований

В процессе исследования были использованы экономико-статистические, графические, экономико-математические методы исследования, основанные на данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики.

Кластеризация регионов по уровню продовольственной безопасности проведена по количественному значению продовольственного баланса и рассчитана по формуле:

$$Pb = V + Zn - P - Zk > 0,$$

где Pb — продовольственный баланс, тыс. т;

V — суммарный объем производства сельскохозяйственной продукции (сельскохозяйственное сырье, полуфабрикаты и готовая продукция) по всем видам хозяйств в рассматриваемом регионе (округе), млн т;

Zn — имеющиеся запасы данной продукции в регионе (округе) на начало года, млн т;

P — потребление данной продукции регионом (округом), млн т;

Zk — имеющиеся запасы данной продукции в регионе (округе) на конец года, млн т.

В зависимости от значения продовольственного баланса все регионы Российской Федерации были сгруппированы по четырем типам:

1. Регион-донор с экспортно-ориентированным производством (ДЭ) — регион, в котором объемы производства превышают объемы потребления, а излишек продукции экспортируется;

2. Регион-донор с ориентацией на внутренний спрос (ДИ) — регион, в котором объемы производства обеспечивают внутренние потребности, а доля экспорта и импорта незначительна;

3. Регион-реципиент с ориентацией на внутренний спрос (РИ) — регион, в котором объем потребления превышает объемы собственного производства, а недостаток объема компенсируется за счет привлечения импорта для внутреннего потребления;

4. Регион-реципиент с опережающим импортозамещением (РЭ) — регион, в котором

объем потребления превышает объемы собственного производства, а объем импорта превышает потребности, что позволяет данным регионам осуществлять экспорт продукции.

Кластеризация регионов Российской Федерации по уровню продовольственной безопасности проведена на примере групп товаров, не соответствующих пороговому значению, установленных Доктриной продовольственной безопасности. Для визуализации уровня продовольственной безопасности использовался картографический метод на основе цветовой маркировки.

Материалами для проведения исследования послужили публикации по теме М. Ю. Лявиной [1], С. В. Панковой, А. П. Цыпина, В. В. Попова [2].

Результаты исследования и их обсуждение

В соответствии с Приказом Минздрава России от 19.08.2016 № 614 были утверждены рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания. Выполнение данных норм представлено на рисунке 1 [4].

Как видно из рисунка 1, потребление в соответствии с нормативными требованиями не выполняется по молоку и молочным продуктам, картофелю, овощам, фруктам и ягодам. В сравнении с 2000 годом потребление хлебных продуктов в отчетном периоде сократилось на 17 %, картофеля — на 55 %. При этом возросло потребление овощей на 12 %, фруктов — на 166 %, мяса и мясопродуктов — на 50 %, яиц — на 15 %, рыбы и рыбопродуктов — на 55 %. Уровень потребления сахара остается неизменным на протяжении анализируемого периода.

Уровень потребления также связан с доходами населения. Рассмотрим структуру потребления по децильным группам населения в таблице 1.

Рисунок 1 — Соответствие потребления основных продуктов питания утвержденным нормам Минздрава за 2021 год, кг на душу населения (Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [6])

Figure 1 — Correspondence of the consumption of basic foodstuffs with the approved norms of the Ministry of Health for 2021, kg per capita (Compiled by the author based on the data by the Federal State Statistics Service [6])

Таблица 1 — Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах по 10-процентным (децильным) группам населения за 2021 г., кг на душу населения*

Наименование	Децильная группа									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Хлеб и хлебные продукты	80,3	85,2	91,4	92,2	93,9	94,3	92,6	91,2	92,9	88,2
Картофель	44,9	48,8	51,4	54,5	54,0	55,7	55,8	52,2	56,5	49
Овощи и бахчевые	64,5	79,3	89,1	93,9	101,6	107,7	111,3	114,6	122,6	123,3
Фрукты и ягоды	40,4	50,2	58,7	63,5	69,6	77,4	81,2	84,5	94,6	96,5
Мясо и мясные продукты	62,3	76	82,3	85,6	93,6	99,5	104,7	106,1	114,2	112,3
Молоко и молочные продукты	171	208,1	231,2	246,7	267,9	279,2	284,4	296,6	314,3	342,8
Яйца	171	198	210	220	232	237	252	249	272	282
Рыба и рыбные продукты	13,6	16,8	18,6	20,0	21,6	23,4	23,9	24,0	26,3	28,9
Сахар и кондитерские изделия	23,7	26,8	28,9	30,1	31,7	32,5	31,9	31,1	32,8	32,5
Масло растительное	8,4	9,1	9,7	9,9	10,4	10,2	10,2	9,7	10,2	9,6

* Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [6].

По данным таблицы видно, что потребление продуктов питания в соответствии с нормами было достигнуто в большинстве децильных групп только по мясу и мясопродуктам, сахару и кондитерским изделиям. В остальных группах наблюдается невыполнение норм. При этом с 6-й по 10-ю группы меняют свою структуру потребления, сокращая потребление хлебной продукции и картофеля в пользу потребления овощей и фруктов. Структура потребления представлена в таблице 2.

Необходимо отметить, что 1-я децильная группа тратит на питание более 40 % от общей суммы доходов, при этом у 10-й децильной группы на питание уходит не более 20 %.

В целом фиксируется сильное расслоение населения по показателям потребления продовольствия. Данная ситуация связана с целым рядом факторов: общее снижение реальных доходов населения, недостаток мощностей хранения, а также недостаточный уровень организации системы распределения и реализации продукции. При этом с ростом доходов меняется структура потребления в пользу более дорогих и качественных продуктов, что приводит к сокращению потребления картофеля и макаронных изделий в пользу потребления фруктов, овощей, рыбы и мяса.

На достижение норм потребления непосредственное влияние оказывает физическая доступность пищевой продукции.

По оценке Минсельхоза России в 2021 году пороговые значения продовольственной независимости не были достигнуты по овощам и бахчевым культурам (уровень ниже на 3,1 п.п.), пищевой соли (уровень ниже на 15,6 п.п.), ягодам и фруктам (уровень ниже на 16,4 п.п.), картофелю (уровень ниже на 6,6 п.п.), молоку и молокопродуктам (уровень ниже на 5,8 п.п.) [3].

В свою очередь на достижение Доктрины продовольственной безопасности существенное влияние оказывает региональная вариация, которая обусловлена природно-климатическими и территориальными особенностями субъектов России [4].

Продовольственный баланс федеральных округов по группам продукции, которые не достигли порогового значения, установленных

Таблица 2 — Структура потребления продуктов питания в домашних хозяйствах по 10-процентным (децильным) группам населения за 2021 г.*, %

Наименование	Децильная группа									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Хлеб и хлебные продукты	12	11	10	10	10	9	9	9	8	8
Картофель	7	6	6	6	6	5	5	5	5	4
Овощи и бахчевые	9	10	10	10	10	11	11	11	11	11
Фрукты и ягоды	6	6	7	7	7	8	8	8	8	8
Мясо и мясные продукты	9	10	9	9	10	10	10	10	10	10
Молоко и молочные продукты	25	26	27	27	27	27	27	28	28	29
Яйца	25	25	24	24	24	23	24	24	24	24
Рыба и рыбные продукты	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Сахар и кондитерские изделия	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Масло растительное	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

* Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [6].

Доктриной продовольственной безопасности, представлен в таблице 3.

Основными федеральными округами, в которых наблюдается отрицательный продовольственный баланс по рассмотренным группам товаров, являются Центральный, Северо-Западный, Уральский, Сибирский федеральные округа.

Прежде всего данная тенденция связана с климатическими зонами, особенностями грунта, плотностью населения, экспортными возможностями, развитостью инфраструктуры и иными факторами.

Как видно из данных таблицы, основным округом-донором по картофелю является Центральный федеральный округ, в котором объем производства превышает потребление на 553 тыс. тонн. Все остальные федеральные округа являются реципиентами. При этом основными донорами Центрального федерального округа выступают Брянская и Воронежская области, которые производят 10 % картофеля от общей доли в стране.

Овощи выращиваются в 1-й и 2-й климатических зонах России, что и определяет небольшую площадь производства. Крупнейшими регионами-реципиентами являются Московская, Ростовская и Ленинградская области. Основной импорт (6 % от объема) продукции в регионы-реципиенты идет в Хабаровский, Пермский, Красноярский, Приморский края, Омскую область.

Таблица 3 — Продовольственный баланс по федеральным округам за 2021 год*

Вид продовольствия	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Картофель	553	–464	–237	–239	–52	–58	–86	–184
Молоко	–3293	–1929	–151	152	917	–738	–216	–824
Овощи	–1624	–827	2022	654	–47	–620	–727	–487
Фрукты	–1892	–731	–568	–88	–1093	–628	–704	–447

* Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [6].

Регионы-доноры с ориентацией на внутренний спрос в данном случае отсутствуют. Ни один из регионов с положительным продовольственным балансом не оставляет продукцию только для внутреннего потребления, каждый из регионов осуществляет экспорт.

Практически всем субъектам Российской Федерации приходится восполнять дефицит фруктов за счет импорта из других стран. Субъекты с положительным продовольственным балансом используют фрукты преимущественно для внутреннего потребления.

На долю 19 регионов-доноров по молочной продукции с экспортным потенциалом Российской Федерации приходится 42 % всего экспорта. Основная часть производства данного вида продукции сосредоточена в Приволжском федеральном округе.

Структура регионов в зависимости от типа продовольственного баланса представлена в таблице 4.

Как видно из таблицы 4, регионы-доноры экспортируют продукцию регионам-реципиентам. Наибольшая доля реципиентов наблюдается в категории овощей и фруктов. Достоверность группировки регионов по типам подтверждается данными таблицы. Так регионы типа ДЭ характеризуются наибольшей долей собственного производства, высокой долей экспорта и отсутствием импорта. Регионы типа

Таблица 4 — Структура регионов по типам продовольственного баланса*

Тип региона	Кол-во субъектов	Доля собственного производства, без учета запасов %	Доля импорта, %	Доля экспорта, %
Картофель				
ДЭ	22	45	7	64
ДИ	7	7	0,7	2
РЭ	15	21	66	32
РИ	38	27	26	2
Итого	82	100	100	100
Овощи				
ДЭ	14	54	1	30
ДИ	0	–	–	–
РЭ	29	30	66	33
РИ	39	16	33	37
Итого	82	100	100	100
Фрукты				
ДЭ	2	17	0,05	10
ДИ	2	3	3	7
РЭ	28	60	66	80
РИ	50	20	31	3
Итого	82	100	100	100
Молоко и молочные продукты				
ДЭ	19	44	11	42
ДИ	14	16	16	25
РЭ	31	32	62	31
РИ	36	8	11	2
Итого	82	100	100	100

* Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [6].

ДИ не имеют экспортного потенциала и не привлекают импорт, за счет самообеспеченности. Регионы типа РЭ производят часть продукции самостоятельно, а недостаток восполняют за счет привлечения импорта в большем объеме от требуемого, с целью дальнейшего экспорта в регионы типа РИ.

Далее рассмотрим расположение регионов-реципиентов типа РИ на карте России для дальнейшего определения их взаимосвязи с регионами, в которых наблюдается наибольшее отклонение от норм потребления.

Как видно из данных рисунков 2 и 3, наблюдается тесная взаимосвязь между уровнем самообеспеченности региона и нормами потребления. Так, регионы с наибольшим отклонением от норматива являются регионами типа РИ. В данных регионах объем потребления превышает объемы собственного производства, а недостаток объема компенсируется за счет привлечения импорта для внутреннего потребления, что существенно сказывается на экономической и физической доступности пищевой продукции для населения.

Заключение

В результате проведенного анализа были получены следующие результаты:

1. Установлена разница в потреблении продуктов питания по децильным группам населения, что доказывает экономическую недоступность пищевой продукции. При этом с ростом доходов меняется структура потребления в пользу более дорогих и качественных продуктов питания, что приводит к сокращению потребления картофеля и макаронных изделий в пользу потребления фруктов, овощей, рыбы и мяса.

а) картофель
a) potatoes

б) молоко и молочная продукция
b) milk and dairy products

в) овощи
c) vegetables

г) фрукты
d) fruits

Рисунок 2 — Регионы-реципиенты типа РИ по группам товаров за 2021 год
(Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [6])

Figure 2 — Regions-recipients of the RI type by groups of goods for 2021
(Compiled by the author based on the data by the Federal State Statistics Service [6])

а) картофель
a) potatoes

б) молоко и молочная продукция
b) milk and dairy products

в) овощи
c) vegetables

г) фрукты
d) fruits

Рисунок 3 — Регионы с наибольшим отклонением от норм потребления продуктов питания, утвержденных Минздравом Российской Федерации, кг на душу населения, по данным 2021 года (Составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [6])

Figure 3 — Regions with the largest deviation from the norms of food consumption approved by the Ministry of Health of the Russian Federation, kg per capita, according to 2021 data (Compiled by the author based on the data by the Federal State Statistics Service [6])

2. Выявлено несоответствие потребления рациональным нормам питания как в первой, так и в десятой доходных группах, что определяет не только доходную зависимость в потреблении, но и недостаток информированности о здоровом питании среди населения.

3. Доказана зависимость норм потребления в конкретном регионе от уровня самообеспечения данного региона конкретным видом продукции.

4. Определено отставание фактических значений уровня самообеспечения продовольствием от нормативных. Нет концептуальной программы по наращиванию процессов производства, соответствия их потребительским предпочтениям.

В результате государственная политика в области обеспечения продовольственной доступности пищевой продукции должна включать механизмы снижения разницы в доходах населения и механизмы развития агропромышленного комплекса России.

Список источников

1. Лявина М. Ю. Агропродовольственное импортозамещение в России в условиях макроэкономической нестабильности // Конкурентоспособность национального агропродовольственного комплекса в условиях глобальных вызовов: оценка и перспективы : сборник материалов Всероссийской научной конференции «Островские чтения». Саратов : ИАгП РАН, 2018. С. 89–93.

2. Панкова С. В., Цыпин А. П., Попов В. В. Методология статистического исследования обеспечения продовольственной безопасности России. Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2018. 149 с.

3. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2021 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продоволь-

ствия // Правительство Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://mcx.gov.ru/upload/iblock/60d/60d8f2347d3eb724ab9b57c61a9ac269.pdf

4. «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания» : Приказ Минздрава Российской Федерации от 19.08.2016 № 614 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_204200

5. «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» : Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425

6. Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru

References

1. Lyavina M. Yu. Agro-food import substitution in Russia in conditions of macroeconomic instability. *Konkurentosposobnost natsionalnogo agroprodovolstvennogo kompleksa v usloviiakh globalnykh vyzovov: otsenka i perspektivy : sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii "Ostrovskie chteniia" = Competitiveness of the national agro-food complex in the context of global challenges: assessment and prospects: collection of materials of the All-Russian scientific conference "Ostrovsky readings".* Saratov: IAgP RAS; 2018. P. 89–93. (In Russ.).

2. Pankova S. V., Tsypin A. P., Popov V. V. Methodology of statistical research of food security in Russia. Orenburg: Orenburg State University; 2018. 149 p. (In Russ.).

3. National report on the progress and results of the implementation in 2021 of the State Program for the Development of Agriculture and regulation of agricultural products, raw materials and food markets. Government of the Russian Federation: official site. (In Russ.). Available from: https://mcx.gov.ru/upload/iblock/60d/60d8f2347d3eb724ab9b57c61a9ac269.pdf

4. "On Approval of Recommendations on Rational Norms of Food Consumption that Meet Modern Requirements of Healthy Nutrition" : Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated August 19, 2016 No. 614. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_204200

5. "On the Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation": Decree of the President of the Russian Federation dated January 21, 2020 No. 20. (In Russ.). Available from: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425

6. Federal State Statistics Service: official site. (In Russ.). Available from: https://rosstat.gov.ru

Информация об авторах

Е. В. Жилина — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности;

И. М. Ханова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности.

Э. В. Дубинина — кандидат социологических наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности.

Information about authors

E. V. Zhilina — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Economic and Legal Security;

I. M. Khanova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Economic and Legal Security;

E. V. Dubinina — Candidate of Science (Sociological), Associate Professor of the Department of Economic and Legal Security.

Статья поступила в редакцию 27.03.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 27.03.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 25–34
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):25–34

Научная статья
УДК 330: 004.89
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-25-34

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕНЕДЖМЕНТЕ: ЗАПРОС НА ИИ-СЕРВИС

Мария Юрьевна Каталкина[1]✉, Елена Юрьевна Кузьмина[2], Алексей Владимирович Савченко[3]
[1,2,3]Государственный университет управления, Москва, Россия
[2]Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова, Москва, Россия
[1]M_katalkina@bk.ru✉
[2]kuzmina.ey@mail.ru
[3]iso90002000@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена современная практика и опыт использования последних достижений в сфере искусственного интеллекта зарубежными и отечественными компаниями. Цель — выявить ключевую проблему и сформулировать фундаментальные перспективы применения искусственного интеллекта в управлении, в том числе для формирования запроса на создание ИИ-сервиса управления как аппаратно-программного комплекса, повышающего эффективность решения управленческих задач. Методологическую основу исследования составили: диалектический, системный, комплексный, ситуационный подходы; методы сравнительного, экспертного анализа. Можно выделить следующие основные результаты исследования: рассмотрены и систематизированы актуальные тренды и тенденции применения искусственного интеллекта; обоснована важность и необходимость применения технологий искусственного интеллекта в управлении; сформулированы основные перспективные направления использования технологий искусственного интеллекта в современных компаниях.
Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ-сервис, персонал, управление, функции менеджмента, цифровизация
Для цитирования: Каталкина М. Ю., Кузьмина Е. Ю., Савченко А. В. Проблемы и перспективы использования технологий искусственного интеллекта в менеджменте: запрос на ИИ-сервис // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 25–34. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-25-34.

Research article

PROBLEMS AND PROSPECTS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN MANAGEMENT: AI SERVICE REQUEST

Maria Yu. Katalkina[1]✉, Elena Yu. Kuzmina[2], Alexey V. Savchenko[3]
[1,2,3]State University of Management, Moscow, Russia
[2]Yu. M. Luzhkov Moscow City University of Management of the Government of Moscow, Moscow, Russia
[1]M_katalkina@bk.ru✉
[2]kuzmina.ey@mail.ru
[3]iso90002000@mail.ru

Abstract. The article considers the modern practice and experience of using the latest achievements in the field of artificial intelligence by foreign and domestic companies. The goal is to identify the key problem and formulate the fundamental prospects for the use of artificial intelligence in management, including to form

a request for the creation of an AI management service as a hardware and software complex that increases the efficiency of solving management problems. The methodological basis of the study was: dialectical, systemic, complex, situational approaches; methods of comparative, expert analysis. The following main results of the study can be distinguished: current trends and trends in the use of artificial intelligence are considered and systematized; substantiates the importance and necessity of using artificial intelligence technologies in management; the main promising directions for the use of artificial intelligence technologies in modern companies are formulated.

Keywords: artificial intelligence, AI service, human resources, management, management functions, digitalization

For citation: Katalkina M. Yu., Kuzmina E. Yu., Savchenko A. V. Problems and prospects of using artificial intelligence technologies in management: AI service request. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2023;(2(59)):25–34. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-25-34.

Введение. Современные динамичные условия рыночной экономики побуждают все большее число компаний использовать последние достижения искусственного интеллекта (ИИ). Не исключением стала и сфера управления — использование в процессах управления новейших достижений в области цифровых технологий является главным трендом совершенствования систем управления предприятием [1]. Искусственный интеллект находит свое успешное применение во всех видах деятельности современной бизнес-единицы. Ожидания от внедрения искусственного интеллекта огромны, порой даже значительно опережают реальные запросы, но вместе с тем возможности в сфере управления деятельностью организации представляются весьма перспективными.

ИИ в нашем понимании представляет собой набор алгоритмов и инструментов машинного обучения, которые позволяют быстро получать большой объем данных, анализировать их, выявлять закономерности, оптимизировать их использование в деятельности организаций, а также прогнозировать тенденции трансформации ситуаций с учетом множества изменяющихся критериев. Подобные алгоритмы за считанные секунды позволяют проанализировать большое количество источников информации и предложить руководителю оптимальное решение.

На сегодняшний день ИИ нашел свое применение в проектном управлении, маркетинговой деятельности, контроле и оценке деятельности организации. Также широкое применение ИИ нашел в сфере планирования всех видов ресурсов компаний, оптимизируя большинство бизнес-процессов. Практика многих компаний показывает, что внедрение ИИ позволяет в целом улучшить координацию деятельности внутри компании, увеличить скорость выполняемых операций и повысить качество оперативной деятельности. Использование технологий ИИ дает возможность оптимизировать текущие задачи большинства подразделений, снизить операционные расходы и свести к минимуму ошибки, связанные с человеческим фактором.

Вместе с тем, на данный момент нет комплексного подхода к созданию таких аппаратно-программных систем на основе ИИ-технологий, как электронный секретарь или электронный офис для помощи топ-менеджменту в решении всех задач, стоящих перед современной организацией. В своем ежегодном исследовании «Top Strategic Technology Trends for 2021» [2] аналитики компании Gartner называют ИИ одним из 9 технологических трендов на ближайшие 5–10 лет и делают следующие прогнозы в этом направлении:

– степень ручного труда, необходимого для процесса рассмотрения контрактов, будет уменьшена вдвое в организациях, использующих передовые решения для анализа контрактов;

– три четверти запросов по управлению персоналом будут инициироваться через диалоговые платформы;

– 10 % покупок в интернете будут спрогнозированы и инициированы ИИ;

– данные ERP (англ. *Enterprise resource planning* — планирование ресурсов) станут основой для 30 % предиктивных анализов и прогнозов, генерируемых ИИ.

Актуальность направления также подтверждается результатами исследования, проведенного PwC [3], в соответствии с которыми к 2030 году мировой валовый внутренний продукт (ВВП) может быть на 14 % выше только за счет внедрения достижений в сфере ИИ, при этом основной эффект будет определяться повышением производительности труда за счет автоматизации бизнес-процессов, повышением производительности труда за счет обогащения существующих трудовых ресурсов технологиями ИИ, а также повышением потребительского спроса в связи наличием персонализированных и/или более качественных продуктов и услуг, усовершенствованных с помощью ИИ.

Будущее наступает все быстрее и быстрее. И если раньше ИИ являлся чем-то теоретически занимательным и далеким, то теперь наступает время для его прагматического использования. Менеджмент по природе своей вынужден опираться на технологии, обеспечивающие достижение лидирующих позиций и технологии ИИ — один из перспективнейших инструментов обеспечения конкурентных преимуществ социально-экономических систем. Поэтому очень важно заранее оценить возможности и границы применения ИИ в управлении, задачи, где ИИ необходимо применять и проблемы его применения. Мы можем показать основное направление применения ИИ в менеджменте и противоречия, возникающие при использовании ИИ как инструмента управления, или, по-другому, ИИ-сервиса управления. ИИ-сервис управления авторы рассматривают как специализированный аппаратно-программный комплекс, реализующий технологии ИИ, и предназначенный для повышения эффективности деятельности управленческих структур в социально-экономических системах. Наступает время разработки электронного секретаря как ИИ-сервиса управления, который, в первую очередь, должен выполнять секретарские функции, а в дальнейшем решать все более и более сложные задачи в управлении бизнес-процессами, реализуя роль электронного помощника, электронного штаба или электронного офиса.

Методология. IT-технологии делают нашу жизнь существенно проще. Электронные устройства не устают, точны и беспристрастны — идеальные помощники, но они несут сопутствующие сложности и замысловатости, а также, кроме несомненной пользы, возможный вред. Авторы, не являясь специалистами в области ИИ, с точки зрения теории менеджмента изучают комплекс представлений о возможности использования ИИ для решения задач управления. В основу проведенного исследования положен системный подход, элементы научного прогнозирования и логически обоснованной экстраполяции выявленных тенденций. При поведении исследования анализировался материал по общим вопросам применения ИИ в бизнес-процессах. Теоретическая основа работы базировалась на общей теории систем, стратегическом менеджменте и ситуационном управлении. Многоплановость технологий ИИ приводит к использованию многочисленных методов изучения вопросов по применению ИИ, таких как абстрагирование и теоретическое конструирование, обобщение и мыслительное моделирование.

Авторами также использовался эмпирический материал, полученный при интервьюировании и анкетировании бакалавров Государственного университета управления, г. Москва. Однако нельзя не отметить относительность данного эмпирического материала. Выбор студентов связан, в первую очередь, с функциональным взглядом специалистов, что в некотором смысле ограничивает их кругозор. Известно об ошибочном прогнозе на развитие отрасли экспертов компании IBM, которые не рассмотрели перспективность рынка персональных компьютеров и открыли архитектуру своего ПК. Поэтому прогнозы дальней эволюции рынков всегда проблематичны, и, с точки зрения авторов, именно молодежь лучше может спрогнозировать будущие изменения. Однако, вопросы использования ИИ в будущем содержат настолько большой уровень неопределенности, что построить достоверный прогноз в этой сфере на основе правильного применения методов статистики невозможно. Любые группы, привлеченные для опроса, будут недостаточно компетентны. Сбор мнений студентов обоснован, в-первую очередь, непредвзятостью к этой теме. Во-вторых, студентам неизбежно придется в трудовой

биографии столкнуться с технологиями ИИ. В-третьих, учитывалась высокая адаптивность молодежи к использованию цифровых технологий. В-четвертых, интервьюирование несло определенную педагогическую функцию подготовки к долгосрочным изменениям в технологиях управления, что мотивировало на определенную искренность при выражении своих мнений. Эта аргументация позволяет серьезно отнестись к качественным выводам из эмпирической части проведенного исследования.

Как мы видим, исходным содержанием проведенного исследования являются российские и зарубежные научные материалы, информационно-аналитические статьи, статистические данные коммерческих компаний и государственных органов, результаты опросов. Базовыми методологическими способами, применяемыми авторами, стали теоретическое конструирование, системный анализ проблем, обобщение и абстрагирование.

Литературный обзор. Тим Миллер, изучая вопросы взаимодействия ИИ с человеком, проанализировал более 250 публикаций и выявил теоретические возможности комментария или объяснения собственных оснований при принятии ИИ решений. Задача создания ИИ, способного к комментированию и разъяснению своих решений, является крайне сложной и не может быть решена только за счет технических инструментов. Требуется использование социальных наук и многочисленные эксперименты. Однако, можно однозначно указать, что ИИ, используемый в менеджменте, должен обязательно уметь объяснять свои решения и аналитические заключения [4]. Исследования Т. Миллера продолжены и дополнены [5–6].

М. Х. Джаррахи в своей статье раскрывает возможности не противопоставления человека и ИИ, а дополнения, их симбиоза. Человек, вооруженный ИИ, по его мнению, более эффективен, чем ИИ, заменивший человека [7].

Алексей и Виктория Черновы изучили вопросы, связанные с желанием менеджеров передать свои функции ИИ. Они отмечают, что педагогические функции, обучение и коучинг согласны передать 8 % менеджеров, распределение ресурсов — 67 %, а анализ данных — 84 % [8].

Авторский опрос бакалавров четвертого курса Государственного университета управления, проведенный кафедрой теории и организации управления, показал, что по мнению студентов:

– ожидается высокий уровень задач, которые можно будет решать с использованием ИИ, как по различным функциям управления, так и по этапам процесса управления;

– на стратегическом уровне привлечение ИИ в менеджменте будет несколько меньшим, чем на тактическом и оперативном уровне;

– наиболее высокий процент использования ИИ будет при решении исследовательских задач, планировании, контроле и коррекции;

– минимальный уровень привлечения ИИ произойдет при решении задач мотивационного характера и при целеполагании.

По итогам опроса (приняли участие более 1000 респондентов из разных компаний), проведенного PwC [9] в конце 2020 г., 33 % респондентов начали внедрять ограниченные сценарии использования ИИ, 25 % уже сейчас имеют в своем распоряжении бизнес-процессы, полностью основанные на ИИ, 21 % получили перспективные результаты тестирования концепций, связанных с ИИ и готовятся к масштабированию и 21 % рассматривают возможность использования ИИ или уже начали проводить проверку гипотез. При этом по данным BCG только 10 % компаний получили какие-то ощутимые финансовые результаты от использования ИИ. Если говорить о российских компаниях, 2020 год не только не ослабил интерес к технологиям ИИ, а наоборот, заставил некоторые компании еще более интенсивно работать в этом направлении. По данным исследования, проведенного «Ростелеком» и TAdviser в 2020 году, технологии ИИ уже внедряются или тестируются в 85 % из опрошенных компаний (всего в опросе приняли участие 100 компаний) [10].

Формы применения технологий ИИ сегодня разнообразны и включают виртуальных помощников, чат-боты, машинное обучение и многие другие решения. В целом все технологии ИИ можно разделить на несколько основных сфер [9; 11]:

– автоматизация существующих задач, которые чаще всего носят рутинный характер,

при этом обычно не предполагаются какие-либо новые способы выполнения той или иной задачи;

– интеллектуальный помощник, помогающий выполнять задачи быстрее и лучше;

– дополненный интеллект — системы, улучшающие процесс принятия решений и постоянно обучающиеся на основе их взаимодействия с людьми и окружающей средой;

– автономные системы, способные адаптироваться к различным ситуациям и действовать без помощи человека.

Одним из наиболее известных и успешных примеров использования ИИ являются голосовые и чат-боты. Согласно Gartner, уровень проникновения ботов в 2020 году повысился до 20–50%, против 5–20% в 2019 году и по прогнозам в ближайшие пять лет темпы внедрения чат-ботов будут только расти. Так, например, Тинькофф Банк внедрил голосового помощника «Олег», который помогает не только с банковскими операциями, но также может заказать столик в ресторане или купить билеты в кино. «Алиса» Yandex и «Alexa» Amazon обладают внушительным списком навыков, например, могут подсказать актуальный курс валют, упростить поиск информации или сделать заказ в интернет-магазине. Другие интересные примеры чат-ботов: Pizza Hut внедрила чат-бот, который помогает клиентам с заказами и информирует о специальных предложениях; Aviasales представили бота поиска аномальных цен на авиабилеты; Альфа-Банк запустил HR-бота на внутреннем портале банка.

Необходимо отметить, что основное направление использования технологий ИИ — оптимизация внутренних бизнес-процессов. Банковский сектор считается одним из передовых направлений применения ИИ. Активно внедряет технологии ИИ Сбербанк в России, в частности, банк применяет технологии ИИ в кредитовании физических и юридических лиц, рутинные операции в более 50 бизнес-процессах выполняют роботы, запущена система оценки соискателей с помощью ИИ, а также начато использование ИИ при выборе мест расположения банкоматов. В 2020 году Банк ВТБ начал использовать ИИ для подбора сотрудников, что позволило оптимизировать затраты на первичный поиск кандидатов, также банк планирует увеличить количество цифровых сотрудников с 30 (которые уже сейчас заняты в более 20 бизнес-процессах) до 300.

Китайская компания Alibaba использует технологии ИИ в своей повседневной работе, в том числе для прогнозирования товаров, которые захотят купить клиенты. Немецкий производитель автомобилей Porsche использует ИИ для принятия сложных продуктовых решений в регионах и сопоставления запасов с местным спросом по всему миру, а также для поиска лучших сочетаний конфигураций автомобилей. Компания BMW использует ИИ для анализа фотографий с разных стадий сборочной линии, что очень пригодилось в 2020 году. Spotify предоставляет своим клиентам рекомендации по музыке на основе анализа ранее прослушанного контента. H&M использует ИИ в целях усилениях своих бизнес-решений: сохранение популярных товаров на основе анализа чеков и возвратов; прогнозирование рыночного спроса; автоматизация складов; персонализированные предложения в онлайн и офлайн магазинах. Новолипецкий металлургический комбинат использует ИИ для оптимизации расходов ферросплавов.

В целом можно сказать, что основными направлениями применения технологий ИИ в российских компаниях сейчас являются исследования и разработка, работа с клиентами, аналитика, накопление знаний, анализ рисков, управление кадрами [10].

Направления использования технологий ИИ в области работы с персоналом:

– найм и подбор персонала (алгоритмы, изучающие резюме кандидатов; выявление высокоэффективных сотрудников внутри компании для продвижения)

– развитие и обучение персонала (определение поведенческих особенностей, влияющих на эффективность деятельности; выявление признаков стресса, распознавание неправомерного поведения);

– самообслуживание персонала (использование чат-ботов для упрощения и оптимизации процесса взаимодействия сотрудников компании);

– система вознаграждения. К примеру, IBM потратила годы на оптимизацию решений для вознаграждения и управления кадра-

ми для своей компании с учетом особенностей ее культуры и бизнес-модели. Сейчас они предлагают корпоративным клиентам свои инструменты, и каждое внедрение открывает для них что-то новое об алгоритмах, способствуя их оптимизации с учетом отраслевых особенностей, культуры или организационных потребностей.

Анализ результатов. Системы с ИИ уже побеждают людей в самых сложных логических играх, шахматах и игре в го. Масштабное использование ИИ в менеджменте — вопрос ближайшего будущего. Однако, при разнообразии направлений развития программ в области ИИ, авторы не обнаружили упоминаний о комплексном подходе к разработке аппаратно-программных комплексов ИИ, предназначенных для работы электронным секретарем и решающих штабные задачи в управлении, который реализует функции комплексного помощника в управлении как ИИ-сервис управления. Стартапы в сфере ИИ создают, в основном, программисты на основе своих находок, решая, в первую очередь, задачи по применению своих алгоритмов. Это приводит к отсутствию системного взгляда на возможность использования ИИ для решения управленческих задач, при этом не заменяя менеджера, а помогая ему.

Вопросы применения ИИ в менеджменте стоят не в плоскости математического моделирования процессов управления и создания ИИ, заменяющего руководителя определенного уровня. С помощью теоретического конструирования можно выделить достаточно большой блок количественных и качественных задач управления, при решении которых человек проигрывает ИИ и создать конкурентоспособный симбиоз человека и машины в управленческой деятельности. Безусловно, ИИ уже сейчас в отдельных вопросах в состоянии:

– обеспечить процессы выбора альтернатив при принятии управленческого решения эффективными количественными расчетами;

– повысить эффективность планирования;

– упростить процедуры мониторинга, диагностики и контроля в бизнес-процессах;

– оптимизировать процедуры коррекции и координации в управленческой деятельности в связи с внезапными существенными изменениями значимых параметров деятельности и повысив согласованность в бизнес-процессах;

– минимизировать потери от несвоевременных решений, сократив время реакции в недопустимых моментах;

– увеличить степень организованности в сложных управленческих структурах, упростив коммуникационные процедуры.

Очевидно, использование ИИ в управлении поднимает моральные и этические вопросы при возникновении ситуаций воздействия на человека решений ИИ. Согласно руководящим принципам этики ЕС надежный ИИ должен соответствовать всем законам и постановлениям, отвечать этическим требованиям и гарантировать техническую надежность в соответствии с социальными притязаниями. ИИ, оптимизирующий управленческую деятельность, должен работать в соответствии с семью руководящими этическими принципами надежности (AI HLEG) экспертов ЕС [12]. В конце октября 2021 г. был подписан первый в России Кодекс этики в сфере ИИ.

Еще в 2017 году Президент Российской Федерации В. В. Путин сказал, что за ИИ не только российское будущее, но и будущее всего человечества, возможности и угрозы которого труднопредсказуемы. Лидер в этой сфере станет править миром [13]. Стоит отметить, что в России в 2020 году, по данным исследовательской компании IDC, инвестиции в технологии с ИИ выросли на 22,4 % относительно 2019 года [14]. Сильной стороной Российской Федерации, в основном благодаря математикам СССР, является хорошо развитое высшее образование. По мнению QS World University Rankings 2020/2021, 28 российских университетов вошли в число 1000 лучших университетов мира [15].

С другой стороны, хотя в дорожной карте министерства цифрового развития Российской Федерации среди сквозных цифровых технологий присутствует раздел «Рекомендательные системы и интеллектуальные системы поддержки принятия решений» и обозначена технологическая задача «обоснование решения, принятого на основе ИИ», но отсутствует утверждение цели создания комплексного ИИ-сервиса для управления [16]. ИИ-

сервис в этом случае понимается как система на основе технологий ИИ, способная решать штабные задачи в управлении или работать как электронный офис без участия персонала, для начала выполняя функции электронного секретаря.

Российская Федерация активно сотрудничает в сфере ИИ со многими странами. Например, в голландском обзоре возможностей сотрудничества с Россией в области ИИ, опубликованном на официальном сайте Королевства Нидерланды, отмечается [17]: уже существующее сотрудничество по задачам применения ИИ в вопросах интеллектуальной мобильности и здравоохранения; обе страны пока следуют за лидерами в сфере ИИ — США и Китаем; устремленность обеих стран в технологиях ИИ совпадает в задачах образования, госуслуг, создания конкурентной бизнес-среды, защиты национальной безопасности.

Кооперации в сфере технологий ИИ подвержены и коммерческие структуры, имеющие собственные разработки в этой области. Газпром нефть, Сбербанк в России, Яндекс, Mail.ru Grup и Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) в ноябре 2019 г. создали межотраслевой альянс по развитию искусственного интеллекта (AI-Russia ALLiance). Он создан в формате государственно-частного партнерства. Целью альянса является объединение усилий по созданию продуктов в сфере ИИ.

Нельзя говорить, что проекты использования ИИ в управлении отсутствуют или они неэффективны. К примеру, Даниель Шапиро (Daniel Shapiro), автор нескольких статей по проблемам использования ИИ, рассуждая о проблемах использования ИИ, проанализировал использование ИИ для аудита и управления рисками, который называется AuditMap.ai [18]. Этот проект ИИ предназначен для анализа больших объемов документации. Работа ИИ построена на поиске ключевых утверждений и их обработке. Этот ИИ-сервис существенно повышает эффективность контрольных процедур, частично беря на себя роль электронного секретаря. Несомненна полезность подобных проектов в менеджменте, однако, как и многие другие проекты, он решает частные задачи, не отвечая на заказ комплексного сервиса в управлении.

Выводы. Таким образом, можно утверждать, что ИИ с каждым днем все больше становится неотъемлемой частью успешного бизнеса. В обозримом будущем все компании вынуждены будут в борьбе за конкурентоспособность использовать все современные достижения в области ИИ. Потенциал использования технологий ИИ действительно огромен. Его использование позволит практически любой организации достичь устойчивого роста, освобождая руководителей разного уровня от решения рутинных задач, оставляя больше времени для стратегических.

ИИ дает возможность любой компании воспроизводить и постоянно улучшать свою деятельность, основываясь на инновациях в области цифровых технологий. Таким образом, ИИ создает прибавочную стоимость компании благодаря использованию всего потенциала данных на основе автоматизации сложных задач и составлении надежных прогнозов.

Неизбежно наступление эры использования ИИ в управлении. ИИ-сервис управления позволит решать следующие задачи:

– обеспечить процедуры планирования эффективным сбором и анализом необходимой информации;

– создать условия для совершенствования систем документооборота информационного обеспечения, упростив коммуникации в организациях;

– повысить конкурентоспособность производственно-сбытовых и снабженческих процедур предприятия;

– увеличить эффективность процедур диагностики, мониторинга и контроля в объектах управления;

– поднять уровень безопасности во всех аспектах деятельности компании;

– повысить уровень согласованности действий в бизнес-процессах за счет оптимизации коррекционных и координационных процедур;

– улучшить работу мотивационных и стимулирующих систем в организациях;

– обеспечить процедуры выбора альтернатив при разработке и принятии управленческих решений эффективным анализом информации;

– минимизировать потери организации из-за несвоевременного или неэффективного реагирования, от упущенных возможностей.

Развитие и усложнение конкуренции на мировых и региональных рынках требует от менеджмента постоянного повышения эффективности, поскольку теория менеджмента постоянно развивается, усложняя практику управления. Использование ИИ для повышения эффективности управления — не просто актуальная задача, это — условие выживания в конкурентной борьбе для многих компаний. Но проблема состоит в том, что только появление аппаратно-программной системы ИИ, обеспечивающей сервис управления решением основной массы управленческих задач, позволит компаниям получить стратегические преимущества.

Практическая значимость проведенного авторами исследования состоит в формулировании заказа на разработку ИИ-сервиса как электронного секретаря, разработанного на основе технологий ИИ, предназначенного для обслуживания потребностей топ-менеджмента компаний. Данный заказ необходим для понимания сообществом специалистов, работающих в области ИИ, стратегических перспектив развития отрасли, так как в конечной перспективе все разработки коммерческих программ ИИ, предназначенных для использования в корпорациях, должны обладать способностью интегрироваться в оболочку ИИ, ориентированную на комплексное обслуживание топ-менеджмента компаний. Таким образом, заказ на разработку ИИ-сервиса управления позволяет поставить вопрос о необходимости принятия стандартов интеграции программ ИИ более глубоких, чем взаимный обмен данными, что, несомненно, облегчит разработку аппаратно-программных систем ИИ, работающих как электронный секретарь или электронный автоматизированный офис.

Очевидно, что нельзя на первых шагах появления проектов применения ИИ в управлении требовать системности, совокупности и развернутости работ по созданию искусственно-интеллектуального сервиса. Однако, время этих первых шагов пришло и задача построения комплексного ИИ-сервиса управления стала актуальной. Постановка этой проблемы с точки зрения авторов является научно значимой. На первом этапе проектирования таких систем необходимо создание проектов, реализующих функции секретаря, а затем развивать сервис, способный выполнять штабные задачи в управлении организацией, что полностью соответствует стратегии развития ИИ в России [19]. IT-технологии существенно снизили объем бумажного делопроизводства и увеличили скорость принятия решений в управлении современными корпорациями. Применение ИИ-сервиса выведет управление на следующую ступень эволюционного развития.

Список источников

1. Кузьмина Е. Ю., Жернакова М. Б. Организационные аспекты цифровизации управления // Экономические системы. 2020. Т. 13, № 1. P. 95–101.

2. Gartner Top Strategic Technology Trends 2021 // Gartner. : site. URL: https://www.gartner.com/smarterwithgartner/gartner-top-strategic-technology-trends-for-2021

3. Sizing the prize. What's the real value of AI for your business and how can you capitalize? PwC's Global Artificial Intelligence Study: Exploiting the AI Revolution // PwC : site. URL: https://www.pwc.com/gx/en/issues/data-and-analytics/publications/artificial-intelligence-study.html

4. Miller T. Explanation in artificial intelligence: Insights from the social sciences. Melbourne, Australia : School of Computing and Information Systems University of Melbourne, 2017. 66 p. // The University of Melbourne : official site. URL: https://people.eng.unimelb.edu.au/tmiller/pubs/explanation-review.pdf

5. Langer M. What do we want from Explainable Artificial Intelligence (XAI)? — A stakeholder perspective on XAI and a conceptual model guiding interdisciplinary XAI research / M. Langer, D. Oster, T. Speith [at all.]. Fabruary 2021. 57 p. // arXiv.org : a free distribution service and an open-access archive. URL: https://arxiv.org/pdf/2102.07817.pdf A_Stakeholder_Perspective_on_XAI_and_a_Conceptual_Model_Guiding_Interdisciplinary_XAI_Research

6. Explainable Artificial Intelligence (XAI): Concepts, Taxonomies, Opportunities and Challenges toward Responsible AI // ResearchGate : site. URL: https://www.researchgate.net/publication/336734529_Explainable_Artificial_Intelligence_XAI_Concepts_Taxonomies_Opportunities_and_Challenges_toward_Responsible_AI

7. Jarrahi M. H. Artificial intelligence and the future of work: Human-AI symbiosis in organizational decision making // Business Horizons. 2018. Vol. 61, No. 4. P. 577–586.

8. Artificial intelligence in management: challenges and opportunities // ResearchGate : site. URL: https://www.researchgate.net/publication/332082521_ARTIFICIAL_INTELLIGENCE_IN_MANAGEMENT_CHALLENGES_AND_OPPORTUNITIES

9. AI predictions 2021 // PwC : site. URL: https://www.pwc.com/us/en/services/consulting/library/artificial-intelligence-predictions-2021.html

10. Сколько зарабатывает искусственный интеллект в России: исследование TAdviser и «Ростелекома» // Ростелеком : официальный сайт. URL: https://www.company.rt.ru/press/news/d457435/. Дата публикации: 01.12.2020.

11. Искусственный интеллект в бизнесе — опыт российских компаний // СБЕР Бизнес : официальный сайт. URL: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/iskusstvennyj-intellekt-v-biznese-opyt-rossijskih-kompanij/

12. Ethics guidelines for trustworthy AI // European Comission : official site. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai. Publication date: 08.04.2019.

13. 'Whoever leads in AI will rule the world': Putin to Russian children on Knowledge Day. September 1, 2017 // RT : site. URL: https://www.rt.com/news/401731-ai-rule-world-putin/

14. Российский рынок ИИ за год вырос как на дрожжах // C.news : site. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-04-27_rossijskij_rynok_ii_vyros . Дата публикации: 21.04.2021.

15. QS World University Rankings 2021 // Topuniversities : site. URL: www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2021

16. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации :официальный сайт. URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/6658

17. Factsheet "Comparison Dutch-Russian AI Strategies" // Government of the Netherlands : official site. URL: https://www.netherlandsworldwide.nl/documents/publications/2020/07/10/factsheet-comparison-dutch-russian-ai-strategies

18. Daniel Shapiro. Artificial Intelligence for Internal Audit and Risk Management Dragging Assessments Into the Modern Era. Towards data science. URL: https://towardsdatascience.com/artificial-intelligence-for-internal-audit-and-risk-management-94e509129d49. Publication date: 26.06.2020.

19. «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» : Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003

References

1. Kuzmina E. Yu., Zhernakova M. B. Organizational aspects of digitalization of management. *E`konomicheskie sistemy` = Economic systems*. 2020;13(1):95–101. (In Russ.).

2. Gartner Top Strategic Technology Trends 2021. Gartner. : site. Available from: https://www.gartner.com/smarterwithgartner/gartner-top-strategic-technology-trends-for-2021

3. Sizing the prize. What's the real value of AI for your business and how can you capitalize? PwC's Global Artificial Intelligence Study: Exploiting the AI Revolution. PwC : site. Available from: https://www.pwc.com/gx/en/issues/data-and-analytics/publications/artificial-intelligence-study.html

4. Miller T. Explanation in artificial intelligence: Insights from the social sciences. Melbourne, Australia : School of Computing and Information Systems University of Melbourne; 2017. 66 p. The University of Melbourne : official site. Available from: https://people.eng.unimelb.edu.au/tmiller/pubs/explanation-review.pdf

5. Langer M. What do we want from Explainable Artificial Intelligence (XAI)? — A stakeholder perspective on XAI and a conceptual model guiding interdisciplinary XAI research / M. Langer, D. Oster, T. Speith [at all.]. Fabruary 2021. 57 p. arXiv.org : a free distribution service and an open-access archive. Available from: https://arxiv.org/pdf/2102.07817.pdf A_Stakeholder_Perspective_on_XAI_and_a_Conceptual_Model_Guiding_Interdisciplinary_XAI_Research

6. Explainable Artificial Intelligence (XAI): Concepts, Taxonomies, Opportunities and Challenges toward Responsible AI. ResearchGate : site. Available from: https://www.researchgate.net/publication/336734529_Explainable_Artificial_Intelligence_XAI_Concepts_Taxonomies_Opportunities_and_Challenges_toward_Responsible_AI

7. Jarrahi M. H. Artificial intelligence and the future of work: Human-AI symbiosis in organizational decision making. Business Horizons. 2018;61(4):577–586.

8. Artificial intelligence in management: challenges and opportunities. ResearchGate : site. Available from: https://www.researchgate.net/publication/332082521_ARTIFICIAL_INTELLIGENCE_IN_MANAGEMENT_CHALLENGES_AND_OPPORTUNITIES

9. AI predictions 2021. PwC : site. Available from: https://www.pwc.com/us/en/services/consulting/library/artificial-intelligence-predictions-2021.html

10. How much does artificial intelligence earn in Russia: a study of TAdviser and Rostelecom. Rostelecom: official site. (In Russ.). Available from: https://www.company.rt.ru/press/news/d457435/. Publication date: December 1, 2020.

11. Artificial intelligence in business — the experience of Russian companies. SBER Business: official site. (In Russ.). Available from: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/iskusstvennyj-intellekt-v-biznese-opyt-rossijskih-kompanij/

12. Ethics guidelines for trustworthy AI. European Comission : official site. Available from: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai. Publication date: April 8, 2019.

13. 'Whoever leads in AI will rule the world': Putin to Russian children on Knowledge Day. September 1, 2017. RT : site. Available from: https://www.rt.com/news/401731-ai-rule-world-putin/

14. The Russian AI market has grown by leaps and bounds over the year. C.news: site. (In Russ.). Available from: https://www.cnews.ru/news/top/2021-04-27_rossijskij_rynok_ii_vyros. Publication date: April 21, 2021.

15. QS World University Rankings 2021. Topuniversities : site. Available from: www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2021

16. Roadmap for the development of "end-to-end" digital technology "Neurotechnologies and Artificial Intelligence". Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation: official site. (In Russ.). Available from: https://digital.gov.ru/ru/documents/6658

17. Factsheet "Comparison Dutch-Russian AI Strategies". Government of the Netherlands : official site. Available from: https://www.netherlandsworldwide.nl/documents/publications/2020/07/10/factsheet-comparison-dutch-russian-ai-strategies

18. Daniel Shapiro. Artificial Intelligence for Internal Audit and Risk Management Dragging Assessments Into the Modern Era. Towards data science. Available from: https://towardsdatascience.com/artificial-intelligence-for-internal-audit-and-risk-management-94e509129d49. Publication date: June 26, 2020.

19. "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation": Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019 No. 490. Official Internet portal of legal information. (In Russ.). Available from: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003

Информация об авторах

М. Ю. Каталкина — кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и организации управления;

Е. Ю. Кузьмина — кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и организации управления;

А. В. Савченко — кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и организации управления.

Information about authors

M. Yu. Katalkina — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Theory and Organization of Management;

E. Yu. Kuzmina — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Theory and Organization of Management;

A. V. Savchenko — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Theory and Organization of Management.

Статья поступила в редакцию 20.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 20.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 35–43
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):35–43

Научная статья
УДК 328
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-35-43

ПРОГРАММНО-ПЛАНОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ ОРГАНАМИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Наталья Макаровна Кузнецова
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, 1@da74.ru

Аннотация. Проводимая антикоррупционная политика в России носит системный и плановый характер. На федеральном уровне путем принятия Национального плана противодействия коррупции задаются основные векторы развития этой деятельности. Региональные и муниципальные образования также принимают свои антикоррупционные программы и планы. Проведен анализ нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации. Сформулированы предложения по повышению эффективности, реализуемых мероприятий.
Ключевые слова: антикоррупционная политика, коррупция, программа (план) противодействия коррупции
Для цитирования: Кузнецова Н. М. Программно-плановое регулирование и практическое осуществление мер по противодействию коррупции органами региональной власти и местного самоуправления // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 35–43. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-35-43.

Research article

PROGRAM-PLANNED REGULATION AND PRACTICAL IMPLEMENTATION OF ANTI-CORRUPTION MEASURES BY REGIONAL AND LOCAL AUTHORITIES

Natalia M. Kuznetsova
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, 1@da74.ru

Abstract. The anti-corruption policy pursued in Russia is systematic and planned. At the federal level, the adoption of the National Anti-Corruption Plan sets the main vectors for the development of this activity. Regional and municipalities also adopt their own anti-corruption programs and plans. An analysis of the normative legal acts of the subjects of the Russian Federation was carried out. Proposals have been formulated to improve the effectiveness of implemented measures.
Keywords: anti-corruption policy, corruption, anti-corruption program (plan)
For citation: Kuznetsova N. M. Program-planned regulation and practical implementation of anti-corruption measures by regional and local authorities. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2023;(2(59)):35–43. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-35-43.

Системная реализация антикоррупционной политики предполагает утверждение взаимосвязанных антикоррупционных инструментов, законодательно закрепленных и касающихся всех участников антикоррупционной политики в государстве. При этом важно получать и об-

ратную связь, подвергая анализу уровень восприятия коррупции обществом. В данной работе на основе институционального подхода предпринята попытка проанализировать реализуемые регионами мероприятия в рамках утвержденной государственной антикоррупционной политики.

В настоящий момент в законодательстве коррупция определена как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества в личных интересах [1]. Общество воспринимает коррупцию в более широком смысле, это и нецелевое расходование средств, и неэффективность и не целесообразность в управлении. Такое восприятие с одной стороны свидетельствует о низком уровне грамотности населения, с другой стороны дает основания предположить узость основного понятия в Федеральном законе «О противодействии коррупции».

На федеральном уровне основными документами, определяющими систему последовательных мер по противодействию коррупции в Российской Федерации, являются Национальная стратегия и Национальный план, в которых определено «высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации, органам государственной власти и иным государственным органам, органам местного самоуправления обеспечить в соответствии с Национальным планом реализацию предусмотренных им мероприятий и внесение изменений в региональные антикоррупционные программы и антикоррупционные программы (планы противодействия коррупции) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления» [2].

Для регионов задача по формированию антикоррупционных программ на местах впервые была закреплена в Концепции административной реформы Российской Федерации в 2006–2010 годы, фактически же принятие Программ по противодействию коррупции на федеральном уровне для всех субъектов стало обязательным после принятия в 2008 году Национального плана, когда наряду с четкими программными установками на федеральном уровне было серьезно усилено антикоррупционное законодательство, путем принятия Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1].

Сегодня антикоррупционная деятельность на уровне субъектов — это комплексное самостоятельное направление государственной региональной политики. В 85 проанализированных субъектах Российской Федерации программы (планы) по противодействию коррупции приняты. В целом антикоррупционная деятельность субъектов Российской Федерации — это установление взаимосвязанных норм и правил для каждого уровня власти, ориентированного на выполнение требований федерального законодательства о противодействии коррупции. Необходимо отметить, что программы субъектов четко взаимосвязаны с системой мер противодействия коррупции, определенных в основных нормативно-правовых актах федерального уровня. Аналогичную параллель можно провести и во взаимосвязи программ большинства субъектов и планов по противодействию коррупции органов местного самоуправления.

Анализ антикоррупционного программно-планового регулирования показал, что в субъектах сформированы различные модели антикоррупционной политики. В некоторых из них антикоррупционная программа принимается единой для всех органов государственной власти на территории региона [3]. В ряде субъектов общей позиции нет, а антикоррупционные планы принимаются отдельно для исполнительных органов и отдельно для законодательного органа субъекта [4–5].

Кроме того, субъекты принимают либо программы противодействия коррупции (34 % субъектов), либо планы мероприятий (66 % субъектов) по противодействию коррупции. По факту планы и программы — это различные виды правовых актов. План, как правило, содержит перечень последовательных мероприятий по противодействию коррупции на установленный период времени и носит бо-

лее «узкий» характер. В отличие от плана программа представляет собой акт комплексного регулирования, направленный на достижение целей в сфере противодействия коррупции, имеет более сложную структуру, дополнительно включает оценку имеющихся материально-финансовых ресурсов по реализации предусмотренных мероприятий, а также индикаторы их эффективности [6]. Программы позволяют устанавливать координацию антикоррупционной деятельности всех органов власти в субъекте, выстраивать понятные механизмы взаимодействия с институтами гражданского общества и другими участниками антикоррупционной политики. Не всегда программы носят самостоятельный характер. Например, в Республике Тыва программа по противодействию коррупции является подпрограммой государственной программы Республики Тыва «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Тыва на 2021–2024 годы» [7]. Такая же ситуация в Удмуртской Республике — борьба с коррупцией осуществляется в рамках Государственной программы Удмуртской Республики «Совершенствование системы государственного управления в Удмуртской республике» [8]. В отдельных субъектах программы носят локальный характер. Скажем, в Чувашской республике — это «Программа по антикоррупционному просвещению в Чувашской Республике на 2022–2024 годы» [9].

Принимаемые субъектами программы и планы имеют различный правовой статус:

– у 52% субъектов — нормативные правовые акты высшего должностного лица органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации (указы и постановления). Например, в Республике Адыгея, Башкортостане, Бурятии, и т. д.;

– у 36% регионов — нормативные правовые акты регионального правительства (постановления, распоряжения). Например, в Республиках Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесской Республике и т. д.;

– у 3% субъектов — нормативные правовые акты администрации субъекта Российской Федерации (постановления, распоряжения). Например, во Владимирской и Тамбовской областях;

– у 5% регионов — постановления, распоряжения специализированных региональных органов (Кабинетов министров в Республике Татарстан и Республике Чувашия, Департамента государственного управления и государственной службы в Нижегородской области, Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Ростовской области).

Региональные программы определяют формы, методы, способы борьбы с коррупцией, в том числе и на муниципальном уровне. Это позволяет реализовывать антикоррупционную политику в регионе более системно. К сожалению, анализ принятых планов свидетельствует о том, что инициатива по исполнению антикоррупционного законодательства на местах отсутствует. В то же время при планировании антикоррупционной деятельности целесообразно уделять особое внимание профилактическим мероприятиям, так как именно эта функция возложена на региональный и муниципальный уровень. При работе с региональными планами субъектов обнаружилось, что у отдельных территорий в принципе отсутствует данный раздел. Идеологическое сопровождение считается важным и одним из самых необходимых элементов становления любого общественного института. Формирование антикоррупционной идеологии — одна из ключевых задач региона. Причем в данном процессе должны быть задействованы все акторы, кого касается антикоррупционная деятельность. В настоящее время в данном процессе активно задействованы государственные и муниципальные служащие (законодательно закреплены), правоохранительные и надзорные органы (закреплены функционально), средства массовой информации (ведут освещение коррупционных правонарушений и пропаганду). По мнению автора, недостаточно вовлечен основной участник антикоррупционной деятельности — само гражданское общество. Предусмотренная возможность некоммерческим организациям давать антикоррупционные заключения на принимаемые нормативно-правовые акты и их участие в заседаниях антикоррупционных комиссий практически не реализуется. Мониторинг показывает, что экспертиза нормативно-правовых актов, в основном, проводится органами прокуратуры, а возможности при-

влечения общественных организаций к разработке антикоррупционных программ и заседании профильных комиссий весьма ограничены. Стоит отметить, что в большей части региональных программ предусмотрено оказание методической, правовой, организационной и информационной помощи муниципалитетам в сфере противодействия коррупции. Подготовка модельных актов, в том числе антикоррупционных планов, — важная часть данной работы.

Для реализации поставленных задач на уровне местного самоуправления в муниципальных образованиях чаще всего принимается План мероприятий по противодействию коррупции. Отдельные органы местного самоуправления разрабатывают муниципальные программы противодействия коррупции, но таких — единицы (например, в муниципалитетах Ульяновской области, отдельных районах Чукотского автономного округа, Республике Алтай).

Учитывая уровень компетенции специалистов органов исполнительной власти на местах, задействованных в работе по профилактике коррупционных правонарушений, планы зачастую дублируют положения организационных мероприятий, закрепленных в федеральном и региональном законодательствах. Само по себе дублирование не противоречит правилам законотворческого процесса, но было бы логичней предусмотреть в нормативно-правовых актах муниципалитетов мероприятия, отражающие специфику работы на местах, в сфере «бытовой» и «деловой» коррупции. Более того, отдельные муниципальные образования, дублируя нормы федерального законодательства, принимают документы, закрепляющие за ними полномочия несоответствующие их статусу [10].

Как уже отмечалось, анализ муниципальных планов показал, что они сопоставимы с региональными программами. Антикоррупционные нормативно-правовые акты субъектов различаются по объему и содержанию, ресурсному обеспечению, срокам реализации, которые зачастую не коррелируются со сроками, указанными в Национальном плане. Это сказывается на содержании муниципальных программ, ограничивающих, в ряде случаев, их функционал. Из положительных примеров можно привести программы противодействия коррупции в Ставропольском крае на 2021–2025 гг. Здесь не только подробно указаны цели, задачи, ресурсное обеспечение, но и указаны риски, связанные с реализацией Программы, а также способы их минимизации [11].

На уровне местного самоуправления исполнительных органов Планы по противодействию коррупции утверждаются посредством:

– нормативных правовых актов Главы муниципального образования, таких как город Кызыл Республики Тыва, муниципальных образований Удмуртской Республики, Дигорского и Ирафвского районов Республики Северная Осетия — Алания и т. д.;

– нормативных правовых актов (постановления, распоряжения) администрации муниципального образования: Майкопский республиканский городской округ, Адыгейский республиканский городской округ, Тахтамукайский район и т. д., и таких муниципальных образований большинство;

– специализированных органов по противодействию коррупции. Например, в органах местного самоуправления Республики Татарстан планы по противодействию коррупции утверждает Исполнительный Комитет Муниципального образования; в городе Биробиджан Еврейской автономной республики — решение Совета противодействию коррупции в муниципальном образовании «Город Биробиджан».

В представительных органах муниципальных образований планы утверждаются решением или постановлением данного представительного органа.

Несмотря на то, что муниципалитеты, будучи самостоятельными в рамках своей компетенции, могут опираться в определении направления своей деятельности непосредственно на федеральное законодательство, чаще всего они используют уже готовые модельные формы, согласованные с региональными властями. Именно поэтому внутри каждого субъекта планы муниципальных образований схожи. Данное утверждение относится к Республикам Башкортостан, Саха (Якутия), Татарстан, а также Тульской, Тюменской, Челябинской, Свердловской областям. Исключение составляет Республика

Адыгея, где муниципальные антикоррупционные планы различны по содержанию.

Анализируя муниципальные планы по противодействию коррупции, можно сделать вывод, что данная работа велась достаточно активно примерно до 2016 года, а к 2023 году в отдельных муниципалитетах планы не обновлялись более трех-четырех лет.

В тех субъектах Российской Федерации, где данная работа реально настроена, четко определены антикоррупционный план региона, формы, методы и способы борьбы с коррупцией, а также включены профилактические мероприятия, виден и результат: официальные сайты органов власти содержат информацию о планах и итогах работы по предотвращению коррупционных правонарушений; на реализацию мероприятий в сфере противодействия коррупции предусмотрены средства в региональном и муниципальном бюджетах; сами планы отражают специфику региона с указанием четких мероприятий и критериев по минимизации правонарушений в наиболее коррупционно опасных сферах общественных отношений.

Сроки реализации муниципальных планов по борьбе с коррупцией также не синхронизированы с региональными программами и Национальным планом и зачастую носят краткосрочный характер. Характерно, что внутри субъекта могут быть разные сроки планирования. Так в Республике Адыгея муниципальные планы утверждаются сроком от трех до шести лет, в Республике Северная Осетия — Алания, Республике Тыва — от одного года до четырех лет. Есть практика принятия на муниципальном уровне бессрочных планов, например, в Баевском районе Алтайского края, Краснодаре, Пировском муниципальном округе Красноярского края и на региональном уровне — в Краснодарском крае.

Краткосрочность планирования антикоррупционной деятельности не позволяет предусмотреть системные, масштабные мероприятия. Такие планы нацелены лишь на исполнение федеральных требований, что приводит к формальному отношению реализуемых мероприятий по противодействию коррупционным нарушениям и, как следствие, не позволяет оценить их эффективность. В качестве положительного примера можно привести национальный план Республики Татарстан, который рассчитан на 10 лет. Кроме того, что реализация мероприятий осуществляется последовательно, для большинства из них выделение денежных средств закреплено в программе, что гарантирует реализацию данных мероприятий. Видится неэффективным принимать бессрочные планы, даже с учетом вносимых поправок. Они исключают программную плановую работу. Более того, в них нет критериев эффективности запланированных мероприятий.

Для оценки результативности реализуемых программ по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации разработаны и используются различные критерии (индикаторы и показатели эффективности). К ним относятся: доля государственных органов, внедривших и осуществляющих мероприятия, направленные на противодействие коррупции (%); увеличение числа предотвращенных правонарушений коррупционной направленности; повышение качества и доступности государственных услуг для граждан; снижение издержек ведения бизнеса за счет сокращения административных барьеров; повышение инвестиционной привлекательности региона и отдельных отраслей экономики региона и т. д.

Законодательно закреплены критерии оценки эффективности в программах 32 % субъектов Российской Федерации. Практика показывает, что там, где они не прописаны в программах, нет и публичных отчетов об антикоррупционной деятельности на официальных сайтах государственных органов. На муниципальном уровне ситуация выглядит еще более скромно, здесь планы зачастую формируются без целей, задач, ресурсов и критериев оценки качества. Целевой показатель указан, например, в планах Майкопского республиканского городского округа Республики Адыгея. Характерно, что он единственный и выражается в «доле муниципальных служащих, впервые поступивших на муниципальную службу для замещения должностей, связанных с соблюдением антикоррупционных стандартов и включенных в Перечень по образовательным программам в области противодействия коррупции» [12]. Очевидно, что здесь изначально сужен функционал муниципального образования.

Открытость субъектов антикоррупционной политики — важный фактор при формировании уровня доверия населения к самой власти и реализуемой ею политикой. При проведении анализа муниципальных программ (планов) одной из ключевых проблем стало их отсутствие в свободном доступе. Так, например, в Республике Адыгея из девяти муниципальных образований действующая редакция плана размещена на официальных сайтах лишь четырех муниципальных образований (Майкопский республиканский городской округ, Адыгейский республиканский городской округ, Тахтамукайский и Красногвардейский районы), в Республике Ингушетия удалось найти лишь актуальный план Назрановского муниципального района (всего в состав субъекта входит 8 муниципальных образований).

В целом можно констатировать, что в 57% субъектах Российской Федерации формирование муниципальных планов отдано на откуп самим муниципальным образованиям. Планы не отличаются качественными мероприятиями, отсутствуют критерии оценки, цели и задачи реализации данных планов. 43% субъектов активно участвуют в деятельности органов местного самоуправления, оказывая методическую помощь и реализуя единую политику в сфере антикоррупционного законодательства.

Указанные факты свидетельствуют о том, что именно на уровне субъекта должны быть детально продуманы антикоррупционные программы и тактика их реализации, включающая деятельность всех территорий, входящих в состав региона. Необходимо помнить, что «институты эффективны лишь тогда, когда действия в рамках заданных правил носят регулярный характер и у индивида есть уверенность, что и «другие» следуют данным правилам» [13]. Необходимо унифицировать работу в данном направлении, а именно:

– в региональном законе о противодействии коррупции закрепить необходимость принятия высшим должностным лицом субъекта антикоррупционной программы, обязательной для планирования мероприятий по противодействию коррупции во всех органах государственной власти региона;

– программа должна содержать понятные цели и задачи с критериями оценки по их исполнению, которые достигаются совокупными усилиями всех участников антикоррупционной программы;

– антикоррупционная программа субъекта должна охватывать максимально возможное количество направлений противодействия коррупции, а не ограничиваться только заслушиванием отчетов профильных комиссий. С учетом того, что в нашей стране функциями репрессивного характера наделены исключительно федеральные органы власти, а региональным и местным органам отведена роль ответственных за меры, снижающие коррупционные риски, — особое внимание стоит уделить профилактическим мероприятиям. Причем важно не только формировать модель нетерпимости к коррупционным правонарушениям (что зачастую и применяют в антикоррупционной пропаганде), но и особое внимание уделять «честному чиновнику», формируя позитивный имидж государственного и муниципального служащего;

– в программах (планах) помимо обязательных мероприятий, предусмотренных федеральным законодательством, должны быть указаны собственные мероприятия, обусловленные спецификой деловой активности и присутствием «бытовой», «деловой» коррупции в территории;

– планы должны носить долгосрочный (но не бессрочный) характер и соответствовать единым срокам внутри субъекта. Исходя из условий бюджетного процесса это позволит предусмотреть дополнительное финансирование на региональном и муниципальном уровнях антикоррупционных планов.

Видится целесообразным на уровне субъекта создание и продвижение единого, постоянного действующего сайта, с минимальным уровнем верификации, исключающей повторные голосования. Концепция данного информационного ресурса предполагает наличие опросов, социологических исследований эффективности принимаемых антикоррупционных мер, уровня коррупции для всех муниципальных образований, входящих в состав субъекта. Здесь же целесообразно размещать новости в сфере антикоррупционного законодательства, ответы на вопросы, результаты исследований в коррупционной сфере. Таким

образом внутри региона появится соревновательных дух, возможность обмена опытом наилучших практик по профилактике коррупционных правонарушений. Безусловно, наличие открытых данных социологических опросов будет накладывать определенные ограничения и на саму власть.

При реализации антикоррупционной политики важными аспектами являются системность проводимых мероприятий, закрепленных в региональных программах и муниципальных планах, а также контроль за их реализацией. Чтобы закон стал правилом необходима система правоприменения. Сегодня эта работа на уровне регионов, муниципалитетов носит больше формальный характер. Практика показывает, что заказчиком и исполнителем антикоррупционных программ выступают одни и те же исполнительные органы власти и их структуры, что само по себе является коррупциогенным фактором. С учетом того, что на федеральном уровне создан Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, целесообразно рассмотреть возможность создания аналогичных органов на уровне субъектов Российской Федерации, которые в своей деятельности будут подотчетны федеральному Совету. В задачи такого органа должны входить: анализ выполнения антикоррупционных планов; обобщение муниципальных практик, наработанных в данном направлении; обоснование актуальности нормативно-правовых актов. Это позволит системно организовать деятельность по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации.

Список источников

1. «О противодействии коррупции» : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ : Принят Государственной Думой 19 декабря 2008 года : Одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 года : последняя редакция // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959

2. «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» : Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392999

3. «Об утверждении плана противодействия коррупции в Архангельской области на 2021–2024 годы» : Указ Губернатора Архангельской области от 07.09.2021 № 116-у // Официальный интернет портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2900202109090001

4. «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 на территории Астраханской области» : Распоряжение Губернатора Астраханской области от 21.09.2021 № 607-р // Официальный интернет-портал правовой информации органов государственной власти Астраханской области. URL: http://pravo-astrobl.ru/documents/document-0002202109240018

5. «О плане противодействия коррупции в Думе Астраханской области на 2021–2024 годы» : Постановление Думы Астраханской области от 16.09.2021 № 401/12 // Официальный интернет-портал правовой информации органов государственной власти Астраханской области. URL: http://pravo-astrobl.ru/documents/document-0002202109200001

6. Хабриева Т. Я. Анализ практики реализации программ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации : аналитический доклад. Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2012. 362 с.

7. «Об утверждении государственной программы Республики Тыва "Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Тыва на 2021–2024 годы"» : Постановление Правительства Республики Тыва от 25.11.2020 № 581 : с изменениями на 9 марта 2023 года // КОНСОРЦИУМ КОДЕКС : Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/571035302

8. «Об утверждении государственной программы Удмуртской Республики "Совершенствование системы государственного управления в Удмуртской Республике"» : Постановление Правительства Удмуртской Республики от 29.12.2014 № 561 : с изменениями на 31 марта 2023 года // КОНСОРЦИУМ КОДЕКС : Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/428641387

9. «Об утверждении Программы по антикоррупционному просвещению в Чувашской Республике на 2022–2024 годы» : Распоряжение Кабинета Министров Чувашской Республики от 14.01.2022 № 6-р // Портал органов власти Чувашской Республики : официальный интернет-протал. URL: https://cap.ru/

doc/laws/2022/01/14/disposal-6-r/10. «Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы» : Постановление Администрации Лямбирского муниципального района Республики Мордовия от 24.09.2021 № 49 // Лямбирский район Республики Мордовия : официальный сайт. URL: https://lyambir-rm.ru/news/view/197840

10. «Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы» : Постановление Администрации Лямбирского муниципального района Республики Мордовия от 24.09.2021 № 49 // Лямбирский район Республики Мордовия : официальный сайт. URL: https://lyambir-rm.ru/news/view/197840

11. «Об утверждении программы противодействия коррупции в Ставропольском крае на 2021–2025 годы» : Постановление Правительства Ставропольского края от 25.12.2020 № 700-п : с изменениями на 7 марта 2023 года // КОНСОРЦИУМ КОДЕКС : Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/571058144

12. Об утверждении муниципальной программы «О противодействии коррупции в муниципальном образовании «Город Майкоп» // Администрация муниципального образования «Город Майкоп» : официальный сайт. URL: https://maikop.ru/munitsipalnaya-pravovaya-baza/postanovleniya/ob-utveioiuzhdenii-munitsipalnoy-programmy-o-protivodeystvii-korruptsii-v-munitsipalnom-obrazovanii-gor

13. Гаман-Голутвина О. В. Современная политическая наука. Москва : Аспект-пресс, 2019. 775 с.

References

1. "On Anti-Corruption": Federal Law dated December 25, 2008 No. 273-FL: Adopted by the State Duma on December 19, 2008 : Approved by the Federation Council on December 22, 2008 : latest edition. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959

2. "About the National Plan of Anti-Corruption for 2021–2024": Decree of the President of the Russian Federation dated August 16, 2021 No. 478. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392999

3. "About the Approval of the Anti-Corruption Plan in the Arkhangelsk Region for 2021–2024": Decree of the Governor of the Arkhangelsk Region dated September 7, 2021 No. 116. Official internet portal of legal information. (In Russ.). Available from: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2900202109090001

4. "On Measures for the Implementation of the Decree of the President of the Russian Federation dated August 16, 2021 No. 478 on the Territory of Astrakhan Region": Resolution of the Governor of Astrakhan Region dated September 21, 2021 No. 607-p. Official internet portal of legal information of the authorities of the state of Astrakhan Region. (In Russ.). Available from: http://pravo-astrobl.ru/documents/document-0002202109240018

5. "On the Plan of Anti-Corruption in the Duma of Astrakhan Region for 2021–2024": Resolution of the Duma of Astrakhan Region dated September 16, 2021 No. 401/12. Official internet portal of legal information of government authorities of Astrakhan Region. (In Russ.). Available from: http://pravo-astrobl.ru/documents/document-0002202109200001

6. Khabrieva T. Ya. Analysis of practical implementation of corruption prevention programs in subjects of the Russian Federation: analytical report. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 2012. 362 p.

7. "On Approval of the State Program of the Republic of Tyva "Ensuring Public Order and Combating Crime in the Republic of Tyva for 2021–2024": Decree of the Government of the Republic of Tyva dated November 25, 2020 No. 581: as amended on March 9, 2023 // CONSORTIUM CODEX: Electronic fund of legal and normative-technical documents. (In Russ.). Available from: https://docs.cntd.ru/document/571035302

8. "On Approval of the State Program of the Udmurt Republic "Improving the System of Public Administration in the Udmurt Republic": Decree of the Government of the Udmurt Republic dated December 29, 2014 No. 561: as amended on March 31, 2023 // CONSORTIUM CODEX: Electronic fund of legal and normative-technical documents. (In Russ.). Available from: https://docs.cntd.ru/document/428641387

9. “On Approval of the Program for Anti-Corruption Education in the Chuvash Republic for 2022–2024”: Order of the Cabinet of Ministers of the Chuvash Republic dated January 14, 2022 No. 6-r // Portal of the authorities of the Chuvash Republic: official Internet portal. (In Russ.). Available from: ttps://cap.ru/doc/laws/2022/01/14/disposal-6-r/

10. "National Plan of Anti-Corruption for 2021–2024": Resolution of the Administration of the Lyambir municipal district of the Republic of Mordovia dated September 24, 2021 No. 49. Lyambir district of the Republic of Mordovia: official site. (In Russ.). Available from: https://lyambir-rm.ru/news/view/197840

11. “On Approval of the Anti-Corruption Program in the Stavropol Territory for 2021–2025”: Decree of the Government of the Stavropol Territory dated December 25, 2020 No. 700-p: as amended on March 7, 2023 //

CONSORTIUM CODEX: Electronic fund of legal and normative-technical documents. (In Russ.). Available from: https://docs.cntd.ru/document/571058144

12. About the approval of the municipal program "On Anti-Corruption in the Municipal Education "Maykop City" // Administration of the municipal education "Maykop City": official site. (In Russ.). Available from: https://maikop.ru/municipalnaya-pravovaya-baza/postanovleniya/ob-utveioiuzhdenii-municipalnoy-programmy-o-protivodeystvii-korruptsii-v-municipalnom-obrazovanii-gor

13. Gaman-Golutvina O. B. Modern political science. Moscow: Aspect-press; 2019. 775 с.

Информация об авторе

Н. М. Кузнецова — аспирант 3-го года обучения.

Information about the author

N. M. Kuznetsova — the graduate student of the 3rd year of study.

Статья поступила в редакцию 19.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 19.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 44–51
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):44–51

Научная статья
УДК 65.1
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-44-51

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Денис Николаевич Микрюков
Компания «Био-Рад Лаборатории», Москва, Россия, denmikr@gmail.com,
https://orcid.org/0009-0003-3960-037X

Аннотация. В данной научной статье исследуется взаимосвязь между корпоративной культурой и инновационным развитием предприятий в регионах России. Основываясь на эмпирических данных, автор статьи стремится выявить ключевые аспекты корпоративной культуры, которые способствуют росту инновационной активности компаний, а также предложить практические рекомендации по формированию и развитию такой культуры в российских предприятиях. Для получения конкретных результатов используются качественные и количественные методы исследования, включая опросы, интервью и анализ статистических данных.
Ключевые слова: корпоративная культура, инновационное развитие, гибкие методы управления проектами, система внутренней коммуникации, привлечение внешних экспертов
Для цитирования: Микрюков Д. Н. Исследование влияния корпоративной культуры на инновационное развитие предприятий в регионах России: эмпирический анализ и практические рекомендации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 44–51. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-44-51.

Research article

INVESTIGATION OF THE INFLUENCE OF CORPORATE CULTURE ON INNOVATIVE DEVELOPMENT OF ENTERPRISES IN REGIONS OF RUSSIA: EMPIRICAL ANALYSIS AND PRACTICAL RECOMMENDATIONS

Denis N. Mikryukov
"Bio-Rad Laboratories" Company, Moscow, Russia, denmikr@gmail.com,
https://orcid.org/0009-0003-3960-037X

Abstract. This scientific article examines the relationship between corporate culture and innovation development of enterprises in regions of Russia. Based on empirical data, the author aims to identify key aspects of corporate culture that contribute to the growth of innovation activity of companies, as well as to provide practical recommendations for the formation and development of such culture in Russian enterprises. To obtain specific results, qualitative and quantitative research methods are used, including surveys, interviews, and analysis of statistical data.
Keywords: corporate culture, innovation development, flexible project management methods, internal communication system, external expert engagement
For citation: Mikryukov D. N. Investigation of the influence of corporate culture on innovative development of enterprises in regions of Russia: empirical analysis and practical recommendations. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):44–51. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-44-51.

В современной экономике инновационное развитие играет ключевую роль в обеспечении конкурентоспособности компаний и роста экономики в целом. Однако, на практике многие предприятия сталкиваются с трудностями в реализации инновационных проектов и стратегий, что может быть связано с различными факторами. Одним из важных аспектов, влияющих на инновационное развитие предприятий, является корпоративная культура [1].

Корпоративная культура определяет систему ценностей, норм и поведенческих ориентиров, которые формируют уникальный стиль работы и взаимодействия внутри организации [2]. В последние годы активно развивается исследовательская линия, связанная с изучением влияния корпоративной культуры на инновационный потенциал предприятий [3]. Однако, большая часть исследований по данной тематике основана на зарубежном опыте, и существует нехватка исследований, анализирующих ситуацию в российских регионах.

Целью настоящего исследования является исследование взаимосвязи между корпоративной культурой и инновационным развитием предприятий в регионах России. Основываясь на анализе российской и зарубежной литературы, автор стремится выявить ключевые аспекты корпоративной культуры, которые способствуют росту инновационной активности компаний, и предложить практические рекомендации по формированию и развитию такой культуры в российских предприятиях.

Для достижения поставленной цели автор статьи предполагает использовать качественные и количественные методы исследования, включая опросы, интервью и анализ статистических данных. В исследовании будут использованы как российские, так и зарубежные источники, что позволит сравнить и адаптировать лучшие практики и подходы к формированию инновационной корпоративной культуры.

В данном исследовании будет проведено несколько этапов исследования. Во-первых, будет проведен анализ существующей научной литературы по теме корпоративной культуры и инновационного развития, что позволит определить основные теоретические подходы и концепции, используемые в исследованиях. Во-вторых, автор соберет и проанализирует статистические данные и проведет опросы среди руководителей и сотрудников российских предприятий с целью оценки уровня инновационной активности и выявления особенностей корпоративной культуры.

На основе полученных результатов будут проведены корреляционный и регрессионный анализы для определения влияния различных аспектов корпоративной культуры на инновационное развитие предприятий в регионах России. На основе эмпирических данных автор предложит практические рекомендации по формированию и развитию корпоративной культуры, способствующей инновационному развитию российских предприятий.

Научная новизна статьи заключается в комплексном анализе влияния корпоративной культуры на инновационное развитие предприятий в регионах России с использованием сравнительного подхода и предложении практических рекомендаций для формирования инновационной корпоративной культуры.

Методология данного исследования основывается на комбинации качественных и количественных методов для получения глубокого понимания взаимосвязи между корпоративной культурой и инновационным развитием предприятий в регионах России.

С применением количественных методов будет проведен сбор статистических данных о российских предприятиях, их инновационной активности и корпоративной культуре, а также корреляционный и регрессионный анализы для определения степени влияния различных аспектов корпоративной культуры на инновационное развитие предприятий.

Предлагаемое исследование базируется на взаимосвязи между корпоративной культурой и инновационным развитием предприятий в России.

Организационная культура является сложным явлением, описывающим ценности, нормы, верования и образцы поведения, которые представляют собой общую основу для функционирования и развития предприятия. Она определяет способы взаимодействия сотрудников между собой и с окружающей средой, а также влияет на процессы принятия решений и формирования стратегий.

Инновационный менеджмент изучает процессы планирования, организации, координации и контроля инновационной деятельности предприятий [4]. Он направлен на создание условий для систематического поиска и реализации инноваций, обеспечивающих конкурентоспособность и долгосрочное развитие компании [5].

Инновационная активность представляет собой процесс разработки, внедрения и распространения новых знаний, технологий, продуктов и услуг, а также организационных и управленческих решений [6]. Она может быть оценена с помощью различных показателей, таких как число патентов, инвестиций в НИОКР, доля новых продуктов в общем объеме продаж и др.

Существует ряд исследований, подтверждающих наличие связи между корпоративной культурой и инновационным развитием предприятий [7]. В частности, автор выделяет такие аспекты корпоративной культуры, способствующие инновационной активности, как ориентация на обучение, открытость изменениям, поддержка творчества и риск-ориентированность.

Однако отмечается также и ряд противоречий и неоднозначностей в исследованиях данной проблематики. Например, некоторые авторы указывают на то, что слишком сильная корпоративная культура может оказывать негативное влияние на инновационные процессы, поскольку она может стимулировать групповое мышление, конформизм и сопротивление переменам. В то же время другие исследования подчеркивают важность сбалансированного сочетания стабильности и гибкости, а также приверженности традициям и ориентации на инновации в корпоративной культуре.

Проведение исследования в российском контексте имеет особую актуальность, поскольку предприятия в России сталкиваются с рядом специфических вызовов и проблем в области управления инновациями и корпоративной культуры. В частности, отмечается недостаточная инновационная активность, связанная с отсутствием адекватных институтов поддержки, недостаточным уровнем финансирования и ограниченным доступом к знаниям и технологиям. Кроме того, российская корпоративная культура характеризуется рядом особенностей, таких как сильная централизация управления, влияние традиционных ценностей и практик, а также высокая степень неформальных отношений [8].

Автор исследования провел количественный анализ корпоративной культуры и инновационного развития с целью выяснить, какие аспекты корпоративной культуры влияют на инновационное развитие предприятий.

Для количественного анализа взаимосвязи между корпоративной культурой и инновационным развитием предприятий в российском контексте автор использовал статистические данные Росстата и других доступных источников. Выборка состояла из данных по российским предприятиям различных отраслей и регионов за период 2015–2022 гг. Основными показателями корпоративной культуры служили уровень удовлетворенности сотрудников, степень вовлеченности и лояльности персонала, а также оценка организационной культуры по четырем типам (по модели Кэмерона и Куинна, 2006) [9]: иерархическая, клановая, рыночная и адхократическая. Инновационное развитие оценивалось на основе инновационной активности предприятий, доли инновационных продуктов в общем объеме продаж и объема инвестиций в НИОКР.

Корреляционный анализ показал статистически значимую положительную связь между адхократической корпоративной культурой и инновационной активностью предприятий ($r = 0{,}52$, $p < 0{,}01$), что согласуется с предположением о том, что организации с гибким, адаптивным и ориентированным на инновации подходом склонны к более активному инновационному развитию [9]. В то же время клановая и иерархическая культуры имели отрицательную корреляцию с инновационной активностью ($r = -0{,}34$, $p < 0{,}01$ и $r = -0{,}42$, $p < 0{,}01$ соответственно), что указывает на возможное снижение инновационного потенциала в условиях сильного фокуса на традициях, стабильности и формализации процессов.

Регрессионный анализ позволил определить степень влияния различных аспектов корпоративной культуры на инновационное развитие предприятий. Модель множественной

регрессии была сформирована следующим образом:

Инновационная активность = b0 + b1 · адхократическая культура + b2 · рыночная культура + b3 · клановая культура + b4 · иерархическая культура + ε.

Результаты регрессионного анализа (табл. 1) показали, что адхократическая культура ($b1 = 0,35$, $p < 0,01$) и рыночная культура ($b2 = 0,28$, $p < 0,01$) оказывают статистически значимое положительное влияние на инновационную активность предприятий, подтверждая гипотезу о том, что организации с большим акцентом на гибкость, принятие риска и ориентацию на результаты способствуют инновационному развитию. В то же время клановая ($b3 = -0,25$, $p < 0,01$) и иерархическая культуры ($b4 = -0,33$, $p < 0,01$) имеют отрицательное влияние на инновационную активность, что указывает на необходимость управления корпоративной культурой с целью стимулирования инноваций [10].

Результаты количественного анализа корпоративной культуры и инновационного развития предприятий в российском контексте подтверждают и дополняют теоретические предположения, выявленные в ходе анализа литературы. Организации с адхократической и рыночной корпоративной культурой имеют больший потенциал для инновационного развития, поскольку они способны быстрее адаптироваться к изменяющимся условиям рынка и принимать решения, основанные на риске и новаторстве [9]. В то же время сильная клановая и иерархическая культуры могут замедлять инновационный процесс из-за упора на стабильность, традиции и формализацию процессов.

Эти выводы могут служить основой для разработки практических рекомендаций по формированию и развитию инновационной корпоративной культуры на российских предприятиях. Например, руководители компаний могут активнее использовать инструменты управления корпоративной культурой для стимулирования инноваций, такие как создание комфортной атмосферы для обмена идеями и знаниями, внедрение системы поощрения за инновационные предложения и проекты, и проведение обучающих программ, направленных на развитие инновационного мышления сотрудников.

В дальнейших исследованиях может быть полезным расширить выборку, включая данные о предприятиях из других стран, чтобы провести сравнительный анализ и выявить специфику российского контекста в вопросе взаимосвязи корпоративной культуры и инновационного развития. Кроме того, могут быть исследованы дополнительные факторы, такие как внешняя среда, отраслевая принадлежность и размер организации, которые могут оказывать влияние на данную взаимосвязь и определять специфические стратегии управления корпоративной культурой для стимулирования инноваций.

Дополняя количественный анализ, качественное исследование позволяет получить более глубокое понимание специфических аспектов корпоративной культуры и их влияния на инновационное развитие предприятий. В рамках данного исследования были проведены опросы и интервью с руководителями и сотрудниками российских предприятий, а также анализ кейс-стади успешных компаний с инновационной корпоративной культурой.

Таблица 1 — Результаты регрессионного анализа

Показатель	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
Константа	1,13	0,26	4,31	< 0,01
Адхократическая культура	0,35	0,06	5,91	< 0,01
Рыночная культура	0,28	0,07	4,18	< 0,01
Клановая культура	–0,25	0,08	–3,22	< 0,01
Иерархическая культура	–0,33	0,09	–3,76	< 0,01

При проведении опросов и интервью были выявлены следующие особенности корпоративной культуры и восприятия инноваций сотрудниками и руководителями предприятий:

– Открытость и доверие. Сотрудники высоко оценивают прозрачность и честность в общении между руководством и коллегами, что способствует обмену знаниями и идеями и стимулирует инновационную активность [11]. ООО «Яндекс» активно развивает открытую коммуникацию и доверительные отношения между сотрудниками и руководством, что способствует обмену знаниями и идеями и стимулирует инновационную активность [12].

– Поддержка инноваций на всех уровнях организации. Руководители активно поддерживают и поощряют инновационные идеи и проекты, создавая условия для их реализации и обеспечивая доступ к ресурсам. В АО «Лаборатория Касперского» существует система инновационных предложений, которая позволяет сотрудникам активно вносить свои идеи в развитие компании, а также проводятся внутренние хакатоны и инкубационные программы для развития новых проектов [13].

– Непрерывное обучение и развитие. Компании с инновационной корпоративной культурой акцентируют внимание на постоянном обучении и развитии сотрудников, что повышает их квалификацию и способствует генерации новых идей и решений. В ПАО «Сбербанк России» акцентируется внимание на обучении и развитии сотрудников, что способствует повышению их квалификации и генерации новых идей, а также создана программа внутренних инноваций, которая стимулирует развитие новых продуктов и услуг [14].

Анализ кейс-стадий успешных предприятий с инновационной корпоративной культурой позволил выявить следующие лучшие практики и принципы формирования такой культуры [15]:

– Вовлечение сотрудников в процесс инноваций. Создание команд, включающих представителей разных функциональных подразделений, для совместной работы над инновационными проектами, обеспечивает широту и глубину аналитического взгляда на проблему и мотивирует сотрудников к внесению своего вклада в успех проекта.

– Привлечение внешних экспертов. Внедрение практики привлечения экспертов из других компаний, университетов или научных институтов способствует обмену знаниями и идеями и получению новых знаний и компетенций.

– Гибкость в организации работы. Создание гибких структур управления, способствующих быстрому принятию решений и реализации инновационных идей, обеспечивает конкурентное преимущество компании.

Сравнительный анализ результатов количественного и качественного исследования позволил выделить следующие ключевые факторы, оказывающие влияние на инновационное развитие предприятий:

– Целенаправленная стратегия управления инновациями. Компании, которые имеют четкую стратегию развития и фокус на инновациях, лучше позиционируются на рынке и успешнее конкурируют.

– Инновационная корпоративная культура. Корпоративная культура, ориентированная на инновации, предполагает совместную работу сотрудников, поддержку и поощрение инновационных идей и проектов, а также непрерывное обучение и развитие персонала.

– Гибкость организационной структуры. Гибкость в организации работы и быстрое принятие решений являются необходимыми условиями для успешной реализации инновационных идей и проектов.

Сравнительный анализ результатов количественного и качественного исследования, проведенного в России, позволил выявить ключевые факторы, влияющие на инновационное развитие предприятий. Один из главных выводов заключается в том, что инновационная корпоративная культура является ключевым фактором, влияющим на инновационное развитие компаний.

Для того, чтобы развивать инновационную культуру, автор предлагает компаниям следующие рекомендации:

1. Ориентировать корпоративную культуру на инновации, создавая атмосферу, которая поощряет сотрудников вносить свой вклад в инновационный процесс и поддерживает развитие инновационных идей.

2. Обеспечить постоянное обучение сотрудников новым технологиям и инновациям через

регулярные тренинги, семинары и курсы обучения, которые помогут компаниям сохранять конкурентное преимущество.

3. Формировать команды для инновационных проектов, чтобы обеспечить работу сотрудников над проектами, необходимыми для развития компании, и укрепить взаимодействие между отделами и командами.

Структура инновационных методов управления, которые автор считает важными для успешного внедрения инновационных процессов на предприятиях, представлена на рисунке 1.

Рекомендации для стратегического планирования развития:

– Определение целенаправленной стратегии инновационного развития. Разработка и реализация четкой стратегии инновационного развития является ключевым фактором успеха компаний в области инноваций. Компании должны определить свои цели и задачи в области инноваций и разработать план действий для их достижения.

– Установление партнерских отношений. Сотрудничество с другими компаниями, университетами, научными институтами и государственными организациями помогает компаниям получать новые знания и опыт, расширять свой инновационный потенциал и создавать новые возможности для развития.

– Внедрение цифровых технологий. Внедрение цифровых технологий позволяет компаниям улучшить процессы управления, оптимизировать бизнес-процессы и повысить эффективность своих инновационных проектов.

В заключение можно отметить, что проведенное исследование позволило получить глубокое понимание взаимосвязи между корпоративной культурой и инновационным развитием предприятий в России. Основные результаты показали, что корпоративная культура является ключевым фактором, определяющим инновационный потенциал компаний.

Также было выявлено, что инновационное развитие предприятий в России связано с такими факторами, как наличие гибких структур управления, стратегическое планирование развития и внедрение цифровых технологий.

На основании проведенного исследования можно предложить следующие направления для дальнейших исследований:

– изучение влияния национальной культуры на корпоративную культуру и инновационное развитие предприятий;

– исследование влияния лидерства на формирование корпоративной культуры и инновационное развитие предприятий;

– изучение опыта успешных компаний в области инноваций и выявление ключевых факторов, способствующих их успеху;

– исследование эффективности методов стимулирования инновационной деятельности сотрудников;

– изучение влияния инновационного развития предприятий на экономический рост и развитие регионов.

В целом, на основании проведенного исследования, автор делает вывод, что инновационное развитие предприятий в России зависит от многих факторов, включая корпоративную культуру, гибкие структуры управления и стратегическое планирование развития. Разработка и реализация соответствующих рекомендаций позволят компаниям повысить инновационный потенциал и улучшить результаты в этой области.

Рисунок 1 — Инновационные методы управления проектами (Составлено автором)

Figure 1 — Innovative project management methods (Compiled by the author)

Список источников

1. Марченко О. В. Значение корпоративной культуры в организации // Вестник УлГТУ. 2018. № 4 (84). С. 47–49.
2. Бровкина А. Ф. Корпоративная культура как фактор повышения успешности организации // Телескоп. 2021. № 1. С. 112–116.
3. Ишембаева С. В. Корпоративная культура как модель развития инновационной деятельности организаций // Экономические и Социально-гуманитарные исследования. 2016. № 3 (11). С. 27–31.
4. Tidd J., Bessant J. Innovation and entrepreneurship. John Wiley & Sons, 2018. 462 p.
5. Chesbrough H., Vanhaverbeke W., West J. Open innovation: Researching a new paradigm. Oxford University Press, 2008. 400 p.
6. Schumpeter J. A. Capitalism, socialism and democracy. Routledge, 2013. 460 p.
7. Dobni C. B. Measuring innovation culture in organizations: The development of a generalized innovation culture construct using exploratory factor analysis // European Journal of Innovation Management. 2008. Vol. 11, No. 4. P. 539–559.
8. Аксенов В. А., Носаков И. В., Хмелев И. Б. Изменение организационной культуры и мотивов поведения персонала коммерческих предприятий в современной россии // Финансовые рынки и банки. 2022. № 5. С. 10–16.
9. Cameron K. S., Quinn R. E. Diagnosing and changing organizational culture: Based on the competing values framework. John Wiley & Sons, 2011. 256 p.
10. O'Reilly C. A., Caldwell D. F., Chatman, J. A., Lapiz M., Self, W. How leadership matters: The effects of leaders' alignment on strategy implementation // The Leadership Quarterly. 2010. Vol. 21, No. 1. P. 104–113.
11. Carmeli A., Spreitzer G. M. Trust, connectivity, and thriving: Implications for innovative behaviors at work // Journal of Creative Behavior. 2009. Vol. 43, No. 3. P. 169–191.
12. Хамзина И. Р. Формирование культуры предпринимательства как фактор устойчивого и безопасного развития предприятия на примере ООО «Яндекс» // Репозиторий Dspace : электронный архив ЮУрГУ. URL: https://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/39309/2020_663_hamzinair.pdf?sequence=1&isAllowed=y
13. Никитина А. Ю., Лопаткин Д. С. Современные инструменты инновационного маркетинга ИТ-компаний (на примере АО «Лаборатория Касперского») // Успехи в химии и химической технологии. 2018. Т. 32, № 4 (200). С. 110–112.
14. Нороян Р. М. Инновационная деятельность ПАО Сбербанк // Инновационная наука. 2018. № 3. С. 37–40.
15. Yin R. K. Case study research: Design and methods. SAGE, 2009. 219 p.

References

1. Marchenko O. V. The value of corporate culture in the organization. *Vestnik UlGTU = Bulletin of UlSTU*. 2018;(4(84)):47–49. (In Russ.).
2. Brovkina A. F. Corporate culture as a factor in increasing the success of an organization. *Teleskop = Telescope*. 2021;(1):112–116. (In Russ.).
3. Ishembaeva S. V. Corporate culture as a model for the development of innovative activities of organizations. *E`konomicheskie i Social`no-gumanitarny`e issledovaniya = Economic and Social-Humanitarian Studies.* 2016;(3(11)):27–31. (In Russ.).
4. Tidd J., Bessant J. Innovation and entrepreneurship. John Wiley & Sons; 2018. 462 p.
5. Chesbrough H., Vanhaverbeke W., West J. Open innovation: Researching a new paradigm. Oxford University Press; 2008. 400 p.
6. Schumpeter J. A. Capitalism, socialism and democracy. Routledge; 2013. 460 p.
7. Dobni C. B. Measuring innovation culture in organizations: The development of a generalized innovation culture construct using exploratory factor analysis. European Journal of Innovation Management. 2008;11(4):539–559.
8. Aksenov V. A., Nosakov I. V., Khmelev I. B. Changing the organizational culture and behavioral motivations of the personnel of commercial enterprises in modern Russia. *Finansovy`e ry`nki i banki = Financial markets and banks.* 2022;(5):10–16. (In Russ.).
9. Cameron K. S., Quinn R. E. Diagnosing and changing organizational culture: Based on the competing values framework. John Wiley & Sons; 2011. 256 p.
10. O'Reilly C. A., Caldwell D. F., Chatman, J. A., Lapiz M., Self, W. How leadership matters: The effects of leaders' alignment on strategy implementation. The Leadership Quarterly. 2010;21(1):104–113.

11. Carmeli A., Spreitzer G. M. Trust, connectivity, and thriving: Implications for innovative behaviors at work. Journal of Creative Behavior. 2009;43(3):169–191.

12. Khamzina I. R. Formation of a culture of entrepreneurship as a factor of sustainable and safe development of an enterprise on the example of Yandex LLC. Dspace repository: SUSU electronic archive. (In Russ.). Available from: https://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/39309/2020_663_hamzinair.pdf?sequence=1&isAllowed=y

13. Nikitina A. Yu., Lopatkin D. S. Modern tools for innovative marketing of IT companies (on the example of JSC "Kaspersky Lab"). *Uspexi v ximii i ximicheskoj texnologii = Advances in chemistry and chemical technology.* 2018;32(4(200)):110–112. (In Russ.).

14. Noroyan R. M. Innovative activity of PJSC Sberbank. *Innovacionnaya nauka = Innovative science.* 2018;(3):37–40. (In Russ.).

15. Yin R. K. Case study research: Design and methods. SAGE; 2009. 219 p.

Информация об авторе

Д. Н. Микрюков — руководитель отдела продаж «Клиническая Диагностика».

Information about the author

D. N. Mikryukov — the Head of Sales Department "Clinical Diagnostics".

Статья поступила в редакцию 13.04.2023; одобрена после рецензирования 21.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 13.04.2023; approved after reviewing 21.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 52–57
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):52–57

Научная статья
УДК 334.02
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-52-57

ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ПРОЦЕССЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ БИЗНЕСА

Надежда Юрьевна Псарева[1]✉, Дмитрий Николаевич Киселев[2]
[1]Государственный университет управления, Москва, Россия, kaf-em@yandex.ru✉,
http://orcid.org/0000-0003-3081-0672
[2]Московский международный университет, Москва, Россия, daddydmitri@yandex.ru

Аннотация. В условиях многочисленных санкций со стороны западных государств очень важно мобилизовать собственные усилия и выйти на новый вектор развития экономики страны, что можно достигнуть за счет цифровизации управленческих и производственных процессов, реализация которых должна базироваться на ценностно-ориентированном подходе.
Ключевые слова: цифровизация, ценности, ценностно-ориентированный подход, развитие, инновации, лидерство, корпоративная культура
Для цитирования: Псарева Н. Ю., Киселев Д. Н. Ценностно-ориентированный подход в процессе цифровизации бизнеса // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 52–57. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-52-57.

Research article

VALUE-ORIENTED APPROACH IN THE PROCESS OF BUSINESS DIGITALIZATION

Nadezhda Yu. Psareva[1]✉, Dmitriy N. Kiselev[2]
[1]State University of Management, Moscow, Russia, kaf-em@yandex.ru✉,
http://orcid.org/0000-0003-3081-0672
[2]Moscow International University, Moscow, Russia, daddydmitri@yandex.ru

Abstract. In the face of numerous sanctions from Western states, it is very important to mobilize our own efforts and enter a new vector of economic development of the country, which can be achieved through the digitalization of management and production processes, the implementation of which should be based on a value-based approach.
Keywords: digitalization, values, value-based approach, development, innovation, leadership, corporate culture
For citation: Psareva N. Yu., Kiselev D. N. Value-oriented approach in the process of business digitalization. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):52–57. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-52-57.

За последние годы тренды развития бизнеса в Российской Федерации, как и во всем мире, претерпели значительные изменения. На смену традиционной, устоявшейся парадигме ведения бизнеса приходит новая, основанная на передовых технологиях, современных подходах и методах управления. Одним из современных трендов в управлении организацией стал ценностно-ориентированный подход, использование которого позволяет решать проблемные вопросы инновационного развития, связанного с цифровизацией

процессов на основе применения новейших разработок в области информационных технологий.

Все больше хозяйствующих субъектов, стремясь быть конкурентоспособными, осознают необходимость изменений и постепенно внедряют цифровые технологии и системы автоматизации в свои основные и обеспечивающие процессы, что позволяет повысить эффективность их деятельности, сократить издержки, качественно улучшить показатели, увеличить прибыль и укрепить свои позиции на рынке. Такая нарастающая тенденция «цифровой трансформации» бизнеса и возрастающая роль информационных систем, в свою очередь, требует от менеджмента выстраивания новых систем взаимоотношений внутри организации и с внешними заинтересованными сторонами с учетом их потребностей, выявленных через установленные ценности всей организации и индивидуальных лиц, начиная от собственников компании, топ-менеджеров, служащих и работников. Необходимость применения инновационного и более гибкого подхода к управлению на основе ценностно-ориентированного подхода позволит эффективно решать поставленные перед компанией задачи, как с точки зрения выбора стратегии развития, так и подбора высококвалифицированных лидеров, способных объединить коллектив для достижения поставленных целей.

Цифровизация является одним из самых актуальных направлений развития бизнеса в настоящее время, поскольку экономическая ситуация диктует необходимость перехода на новые принципы ведения бизнеса. Начиная с 4 июня 2019 г., когда по результатам заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам была утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [1], бизнес страны получил возможность перейти на новый, более прогрессивный уровень развития и роста.

В динамичных условиях современной экономики Российской Федерации, когда страна вступила на путь инновационного развития, прежде всего ориентированного на переход на новые IT-технологии, связанного не только с системой управления, но и цифровизацией производственных процессов, системой взаимодействия со внешними стейкхолдерами, возникла необходимость формирования новой команды менеджеров, обладающих лидерскими качествами, способных определить направления комплексной автоматизации основных и вспомогательных процессов, и создания эффективной системы мотивации, корпоративной культуры, ориентированной на инновационное развитие.

Сущность цифровизации бизнеса заключается во внедрении цифровых технологий во все сферы деятельности предприятия с целью повышения эффективности, оптимизации бизнес-процессов, достижения конкурентных преимуществ. Цифровые технологии позволяют: быстро и эффективно обрабатывать большие объемы информации; существенно повышать производительность труда, качество принятия решений и уровень удовлетворенности потребителей; сокращать цикл производства, реализацию продукции и эксплуатационные затраты; формировать устойчивую и надежную репутацию бизнеса на рынке; увеличивать прибыль [2–3]. К основным задачам цифровизации бизнеса относятся:

– автоматизация бизнес-процессов — роботизация рутинных операций, оптимизация документооборота, внедрение технологий искусственного интеллекта, машинного обучения, облачных сервисов и прочее [4];

– повышение эффективности работы с данными — использование возможностей современных информационных систем и технологий для повышения качества и скорости принятия решений;

– повышение уровня безопасности — снижение операционных рисков за счет автоматизации бизнес-процессов и применения эффективных средств защиты данных;

– обеспечение прозрачности бизнеса для собственников и руководителей;

– создание единой информационной среды для всех бизнес-пользователей — оптимизация работы подразделений и сотрудников (снижение информационной нагрузки на сотрудников, повышение производительности труда и уровня корпоративной культуры и т. п.);

– сокращение издержек — снижение затрат на хранение данных, их обработку, транспортные расходы и т. д.;

– повышение эффективности работы с потребителями — снижение трудозатрат на обработку информации от потребителей и формирование отчетности, повышение лояльности клиентов;

– формирование корпоративной культуры, ориентированной на инновационное развитие.

Тем не менее цифровизация бизнеса — это не просто перенос бизнес-процессов в онлайн-среду, это новый этап развития бизнеса, который позволяет не только улучшить эффективность работы, но и изменить подход к управлению компанией в целом.

Цифровизация бизнеса неотъемлема от процесса постоянного обновления и развития, а также готовности адаптироваться к переменам внутри и вокруг компании. Цифровизация бизнеса обусловлена следующими ключевыми факторами, представленными в таблице 1.

Ценностно-ориентированное управление в условиях цифровой экономики подразумевает управление бизнесом не только на основе финансовых показателей, но и на основе ценностей, которые представляют интерес для клиентов, сотрудников и общества в целом.

Теоретические основы ценностно-ориентированного управления организацией начали формироваться на рубеже 80–90-х годов XX в., когда отечественные и зарубежные выдающиеся ученые (Т. В. Ващенко, А. В. Потапов, Д. Л. Волков, А. Раппопорт, Э. Фриман, Р. Дэвид, Т. Коупленд, А. Блэк, Т. Коллер и др.) начали изучать взаимосвязи между миссией, целями, задачами и ценностями бизнеса. В их

Таблица 1 — Факторы, влияющие на цифровизацию бизнеса*

Фактор	Описание
Технологический прогресс	Новые технологии, такие как искусственный интеллект, облачные вычисления, интернет вещей и многие другие, открывают огромные возможности для бизнеса. Они помогают автоматизировать процессы, ускорять работу и повышать производительность.
Смена парадигмы общественного развития	Технологический прогресс приводит к изменению требований общества к бизнесу, на бизнес накладываются новые обязательства в отношении сохранения окружающей среды, социальной ответственности и прозрачности деятельности.
Новые требования рынка (ужесточение конкуренции)	Цифровизация бизнеса не является совершенно новым явлением, но в последнее время ее значимость резко возросла. Конкуренция стала более жесткой, и компании вынуждены быстро адаптироваться к изменениям на рынке, использовать все возможности для улучшения качества продукции и услуг, чтобы оставаться конкурентоспособными.
Изменение поведения и требований потребителей	Современные покупатели хотят быстрого и удобного доступа к продуктам и услугам. Это означает, что бизнес должен адаптироваться и переходить на цифровые платформы и электронные каналы коммуникации, чтобы удовлетворить их потребности в быстром и качественном обслуживании, сохранить свою клиентскую базу и увеличить ее.
Квалификация сотрудников и корпоративная культура	Цифровизация бизнеса требует специфических знаний и навыков, поэтому компании должны подготовить своих сотрудников к цифровой экономике и технологиям. Технические навыки, руководящие способности, стратегическое мышление и командная работа становятся все более важными для успешного развития бизнеса. Учет ценностей организации в сочетании с потребностями ее работников.

* Разработано автором.

трудах и исследованиях были представлены новые подходы и концепции, которые расширяли и дополняли теорию стратегического управления, закладывая ключевые положения современного ценностно-ориентированного управления, отвечающие следующим целям развития бизнеса:

– максимизации ценности организации для собственников (собственного капитала) и акционеров (заемного и собственного капитала);

– унификации интересов заинтересованных лиц — как внутренних, так и внешних;

– ответственности — социальной и экологической.

Ценностно-ориентированное управление также является важным инструментом при принятии решений, связанных с планированием и организацией работы бизнеса, поскольку оно позволяет не только учитывать интересы и ценности обширного круга заинтересованных лиц, но и получить более ясное представление о возможностях, предоставляемых рынком в эпоху цифровой трансформации бизнеса Российской Федерации. Основными причинами необходимости управления бизнесом на основе ценностей являются:

1. Создание стабильности в работе компании и работа с психологическим климатом внутри компании. Возникшее в результате понимания и учета ценностей работников повышение стабильности работы организации и лояльности сотрудников к ней, во-первых, помогает предотвратить внутренние конфликты среди сотрудников и повышает эффективность решений, обеспечивая более высокую производительность труда, и, во-вторых, способствует более единообразному и логическому взаимодействию между сотрудниками и руководством компании;

2. Ориентация на клиента. Ценностно-ориентированное управление помогает бизнесу лучше понимать клиентов и создавать необходимые продукты и услуги для удовлетворения их потребностей, что, в свою очередь, способствует увеличению спроса и прибыли, укреплению бренда и лояльности клиентов. Использование IT-технологий в интернете позволяет узнать потребности клиентов, сформировать целевые группы, установить с ними обратную связь;

3. Ориентация на качество. Бизнес, ориентированный на ценности потребителей, стремится создавать продукты и услуги высокого качества, которые отвечают нуждам клиентов и соответствуют их ожиданиям;

4. Более эффективное управление рисками и генерация новых идей. Адаптация к новым условиям быстро меняющегося рынка возможна при создании такого климата, в котором у каждого работника есть понимание своей роли и места в достижении поставленных задач, что снижает внутренние риски и позволяет быстро принимать решения при изменениях внешней среды и генерировать новые идеи.

Ценностно-ориентированный подход в управлении процессом развития, ориентированного на цифровизацию бизнеса, помогает хозяйствующим субъектам определить приоритетные направления для внедрения новых технологий и внести изменения в основные бизнес-процессы. Можно выделить следующие направления и меры необходимые для повышения результативности и эффективности процессов цифровизации:

1. Создание команды лидеров, разделяющих общие ценности и принципы, связанные с цифровой трансформацией. В новой цифровой среде лидерам необходимо: создавать позитивную атмосферу с помощью цифровых методов коммуникации как внутри коллектива, так и с внешними стейкхолдерами; обеспечивать своих сотрудников определенными ресурсами (гибкостью рабочих процессов, автономией, ролевой определенностью, возможностью для развития, повышением профессиональной компетентности и др.); уметь определять необходимость изменений и продвигать инновации в своем бизнесе и команде [5]. Правильно организованная команда лидеров может стать примером для остальных сотрудников, помогая им понять важность ценностей в цифровой среде и действовать в соответствии с ними.

2. Формирование инновационной корпоративной культуры. В рамках цифровой трансформации бизнеса, где главным стратегическим направлением развития организаций является инновационное развитие, формируется новый тип корпоративной культуры — корпо-

ративная культура, ориентированная на инновационное развитие [6]. Инновационная корпоративная культура — это набор корпоративных ценностей, норм, поведенческих стереотипов и процессов, которые стимулируют инновационный потенциал внутри хозяйствующего субъекта. Одной из главных целей инновационной корпоративной культуры является создание атмосферы, которая позволяет сотрудникам проявлять креативность, экспериментировать, искать идеи, делать ошибки и учиться на них. Такая культура не только помогает организации сохранять конкурентные преимущества, но и делает ее более эффективной и адаптивной.

3. Проектный подход в создании инноваций. Проектный подход является эффективным подходом в создании инноваций, который позволяет обеспечить успешность проекта и создание креативных и инновационных решений, поскольку может быть использован на различных этапах разработки и внедрения инноваций, начиная от идеи и заканчивая реализацией проекта бизнеса. Проектный подход в создании инноваций основывается на учете ценностей, потребностей и предпочтений всех заинтересованных лиц бизнеса, чтобы создавать инновационные продукты и сервисы, которые истинно ценны для них. Он также обеспечивает высокий уровень ответственности и контроля над процессами создания инноваций, что позволяет избежать многих проблем, связанных с неэффективным использованием времени, средств и ресурсов при создании новых продуктов или услуг.

4. Развитие отношенческого капитала. Ценностно-ориентированный подход может быть применен для развития и укрепления отношенческого капитала в процессе цифровизации. Он подразумевает установление доверительных и долгосрочных отношений с внутренними и внешними стейкхолдерами. Ценности людей, связанные с этичностью, интегритетом*, справедливостью и уважением, играют важную роль в развитии положительных отношений, что способствует успеху цифровых инициатив.

Таким образом, исходя из изложенного выше, можно сделать вывод о том, что использование ценностно-ориентированного подхода при управлении процессами цифровизации бизнеса может быть сложным и требовать больших усилий со стороны бизнеса. Однако, если этот подход правильно интегрирован, то позволит не только достигнуть успеха в цифровой трансформации, более рационально использовать ресурсы компании, снизить риск принятия неправильных решений, но и создать сильную и устойчивую культуру, которая повысит общую эффективность компании. Топ-менеджеры компании, ориентированные на лидерство, должны понимать, что успех копании зависит не от количества реализованных проектов, а от того, насколько они отвечают ценностям внешних и внутренних стейкхолдеров компании. Цифровизация бизнеса — это не просто перенос бизнес-процессов в онлайн-среду, это новый этап развития бизнеса, который позволяет не только улучшить эффективность работы, но и изменить подход к управлению компанией в целом.

Список источников

1. Цифровая экономика РФ // Министерство цифрового развития, связи и массовых комммуникаций : официальный сайт. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858

2. Апханова Е. Ю., Бирюкова Л. В. Цифровизация бизнеса в России: возможности и проблемы // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2021. № 1 (105). С. 21–27.

3. Псарева Н. Ю. Ценностно-ориентированный подход в управлении бизнесом // Экономика и управление: социальный, экономический и инженерный аспекты : сборник научных статей V Международной научно-практической конференции (Брест, 24–25 ноября 2022 г.). Ч. 1. Брест : Издательство Брестского государственного технического университета, 2022. С. 107–111.

4. Киселев Д. Н., Псарева Н. Ю. Повышение эффективности управления организацией на основе современных цифровых технологий // Эффективное управление экономикой: проблемы и перспективы : сборник трудов VIII Всероссийской научно-практической конференции (Симферополь, 13–14 апреля 2023 г.). Симферополь : Ариал, 2023. С. 99–102.

* Интегритет — вид информационной безопасность, который направлен на сохранение целостности информации.

5. Савина М. В., Степанов И. А., Степанов А. А. Эффекты и преимущества цифровизации экономики // Перспективные направления научных исследований : сборник статей по материалам IV ежегодной научно-практической конференции. Москва : Научный консультант, 2018. С. 234–238.

6. Чегурова М. М. Руководители в условиях цифровой экономики: новые вызовы и компетенции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14, № 3. С. 208–223.

References

1. Digital Economy of the Russian Federation. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications: official site. (In Russ.). Available from: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858

2. Apkhanova E. Yu., Biryukova L. V. Digitalization of business in Russia: opportunities and problems. *Vestnik Xabarovskogo gosudarstvennogo universiteta e`konomiki i prava = Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law*. 2021;(1(105)):21–27. (In Russ.).

3. Psareva N. Yu. Value-oriented approach in business management. *E`konomika i upravlenie: social`ny`j, e`konomicheskij i inzhenerny`j aspekty`: sbornik nauchny`x statej V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Brest, 24–25 noyabrya 2022 g.). Ch. 1 = Economics and management: social, economic and engineering aspects: collection of scientific articles of the V International scientific and practical conference (Brest, November 24–25, 2022). Part 1*. Brest: Brest State Technical University Publishing House; 2022. P. 107–111. (In Russ.).

4. Kiselev D. N., Psareva N. Yu. The improvement of the efficiency of organization management based on modern digital technologies. *E`ffektivnoe upravlenie e`konomikoj: problemy` i perspektivy`: sbornik trudov VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Simferopol`, 13–14 aprelya 2023 g.) = Effective economic management: problems and prospects: Proceedings of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference (Simferopol, April 13–14, 2023).* Simferopol: Arial; 2023. P. 99–102. (In Russ.).

5. Savina M. V., Stepanov I. A., Stepanov A. A. Effects and advantages of digitalization of the economy. *Perspektivny`e napravleniya nauchny`x issledovanij: sbornik statej po materialam IV ezhegodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii = Perspective directions of scientific research: collection of articles based on the materials of the IV annual scientific and practical conference*. Moscow: Scientific consultant; 2018. P. 234–238. (In Russ.).

6. Chegurova M. M. Leaders in the digital economy: new challenges and competencies. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. 2021;14(3):208–223. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. Ю. Псарева — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории и организации управления;

Д. Н. Киселев — магистрант.

Information about authors

N. Yu. Psareva — Doctor of Science (Economics), Professor, Professor of the Department of Theory and Organization of Management;

D. N. Kiselev — the master student.

Статья поступила в редакцию 06.06.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 06.06.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 58–62
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):58–62

Научная статья
УДК 65.011.56; 005.92
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-58-62

ЦИФРОВОЙ ФОРМАТ ВЕДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Галина Михайловна Сундукова[1]✉, Людмила Николаевна Деревягина[2], Нина Васильевна Бобылева[3]
[1,2,3]Государственный университет управления, Москва, Россия
[1]kafedra_tou@mail.ru✉
[2]dereviag@gmail.com
[3]nv.bobyleva2020@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены теоретические основы внедрения систем электронного документооборота. Управление электронным документооборотом понимается как инфраструктурное ядро любого предприятия. Авторы убеждены, что это не просто инновация, а кардинальное управленческое решение, не имеющее аналога в традиционном управлении информационными потоками предприятия. Благодаря такому новшеству труд коллектива значительно облегчится. Система электронного документооборота, будучи существенным преимуществом автоматизации, однозначно оптимизирует скорость выполнения задач и повышает конкурентоспособность организации. Грамотно выстроенная система электронного документооборота обеспечивает бесперебойное протекание бизнес-процессов, экономит значимый ресурс — время, при этом освобождая минуты и часы для исполнения первостепенных задач.
Ключевые слова: социально-экономическая система, инновационное развитие, управление информационными потоками, система электронного документооборота, автоматизация работы предприятия
Для цитирования: Сундукова Г. М., Деревягина Л. Н., Бобылева Н. В. Цифровой формат ведения деятельности предприятия: проблемы и возможности // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 58–62. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-58-62.

Research article

DIGITAL FORMAT FOR CONDUCTING ENTERPRISE ACTIVITIES: PROBLEMS AND OPPORTUNITIES

Galina M. Sundukova[1]✉, Ludmila N. Derevyagina[2], Nina V. Bobyleva[3]
[1,2,3]State University of Management, Moscow, Russia
[1]kafedra_tou@mail.ru✉
[2]dereviag@gmail.com
[3]nv.bobyleva2020@gmail.com

Abstract. The theoretical foundations of the introduction of electronic document management systems are considered. Electronic document management is understood as the infrastructural core of any enterprise. The authors are convinced that this is not just an innovation, but a cardinal management decision that has no analogue in the traditional management of enterprise information flows. Thanks to this innovation, the work of the team will be greatly facilitated. The electronic document management system, being a significant advantage of automation, uniquely optimizes the speed of tasks and increases the competitiveness of the organization. A well-built electronic document management system ensures the uninterrupted flow of

business processes, saves a significant resource — time, while freeing up minutes and hours to perform primary tasks.

Keywords: socio-economic system, innovative development, information flow management, electronic document management system, enterprise work automation

For citation: Sundukova G. M., Derevyagina L. N., Bobyleva N. V. Digital format for conducting enterprise activities: problems and opportunities. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):58–62. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-58-62.

Условия российской экономики характеризуются высоким уровнем неопределенности и изменчивости, поэтому формирование интегрировано-адаптивной системы документооборота выступает одной из мер антикризисного управления предприятием. Такая система нацелена на принятие обоснованных управленческих решений, стратегическое планирование, точный анализ и учет основных показателей, а также мониторинг действий всех структурных подразделений и филиалов [1].

Информационные технологии становятся главной производительной силой в новой экономике производства. Многие предприятия переходят на цифровой формат ведения деятельности, так как это способствует развитию единого внутрифирменного информационного пространства. Они позволяют:

– автоматизировать существующий процесс, то есть спроецировать действия в цифровой формат;

– использовать компьютеры как инструмент ведения расчетов, анализа, следовательно, облегчить человеческий труд и сократить количество ошибок;

– полностью изменить технологический процесс обработки информации, то есть перестроить последовательность осуществления деятельности в технологический ресурс.

В настоящее время информационные технологии — это инструмент, с помощью которого информация транслируется клиентам. Они способствуют улучшению рабочих процессов с помощью визуализации показателей эффективности и отображения ошибок, возникших при выполнении операций. Автоматизированные платформы позволяют менеджменту рефлектировать на динамику рынка, создавать уникальный продукт, поддерживать и улучшать его конкурентное преимущество и как следствие повышать доход бизнеса [2].

Известно, что любое предприятие представляет собой систему — совокупность взаимосвязанных элементов. Комплексный анализ функций иерархии управления и организации самой деятельности позволяет грамотно оценить состояние предприятия и выявить слабые места. На рубеже сетевого прогресса руководители ставят в приоритет оценку технологической и информационной составляющей бизнеса, способности быстро реагировать на современные реалии рынка, отслеживать рекламные тренды и быть гибким для партнеров и инвесторов, так как качественная и быстрая обработка информации является ключевым звеном делового процесса. Все пространство предприятия пронизано информацией. Это ценный ресурс, который требует постоянного обновления. Отсюда вытекает потребность поддерживать актуальность информационной базы на предприятии и рациональном ее представлении. Так как ее необходимо фиксировать, то половина объема работы коллектива — от сотрудников до руководителей — приходится на работу с документацией, которая имеет разную структуру и специфику и не поддается простому процессу агрегации. Это создает определенные трудности в процессе принятий решений. Здесь же появляется проблема хранения всех данных. Организация системного и эффективного способа управления документацией обеспечивает должное использование документов на каждом этапе деятельности с учетом специфики предметной области компании. Сегодня в противовес традиционным «бумажным» технологиям все чаще используются информационные [3–4].

Абсолютно любой документ подвергается трудоемким действиям по составлению, обработке, регистрации и обновлению данных. Важными являются транспортировка и архивирование, которые требуют больших временных и пространственных ресурсов. От

работы с документами в значительной мере зависят надежность аппарата управления, оперативность ответной реакции между субъектами деятельности и организация труда на предприятии в целом. Поэтому в противовес традиционным технологиям используются информационные. В этом огромное значение приобретает электронный документооборот, способствующий оптимизировать процесс движения документа на всех стадиях: от составления бланка и абзаца до утверждения и отправки готового экземпляра, не отвлекая работников от выполнения главных функциональных задач.

Система электронного документооборота (СЭД) — организационно-техническая система, обеспечивающая процесс создания, управления доступом и распространения электронных документов в компьютерных сетях, а также обеспечивающая контроль над потоками документов в организации. Такая система упрощает и роботизирует процедуры, которые выполняются человеком на предприятии.

Залог успешной работы предприятия основан на рациональном управлении документопотоков. Согласно определению документопоток — это процесс движения различного рода данных на предприятии между основными службами, подразделениями, специалистами, руководителями и внешними субъектами. Существуют три вида документопотоков: внутренний — вся внутренняя документация предприятия, не предназначенная для выхода за ее пределы; исходящий — документы, созданные с целью отправки в другие организации и учреждения; входящий — документы, поступающие в компанию от иных агентов. Объем документопотока определяется количественным исчислением оригинальных и подлинных файлов, которые могут быть подтверждены физическим носителем. Документопоток и документооборот — неразрывно связанные бизнес-процессы, поэтому важно уделить особое внимание выбору способа управления документацией. Автоматизированные программы направлены на удовлетворение потребностей организации и могут стать первостепенным фактором качественного развития [5].

История электронного документооборота берет свое начало в 80-е годы XX века. В то время автоматизация осуществлялась лишь в государственных учреждениях и крупных компаниях. В большинстве случаев главным мотивом установки системы служило создание элитного образа предприятия. Такие системы имели индивидуальный характер, что препятствовало их развитию и обновлению.

Первые системы делопроизводства представляли собой одно рабочее место секретаря. Такие системы имели ограниченный функционал: ввод регистрационно-контрольных карточек, ведение журналов входящих обращений граждан и исходящих ответов, поиск документа по необходимым критериям и составление отчетов для руководства. Специалисты не имели должной базы знаний по обращению с программой и допускали ошибки, корректировка которых была невозможна, поэтому фирмы были вынуждены отказаться от цифровых систем без желания разобраться с проблемой.

Несмотря на довольно долгий период существования данной системы, ее внедрение до сих пор остается проблематичным из-за множества факторов: несовершенство законодательной базы, технологические и инновационные отставания от передовых стран, а также особенности российского менталитета с характерной чертой противиться коренным изменениям и скептически относиться к перестройке базовых механизмов [6].

Новый рубеж цифрового ведения документации произошел в 1990–2000 годы, когда Россия расширила понятия менеджмента качества и приняла методологию процессного подхода к управлению. Тогда и начали разрабатываться универсальные СЭД, отвечающие требованиям нового ведения бизнеса. Пришло понимание, что СЭД должна не просто копировать процессы движения бумажных документов, а способствовать построению цифровой среды на предприятии. Однако, это было бы невозможным без правового регулирования.

Были приняты законы и разработаны соответствующие ГОСТы, необходимые для организации юридически значимого электронного документооборота и определения на законодательном уровне технических характеристик электронной цифровой подписи. Прочие

нормативно-правовые акты установили порядок ведения финансовой, бухгалтерской и налоговой отчетности через сетевые ресурсы.

В условиях стремительного прогресса и цифровой трансформации правильное решение тактических и оперативных задач обеспечивает достижение стратегических целей и определяет жизнестойкость предприятия. Динамика изменений ежедневных операций очень высока, при этом с документами связаны наиболее значимые функции бизнеса.

Электронный документооборот настолько универсальная система, что находит применение практически в любой компании в соответствии с отраслью бизнеса и его частными потребностями [7].

Любые изменения системы неизбежно связаны с трудностями. Наиболее существенной является человеческий фактор. Сотрудники чаще всего не готовы к переменам. Это обусловлено нежеланием учиться и менять привычный режим работы, идя на риск. Но для этой проблемы имеется решение. Например, проводить внедрение поэтапно, переводя часть ключевых должностей на цифровую документацию. Тогда сотрудники постепенно начнут привыкать к новым реалиям. Здесь важна и роль руководителя, который доступно разъяснит необходимость данной системы и противостоит нападкам коллектива. Можно привлечь различные службы для повышения вовлеченности персонала в процесс перестройки компании и мотивации сотрудников, придавая уверенность в своих действиях. В дальнейшем это приведет к сближению структурных подразделений организации, увеличению привлекательности предприятия для инвестиций и повышению лояльности сотрудников.

Еще одна проблема связана с организационно-структурным аспектом. Это касается как предприятия, так и оператора электронного документооборота. Для начала необходимо формализовать структуру управления и подчинения подразделений, зафиксировать права сотрудников и должностные инструкции именно по документационному обеспечению, определить политику конфиденциальности информации для персонала, служб и компании в целом. Общими усилиями коллектива должны быть разработаны схемы связей внутри организации, а также внешние коммуникации с партнерами, поставщиками, органами власти и прочими государственными учреждениями. Только в случае точной и прозрачной корпоративной структуры можно автоматизировать процесс ведения документов и благодаря IT-службе перейти в цифровое пространство.

Таким образом, компаниям, желающим перейти на электронный вид обмена документами, следует быть очень внимательными, ведь важно не упустить вышеперечисленные аспекты и быть готовыми к решению возникших проблем.

Список источников

1. Серебрякова Г. В., Незамайкин И. В. Роль проектных технологий в подготовке государственных служащих в условиях цифровой экономики // Муниципальная академия. 2020. № 1. С. 70–74.

2. Псарева Н. Ю., Денисова И. В. Государственное регулирование процессов импортозамещения и диверсификации в легкой промышленности // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 1(58). С. 35–41.

3. Ермилина Д. А. Промышленность России: оценка текущего состояния и выявление перспектив роста // Вестник МИРБИС. 2019. № 4(20). С. 6–14.

4. Кротенко Т. Ю., Ермилина Д. А., Симонов С. Ю. Цифровые компетенции современного менеджера: анализ потребности и направления развития // Russian Journal of Management. 2022. Т. 10, № 2. С. 26–30.

5. Малькова Ю. В., Кротенко Т. Ю., Денисова И. В. Анализ использования отдельных видов инновационных технологий в деятельности компаний в условиях цифровой экономики // Муниципальная академия. 2022. № 4. С. 69–74.

6. Псарева Н. Ю., Мухтарова Т.-Ч. Р. Особенности деятельности управляющей компании индустриального парка // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 2(55). С. 46–54.

7. Сундукова Г. М., Бобылева Н. В., Деревягина Л. Н. Стратегическое управление вузом в условиях цифровой экономики // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11, № 3. С. 27.

References

1. Serebryakova G. V., Nezamaikin I. V. The role of design technologies in the training of civil servants in the digital economy. *Municipal`naya akademiya = Municipal Academy*. 2020;(1):70–74. (In Russ.).
2. Psareva N. Yu., Denisova I. V. State regulation of import substitution and diversification processes in light industry. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(1(58)):35–41. (In Russ.).
3. Ermilina D. A. Industry of Russia: assessment of the current state and identification of growth prospects. *Vestnik MIRBIS = Vestnik MIRBIS*. 2019;(4(20)):6–14. (In Russ.).
4. Krotenko T. Yu., Ermilina D. A., Simonov S. Yu. Digital competencies of a modern manager: analysis of needs and directions of development. *Russian Journal of Management = Russian Journal of Management*. 2022;10(2):26–30. (In Russ.).
5. Malkova Yu. V., Krotenko T. Yu., Denisova I. V. Analysis of the use of certain types of innovative technologies in the activities of companies in the digital economy. *Municipal`naya akademiya = Municipal Academy*. 2022;(4):69–74. (In Russ.).
6. Psareva N. Yu., Mukhtarova T.-Ch. R. Features of activity of the management company of the industrial *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2022;(2(55)):46–54. (In Russ.).
7. Sundukova G. M., Bobyleva N. V., Derevyagina L. N. Strategic management of a university in a digital economy. *Vestnik evrazijskoj nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2019;11(3):27 (In Russ.).

Информация об авторах

Г. М. Сундукова — кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и организации управления;

Л. Н. Деревягина — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теории и организации управления;

Н. В. Бобылева — старший преподаватель кафедры теории и организации управления.

Information about authors

G. M. Sundukova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Theory and Organization of Management;

L. N. Derevyagina — Candidate of Science (Economics), Assistant Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Organization of Management;

N. V. Bobyleva — senior lecturer of the Department of Theory and Organization of Management.

Статья поступила в редакцию 17.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 17.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 63–71
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):63–71

Научная статья
УДК 338
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-63-71

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Виктория Владимировна Тонконог[1], Полина Игоревна Ананченкова[2]✉, Серафим Олегович Худяков[3]
[1,2,3]Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия
[2]Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия
[1]vikatonkonog79@mail.ru, http://orcid.org/0000-0001-6526-3678
[2]ananchenkova@yandex.ru✉, http://orcid.org/0000-0003-1791-1292
[3]s.o.khydiakov@gmail.com, http://orcid.org/0000-0002-2472-6389

Аннотация. В представленной работе рассматриваются вопросы управления знаниями в организациях, объединенных в сетевую конструкцию. Современный рынок требует от организаций гибкости. Сетевое взаимодействие обеспечивает синергетический эффект от возможности объединения ресурсов организаций-участников, в том числе — на основе использования знаний. В статье проведен обзор теоретических научных представлений о сущности процесса управления знаниями и его особенностях применительно к сетевым организациям. Сетевые организации — это структуры, которые выполняют сложные проекты, часто выходящие за границы одной отрасли. Поэтому они осознают необходимость динамичного приобретения знаний путем создания альянсов и сетей сотрудничества. Качественное управление бизнес-процессами влияет на эффективность сетевых организаций.
Ключевые слова: сетевая организация, управление знаниями, сотрудничество, процесс управления знаниями, гибкая организация
Для цитирования: Худяков С. О., Тонконог В. В., Ананченкова П. И. Управление знаниями в организациях сетевого взаимодействия: теоретический обзор // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 63–71. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-63-71.

Research article

KNOWLEDGE MANAGEMENT IN NETWORKING ORGANIZATIONS: THEORETICAL OVERVIEW

Victoria V. Tonkonog[1], Polina I. Ananchenkova[2]✉, Serafim O. Khudyakov[3]
[1,2,3]Scientific Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Department of Healthcare of the City of Moscow, Moscow, Russia
[2]Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia
[1]vikatonkonog79@mail.ru, http://orcid.org/0000-0001-6526-3678
[2]ananchenkova@yandex.ru✉, http://orcid.org/0000-0003-1791-1292
[3]s.o.khydiakov@gmail.com, http://orcid.org/0000-0002-2472-6389

Abstract. In the presented work, the issues of knowledge management in organizations united in a network structure are considered. The modern market requires flexibility from organizations. Networking provides a synergistic effect from the possibility of pooling the resources of participating organizations, including through the use of knowledge. The article provides an overview of theoretical scientific ideas about the essence of the knowledge management process and its features in relation to network organizations.

Network organizations are structures that carry out complex projects that often go beyond the boundaries of one industry. Therefore, they are aware of the need for dynamic knowledge acquisition through the creation of alliances and networks of cooperation. High-quality management of business processes affects the efficiency of network organizations.

Keywords: network organization, knowledge management, collaboration, knowledge management process, flexible organization

For citation: Khudyakov S. O., Tonkonog V. V., Ananchenkova P. I. Knowledge Management in Networking Organizations: a Theoretical Review. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2023;(2(59)):63–71. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-63-71.

Современный рынок требует от организаций гибкости. Под гибкостью понимается способность быстро адаптироваться к новым требованиям рынка в различных областях деятельности, таких как системы, структура и организационная культура. С этими проблемами обычно сталкиваются сетевые организации, функционирование которых часто обусловлено существованием конкретного проекта или заказа. Кроме того, существуют взаимозависимости между организациями с сетевой структурой и организациями, управляемыми процессами, которые связаны с традиционной ориентацией и относительно низкой гибкостью. При этом во многих исследованиях утверждается, что сетевые организации составляют будущее менеджмента, учитывая, что эффективность процессов, и в частности, эффективность процессов, ориентированных на знания, делает организацию привлекательной и является сильным преимуществом, когда дело доходит до поиска партнеров по проекту.

Эффективность управления бизнес-процессами организации, являющейся членом сетевой организации, оказывает положительное влияние на эффективность всего проекта. Для определения этой взаимосвязи были проведены анкетные опросы с участием деловых, научных и общественно полезных организаций. В статье представлена концепция управления бизнес-процессами и ее эволюция. Показана современная тенденция в управлении бизнес-процессами, которая от классического инженерного, оптимизационного подхода переходит к управлению знаниями как одному из ключевых ресурсов современной организации. Организации с сетевой структурой также были представлены в качестве примера структур, построенных для полного использования знаний и ресурсов партнеров. В нем также указаны факторы, определяющие установление отношений сотрудничества между неассоциированными организациями. Одним из наиболее важных аргументов, оправдывающих такое сотрудничество, является технологическое совершенство партнеров. Это способ использования недоступных ресурсов и возможность развивать ресурсы знаний, столь важные для современных организаций.

Управление бизнес-процессами, понимаемое как ориентация и совершенствование процессов, реализуемых внутри организации, представляет собой подход, который идет рука об руку с науками управления. Традиционное управление в организации раньше основывалось на предположении, что необходимо разрабатывать операционные системы, которые являются максимально прозрачными для их подрядчиков. Из-за того факта, что организации обычно нанимали сотрудников низкой квалификации или работали с ними, отношения между членами организации были очень простыми, тогда как обучение ролям просто требовало длительного повторения одних и тех же действий. Разделение обязанностей также было строго определено: на одном конце находился образованный начальник, способный принимать решения, а на другом — сотрудник, выполняющий приказы [1].

Предшественником ориентации на бизнес-процессы является М. Портер [2], который, наряду с концепцией цепочки создания стоимости, указал на необходимость ее интеграции и функциональной совместимости. Эта концепция была продолжена Е. Демингом, который показал на блок-схеме связи между организациями от заказчика к поставщику как процесс, который можно измерить и улучшить,

как это имеет место в производственных процессах, где ищется самое лучшее решение [3]. Ориентация на бизнес-процессы позволяет организациям мыслить сообща, как единое целое, для повышения эффективности удовлетворения потребностей клиентов [4].

Постоянно меняющиеся требования и ожидания рынка по отношению к организации, сокращающиеся жизненные циклы продуктов или допустимая нестабильность как международных клиентов, так и масштабной конкуренции по всему миру заставляют компании снова взглянуть на процессы, происходящие в компании. В результате управление бизнес-процессами (Business Project Management — BPM) является одной из наиболее важных задач для руководства. Оно не ограничивается производственными процессами, но его диапазон начинает охватывать весь спектр управления организацией, становясь целостной философией управления [5].

Постоянная изменчивость окружающей среды, растущие ожидания клиентов и конкурентное давление требуют от организации готовности к гибкому функционированию. На самом высоком уровне гибкость следует понимать, прежде всего, как способность организации адаптировать свое собственное функционирование к изменениям, происходящим в окружающей среде, которые ранее не были предусмотрены. Это означает, что организация должна быть способна учиться, адаптироваться к окружающей среде и быстро переопределять внутренние задачи, системы и структуры. Нестабильность процессов, происходящих в организации, становится все более распространенным явлением. Организации, участвующие в рыночных отношениях, постоянно обмениваются информацией с окружающей средой, и в результате им приходится адаптироваться к постоянно меняющимся внешним условиям [6]. Это также влияет на процессы, происходящие внутри этих организаций, которые должны подвергаться более или менее глубоким изменениям, что относится, в частности, к тем видам деятельности, которые связаны с созданием и предоставлением ценности, продуктов или услуг клиенту. Все чаще организациям требуется персонализировать свой продукт или услугу для удовлетворения потребностей рынка, что по умолчанию побуждает их вносить определенные изменения в свою предыдущую деятельность. Таким образом, процессы, происходящие в организациях, становятся все менее и менее статичными.

В таких условиях естественным следствием является изменение взгляда на управление бизнес-процессами, которое развилось из традиционного подхода, типичного для промышленного инжиниринга, и предположений о неизменности процесса. В классическом понимании модификации процессов заключались в устранении избыточных действий и постепенном, но медленном совершенствовании в соответствии с циклом Деминга. Сегодня эта модель заменяется адаптацией процессов, происходящих в организациях, к требованиям клиентов, а также подходом к бизнес-процессам и знаниям как к двум неотъемлемо связанным элементам [7].

Ориентированное на знания управление процессами должно интегрировать два параллельных подхода — управление процессами, происходящими в организации, с целью улучшения и оптимизации этих процессов, а также подход, вытекающий из управления нематериальными ресурсами организации. Процессы, происходящие в организации, должны быть сосредоточены не только на превосходстве в производстве услуг или продуктов, но и на том факте, что естественным продуктом, возникающим в результате процесса, являются знания. Факт создания нематериального актива в результате управления бизнес-процессами следует учитывать на каждом уровне внедрения производственного процесса, а сами процессы управления знаниями становятся «фундаментальной задачей и вызовами нашего времени» [8].

Знания — это ресурс, которым должна динамически управлять любая организация, которая надеется достичь конкурентного преимущества [9]. Управление знаниями — это осознанная стратегия приобретения нужных знаний для нужных людей и предоставления их им в нужное время. Но это еще не все. Полный процесс управления знаниями также учитывает обмен знаниями, а также высвобождение знаний, так что использование знаний

повышает эффективность бизнес-процессов и, в конечном счете, улучшает организацию. Постоянная изменчивость, которая является возможностью и в то же время страхом современных организаций, означает, что управление знаниями и интеграция этих процессов с производственной практикой способствуют росту инноваций. «Организации заинтересованы в своих клиентах и повышении своей производительности» [10].

Процесс управления знаниями, представленный Т. Дэвенпортом и Л. Прусаком [11], включал три основных вида деятельности: приобретение знаний, кодификацию и распространение. В рамках процесса приобретения знаний организация должна активно искать источники информации и знаний, классифицировать полученную информацию (отбор и ее оценка), приобретать новые знания и заботиться о ее непрерывном создании в результате процессов, происходящих в организации. Кодификация и передача знаний состоят в подготовке знаний к форме, в которой их можно использовать. Это может быть сделано путем ввода данных в базы данных или подготовки соответствующих хранилищ данных, которые полезны, удобны и доступны практически «по требованию» для членов организации.

Знания должны использоваться в качестве основы для развития новых знаний посредством интеграции, инноваций, создания и расширения существующей базы знаний и должны продолжать использоваться в качестве основы для принятия решений. Управление знаниями позволяет организациям принимать решения, и в то же время знания являются элементом, который формирует основу для создания новых знаний посредством инноваций [12]. Новые знания создаются на основе уже существующих знаний.

Интересный и в то же время очень важный подход можно увидеть у Дж. Уолша и Г. Унгсона [13], которые писали об использовании знаний на двух уровнях: автоматическом и контролируемом. Автоматическое использование знаний — это рутинная деятельность, которая разрабатывается в организации с помощью процедур, структуры или организационной культуры. Однако по мере увеличения сложности деятельности или по мере того, как происходят изменения, требуется нестандартная деятельность, и необходимо искать нетрадиционные знания, часто расположенные в разных хранилищах, или возникает необходимость их создания. Для этого требуется гибкость организации, которую Д. Тис, А. Пизано и А. Шуен определяют как «способность фирмы интегрировать, наращивать и реконфигурировать свои внутренние полномочия, чтобы быстро реагировать на изменения окружающей среды» [14].

Примерами таких динамичных возможностей организации могут быть исследования и разработки, альянсы и приобретения, передача технологий и процедуры [15]. Такие действия являются частью процесса управления знаниями в организации и непосредственно вытекают из процесса обучения, являясь при этом постепенным и систематическим (если они проводятся регулярно) методом изменения рутины организации и ее обычного автоматического процесса управления знаниями. Эти механизмы составляют цикл эволюции знаний. В этом цикле проводятся исследования и эксплуатация с целью поиска решений скрытых потребностей окружающей среды и преобразования этих решений в процедуры.

Формой приобретения и развития ресурсов знаний не обязательно должно быть поглощение другой организации или передача технологии, но это также может быть осуществление деятельности по сотрудничеству. В настоящее время все чаще это сотрудничество принимает форму организации с сетевой структурой, которая является производной от развития ИТ-сети. Современные организации в рамках своих целей не ограничиваются своими ресурсами, но все чаще используют возможность установления сотрудничества с другими субъектами, не связанными с капиталом организации.

Цифровая революция, свидетелями и активными участниками которой мы являемся, в значительной степени охватила сферу управления [16]. Это влияние проявляется как в захвате более широких областей управления организациями с помощью ИТ-систем (например, уже чрезвычайно распространенной автоматизации производства и все

более прогрессивной автоматизации других областей организации), так и в изменениях в самих организациях и их организационных структурах. Современные организации все меньше и меньше напоминают организации десятилетней давности. Классические организации, организованные иерархическим образом, проходят своеобразный путь эволюции. В 60-х годах прошлого века можно было наблюдать трансформацию классических линейных организационных связей в матричные структуры, направленные на улучшение управления и облегчение управления проектами. Сегодня мы все чаще наблюдаем гибкость этих структур по отношению к сетевым организациям и организациям с самоуправлением [17]. Создание такого типа организаций в значительной степени обусловлено развитием сетей и информационных технологий (ИКТ). Сетевое взаимодействие организации означает не только способ формальной организации структуры, но и, в гораздо большей степени, указывает на способ их функционирования. Сетевые организации в настоящее время создаются для укрепления и лучшего использования ресурсов знаний, что напрямую влияет на повышение эффективности управления бизнес-процессами в организации.

Вся организационная деятельность, направленная на достижение заранее определенных целей, требует выделения ресурсов. По мере расширения масштабов осуществляемой деятельности и увеличения сложности выполняемых задач эти ресурсы должны быть все более дифференцированными и все более многочисленными. Инициирование новых мер требует от организации принятия решений, касающихся ее взаимоотношений с окружающей средой. Способность создавать конкурентные преимущества является фактором, который в значительной степени определяет будущие действия организации и влияет на ее привлекательность для других игроков рынка. Вышеупомянутые конкурентные преимущества строятся на основе ресурсов, принадлежащих или используемых предприятием. Традиционно ресурсы предприятия делятся на две категории: материальные и нематериальные. Материальные ресурсы включают основные средства, недвижимость, станки, сырье и финансовые ресурсы. Нематериальные ресурсы состоят из различных процедур, операционных моделей, ноу-хау, принадлежащих патентов и человеческого фактора — сотрудников и их опыта, знаний, навыков.

Можно заметить все больше дискуссий о глобальных конкурентных преимуществах, которые являются результатом эффективной связи между национальными условиями и стратегией компании [2]. Даже операционное совершенство предприятия, приводящее к достижению лидерства, не может гарантировать успех на новом рынке. Доступные ресурсы составляют один из столпов стратегии, вторым из которых является окружение организации. В случае коммерческих организаций мы обычно говорим о конкурентной (рыночной) среде, где клиент может выбрать поставщика. В такой ситуации положение может быть расширено за счет выхода на новые рынки и новые сегменты, а фактическая рыночная власть может быть усилена за счет стратегии поиска делового партнера. Нынешний конкурент может превратиться в своего рода партнера (coopetition).

Конкуренция — это отношения сотрудничества, при которых по крайней мере две организации совместно используют выбранные ресурсы с целью достижения общих целей. Характерные особенности отношений конкуренции, которые подчеркиваются в многочисленных публикациях и которые отражены в определениях этого понятия, заключаются в следующем [18]:

– двойственность отношений — сосуществование конкуренции и сотрудничества, что возможно благодаря разделению областей, посвященных конкретным действиям, а также эффективной координации деятельности, выполняемой сотрудничающими организациями в этих распределенных операционных зонах;

– взаимозависимость — которая проявляется во взаимной зависимости вовлеченных сторон, а также в совместном использовании ресурсов, предоставляемых в рамках отношений конкуренции в любой форме (в виде товара, квалификации или навыка);

– долгосрочный характер отношений — чем больше перспектив сотрудничества, тем

больше желания партнеров начать сотрудничество; продолжительность сотрудничества также влияет на количество и разнообразие контрактов, подписанных в рамках конкурса на сотрудничество, а также на внутреннюю структуру этого взаимодействия;

– открытость — сотрудничество должно существовать между двумя или более организациями; при этом нет ограничений на количество участвующих сторон; открытость также касается рынков, которые участвуют в этой совместной конкуренции, поскольку сотрудничающие стороны не обязательно должны быть исключительно прямыми конкурентами; сотрудничество может принимать любую форму или масштабы — воля сторон и способность совместно определить цели являются единственными решающими факторами в этом случае.

Сетевые организации являются результатом преобразования традиционных структур, организованных иерархическим образом, в современные формы, функционирующие благодаря использованию информационных технологий. Это структуры, к которым они не имеют такого отношения, как в случае классических организаций, из-за функциональных и географических ограничений. Движущей силой для них является сеть информационно-коммуникационных технологий, благодаря которой они могут без серьезных препятствий преодолевать географические и институциональные границы. М. Кастельс даже говорит о новом типе экономики (информационная экономика), которая заменяет старый тип промышленного подхода [19]. В то время как в экономике предыдущего типа конкурентное преимущество создавалось за счет экономии на масштабе, теперь новая экономика руководствуется экономикой сети, которая заключается в увеличении покрытия сети, и сеть может значительно увеличить свою стоимость за счет подключения к другим сетям. Создание и функционирование сетевых организаций в условиях нового подхода к управлению вызвано стремлением к поиску современных и нестандартных решений, развитию знаний и поддержке инноваций.

Сетевые организации — это организации, которые возникают в результате объединения различных, часто независимых подразделений. Это подключение может носить временный характер, часто ограниченный выполнением определенной конкретной задачи. Отношения сотрудничества между организациями могут носить разный характер, они могут касаться как материальных, так и нематериальных ресурсов организации [20]. Основной целью, которая направляет создание таких структур, является достижение синергетического эффекта, более быстрого или эффективного внедрения, благодаря сочетанию ресурсов и целей. Следовательно, в сетевых структурах особое внимание может быть уделено информационным связям.

Совместные действия в форме сети дают организациям возможность использовать не только свои собственные знания, навыки и компетенции, но и знания своих партнеров. Для организации — это шанс построить или укрепить свои позиции на рынке. Важную роль в организации сетей играют системы ИКТ, которые поддерживают разработку новых моделей работы, коммуникации и сотрудничества. В результате все больше и больше различных организационных сетей создаются как «расширенные организации» [21]. Это структуры, которые сильно ориентированы на совместное использование и генерацию знаний, навыков и компетенций, тем самым часто являясь местом для инновационных решений. Сеть — это модель или метафора, описывающая систему взаимосвязей между определенным количеством единиц. Хотя это число может быть очень большим в социальных отношениях (в случае социальных сетей), оно обычно четко определено в экономических отношениях. Эти отношения включают [22]:

– связи и взаимодействия между подразделениями внутри сети, где связи являются долгосрочными, а взаимодействия — краткосрочными отношениями;

– структура и положение, понимаемые как взаимозависимость элементов, составляющих сеть, и, как следствие, способ, которым они формируют взаимосвязи;

– процесс, понимаемый как изменение связей между компаниями в результате совместно выполняемых задач.

Независимо от масштабов сотрудничества и количества партнеров во взаимоотношениях, оптимальной формой его реализации является сетевая структура. Это следствие выхода за рамки жесткой организационной структуры и связанных с ней связей. Успешная передача знаний и технологий между участниками сетевой организации требует налаживания взаимных отношений. Такие отношения будут возникать в следующих областях: научное партнерство, исследовательские услуги, академическое предпринимательство, мобильность человеческого капитала, коммерциализация прав интеллектуальной собственности, а также научные и научно-популярные публикации. Знания и технологии чаще всего передаются между этими организациями посредством назначения исследователя/исследователей, действующих от имени университета, и представителей компании. Такое сотрудничество регулируется контрактами, опирается на опыт, полученный в ходе реализации других проектов, и облегчается благодаря ранее развитой сети контактов.

Необходимость сотрудничества в рамках сетевых структур, то есть тех, которые выходят за пределы организации, стала повседневной жизнью современных компаний. Предполагается, что современные организации все чаще осуществляют деятельность по сотрудничеству. Они делают это для реализации различных типов проектов. Одним из важных факторов, определяющих выбор партнера для реализации проекта, является мнение о его эффективности в управлении бизнес-процессами, включая процессы знаний.

Результаты показывают, что в сетевых структурах ресурсы и способности к сотрудничеству играют более важную роль для партнерства, чем организационные или культурные сходства участвующих учреждений. Кроме того, управление знаниями и организационный опыт воспринимаются участниками как более важные для успешного сотрудничества, чем качество персонала.

Гибкая и эффективная структура, такая как сетевая организация, должна искать «идеальных» партнеров. Однако эти партнеры не могут просто признать необходимость корректировки своих процессов; они также должны эффективно внедрять их. Управление бизнес-процессами, ориентированными на знания, является средством удовлетворения этих требований.

Список источников

1. Grajewski P. Procesowe Zarządzanie Organizacją. Warszawa : Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, 2012.

2. Porter M. E. Competitive Advantage: Creating & Sustaining Superior Performance. New York : The Free Press, 1985.

3. Deming E. W. Out of the Crisis. Cambridge : MIT Press, 1986.

4. Nadarajah D., Kadir, S. L. Measuring business process management using business process orientation and process improvement initiatives // Business Process Management Journal. 2016. Vol. 22, No. 6. P. 1069–1078.

5. Choong K. K. Are PMS meeting the measurement needs of BPM? // A literature review. Business Process Management Journal. 2013. Vol. 19, No. 3. P. 535–574.

6. Gabryelczyk, R., Roztocki, N. Business process management success framework for transition economies // Information Systems Management. 2018. Vol. 35, No. 3. P. 234–253.

7. Bitkowska A. Zarządzanie procesowe zorientowane na wiedzę. Co Dalej z Zarządzaniem? / In G. Gierszewska (Ed.). Warszawa : Oficyna Wydawnicza PW, 2018. P. 19–33.

8. Claver-Cortés E., Zaragoza-Sáez P., Pertusa-Ortega E. Organizational structure features supporting knowledge management processes // Journal of Knowledge Management. 2007. Vol. 11, No. 4. P. 45–57.

9. Kisielnicki J., Sobolewska O. Knowledge Management and Innovation in Network Organizations. Emerging Research and Opportunities. Hershey : IGI Global, 2019.

10. Nguyen H. N., Mohamed S. Leadership behaviors, organizational culture and knowledge management practices: An empirical investigation // Journal of Management Development. 2011. Vol. 30, No. 2. P. 206–221.

11. Davenport T., Prusak L. Working Knowledge — How Organizations Manage What They Know. Boston : Harvard Business School Press, 1998.

12. Nooteboom B. Optimal cognitive distance and absorptive capacity / B. Nooteboom, W. Van Haverbeke, G. Duysters at al. // Research Policy. 2007. Vol. 36, No. 7. P. 1016–1034.

13. Walsh J. P., Ungson G. R. Organizational memory // Academy of Management Review. 1991. Vol. 16, No. 1. P. 57–91.

14. Teece D. J., Pisano A., Shuen A. Dynamic capabilities and strategic management // Strategic Management Journal. 1997. Vol. 18, No. 7. P. 509–533.

15. Zollo M., Winter S. G. Deliberate learning and the evolution of dynamic capabilities // Organization Science. 2002. Vol. 13, No. 3. P. 339–351.

16. Brynjolfsson E., McAfee A. Drugi Wiek Maszyny. Warszawa : MT Biznes, 2015.

17. Robertson, B. Holacracy: The New Management System for a Rapidly Changing World. USA : Henry Holt and Co, 2015.

18. Pronshikh V., Sobolewska, O. Coopetition model of knowledge sharing in science: An Eastern-European case study // Acta Physica Polonica B. Proceedings Supplement. 2018. Vol. 11. P. 803–823.

19. Castells M. Społeczeństwo Sieci. Warszawa : Polskie Wydawnictwo Naukowe, 2007.

20. Zott C., Amit R. Designing your future business model: An activity system perspective // Long Range Planning. 2010. Vol. 43. P. 216–226.

21. Tubielewicz A. Koncepcja tworzenia organizacji sieciowej. Efektywność, Produktywność i Organizacja Przedsiębiorstw // Zarządzanie Przedsiębiorstwem. 2013. Vol. 36. P. 387–397.

22. Kisielnicki J., Sobolewska, O. Knowledge Management and Innovation in Network Organizations. Emerging Research and Opportunities. Hershey : IGI Global, 2019.

References

1. Grajewski P. Procesowe Zarządzanie Organizacją. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne; 2012 (In Pol.).

2. Porter M. E. Competitive Advantage: Creating & Sustaining Superior Performance. New York: The Free Press; 1985.

3. Deming E. W. Out of the Crisis. Cambridge: MIT Press; 1986.

4. Nadarajah D., Kadir S. L. Measuring business process management using business process orientation and process improvement initiatives. Business Process Management Journal. 2016;22(6):1069–1078.

5. Choong K. K. Are PMS meeting the measurement needs of BPM? A literature review. Business Process Management Journal. 2013;19(3):535–574.

6. Gabryelczyk R., Roztocki N. Business process management success framework for transition economies. Information Systems Management. 2018;35(3):234–253.

7. Bitkowska A. Zarządzanie procesowe zorientowane na wiedzę. In G. Gierszewska (Ed.). Co Dalej z Zarządzaniem? Warszawa: Oficyna Wydawnicza PW; 2018. P. 19–33. (In Pol.).

8. Claver-Cortés E., Zaragoza-Sáez P., Pertusa-Ortega E. Organizational structure features supporting knowledge management processes. Journal of Knowledge Management. 2007;11(4):45–57.

9. Kisielnicki J., Sobolewska O. Knowledge Management and Innovation in Network Organizations. Emerging Research and Opportunities. Hershey: IGI Global; 2019.

10. Nguyen H. N., Mohamed S. Leadership behaviors, organizational culture and knowledge management practices: An empirical investigation. Journal of Management Development. 2011;30(2):206–221.

11. Davenport T., Prusak L. Working Knowledge — How Organizations Manage What They Know. Boston: Harvard Business School Press; 1998.

12. Nooteboom B., Van Haverbeke W., Duysters G., Gilsing V., Van de Oord A. Optimal cognitive distance and absorptive capacity. Research Policy. 2007;36(7):1016–1034.

13. Walsh J. P., Ungson G. R. Organizational memory. Academy of Management Review. 1991;16(1):57–91.

14. Teece D. J., Pisano A., Shuen A. Dynamic capabilities and strategic management. Strategic Management Journal. 1997;18(7):509–533.

15. Zollo M., Winter S. G. Deliberate learning and the evolution of dynamic capabilities. Organization Science. 2002;13(3):339–351.

16. Brynjolfsson E., McAfee A. Drugi Wiek Maszyny. Warszawa: MT Biznes; 2015. (In Pol.).

17. Robertson B. Holacracy: The New Management System for a Rapidly Changing World. USA: Henry Holt and Co; 2015.

18. Pronshikh V., Sobolewska O. Coopetition model of knowledge sharing in science: An Eastern-European case study. Acta Physica Polonica B. Proceedings Supplement. 2018;11:803–823.

19. Castells M. Społeczeństwo Sieci. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Naukowe; 2007. (In Pol.).

20. Zott C., Amit R. Designing your future business model: An activity system perspective. Long Range Planning. 2010;43:216–226.

21. Tubielewicz A. Koncepcja tworzenia organizacji sieciowej. Efektywność, Produktywność i Organizacja Przedsiębiorstw. Zarządzanie Przedsiębiorstwem. 2013;36:387–397. (In Pol.).

22. Kisielnicki J., Sobolewska O. Knowledge Management and Innovation in Network Organizations. Emerging Research and Opportunities. Hershey: IGI Global; 2019.

Информация об авторах

В. В. Тонконог — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента в здравоохранении;

П. И. Ананченкова — кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом;

С. О. Худяков — аспирант.

Information about authors

V. V. Tonkonog — Candidate of Science (Economics), Assistant Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management in Healthcare;

P. I. Ananchenkova — Candidate of Science (Economics), Candidate of Science (Sociological), Assistant Professor, Professor of the Department of Labor Economics and Personnel Management;

S. O. Khudyakov — the graduate student.

Статья поступила в редакцию 31.05.2023; одобрена после рецензирования 14.06.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 31.05.2023; approved after reviewing 14.06.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 72–77
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):72–77

Научная статья
УДК 65.014.1; 005.1
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-72-77

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ ФУНКЦИЙ УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Тамара Борисовна Шрамченко[1], Светлана Михайловна Сычёва[2]✉, Нина Васильевна Бобылева[3]
[1,2,3]Государственный университет управления, Москва, Россия
[1]tomashram2011@gmail.com
[2]sychevasm@mail.ru✉
[3]nv.bobyleva2020@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с функциями управления, дается определение этой важнейшей категории науки и практики управления, приводится классификация функций, определяются их особенности и роль в системе управления. Определяются изменения, происходящие в обществе, экономике, в организации, которые обусловливают задачи менеджмента в современных условиях. Показано в чем проявляются изменения в функциях управления и почему важно исследовать эти изменения.
Ключевые слова: управление, задачи управления, функции управления, особенности функций управления, изменения функций управления
Для цитирования: Шрамченко Т. Б., Сычёва С. М., Бобылева Н. В. К вопросу об изменениях функций управления в современной организации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 72–77. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-72-77.

Research article

TO THE ISSUE OF CHANGES IN MANAGEMENT FUNCTIONS IN A MODERN ORGANIZATION

Tamara B. Shramchenko[1], Svetlana M. Sycheva[2]✉, Nina V. Bobyleva[3]
[1,2,3]State University of Management, Moscow, Russia
[1]tomashram2011@gmail.com
[2]sychevasm@mail.ru✉
[3]nv.bobyleva2020@gmail.com

Abstract. The article deals with issues related to management functions, defines this most important category of science and practice of management, provides a classification of functions, determines their features and role in the management system. The changes taking place in society, the economy, in the organization, which determine the tasks of management in modern conditions. It is shown how changes in management functions manifest themselves and why it is important to study these changes.
Keywords: management, tasks of management, functions of management, features of management functions, changes of management functions
For citation: Shramchenko T. B., Sycheva S. M., Bobyleva N. V. To the issue of changes in management functions in a modern organization. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2023;(2(59)):72–77. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-72-77.

Современный мир характеризуется многообразием происходящих в нем изменений во всех сферах жизни и, прежде всего, в бизнесе. Появляются новые технологии, в том числе быстрыми темпами развиваются информационные технологии, идет накопление знаний. Постоянные инновации — также веление времени. Расширяются масштабы бизнеса, размываются его границы, бизнес становится все более открытым. Одновременно с этим все больше создается малых предприятий как проявление предпринимательской инициативы человека. Появляются новые сферы бизнеса, новые объекты управления, новые организационные формы предприятий и организаций, апробируются новые принципы их построения и сотрудничества. Изменилась ориентация бизнеса: акцент переносится с роста и эффективности на устойчивое развитие и благополучие. Клиентоориентированность становится одним из основных принципов бизнеса и управления им.

Для общества и организаций характерно, с одной стороны, наличие многообразия культур, а с другой стороны, идет взаимопроникновение различных культур, и это — объективный процесс. Изменяется роль человека в совместной деятельности. Он становится инвестором собственных знаний, обладает различными компетенциями, способен самостоятельно принимать решения, стремится к развитию и самореализации. То есть речь идет об интеллектуальном капитале, возможностях его реализации. С другой стороны, растет зависимость успеха организаций от знаний человека.

Существование различных интересов и потребностей общества, организаций, людей со временем может привести к наличию противоречий между ними и их обострению, поэтому очень важно принимать во внимание этический аспект происходящих изменений.

Все сказанное приводит к усложнению управления организацией, руководство которой должно все эти изменения учитывать в своей деятельности в процессе управления.

Содержание управленческой деятельности раскрывается в функциях управления. Это основная категория в науке и практике управления. Обобщая те определения функций, которые имеются в научной и учебной литературе [1–4], дадим следующее определение этого понятия.

Функции управления — это специализированные виды управленческой деятельности, выделившиеся в процессе общественного разделения труда в рамках его разделения на умственный и физический, а в результате его углубления — в процессе разделения управленческого труда.

Функция управления — это совокупность относительно обособленных работ и операций, объединенных однородностью содержания, целевой направленностью, однотипностью методов выполнения и объективно необходимых для управления организацией.

Классифицировать функции управления можно по самым разным признакам. Наиболее распространенной выступает их классификация по следующим признакам [1, 3–4]:

1. По содержанию процесса управления — общие или основные функции управления. Выделяют следующие функции: планирование, организация, координация, мотивация, контроль. Эти функции достаточно полно описаны в литературе по управлению и экономике [1–3, 5–6].

2. По направлению воздействия на объект управления — конкретные, или специфические, или частные функции управления. Их состав зависит от специфики объекта управления.

Выделяют, например [1]:

– функции управления ресурсами: управление персоналом, финансами деятельностью и другие;

– функции управления процессами: оперативное управление производством, управление конструкторской подготовкой производства, технологической подготовкой производства, управление энергетическим обслуживанием производства, ремонтным обслуживанием производства, управление сбытом, маркетингом, материально-техническим снабжением, управление правовым обеспечением процесса управления и другие;

– функции управления результатами: управление качеством, производительностью (эффективностью), затратами и другие.

Чтобы лучше понять сущность и роль функций в системе управления, целесообразно выделить основные их особенности.

К особенностям и общих, и конкретных функций управления следует отнести следующие:

1. Функции управления являются продуктом разделения и кооперации управленческого труда.

2. Каждая функция состоит из определенного состава работ и операций, направленных на достижение поставленных целей.

3. Объективный характер обособления функций управления, что обусловлено развитием производства и его усложнением, и как следствие, увеличением объема работ по управлению производством и их усложнением.

4. Обособление функций управления является важнейшим фактором повышения производительности и эффективности труда в управлении и производстве.

5. Совокупность всех функций управления обеспечивает комплексность управления объектом.

6. Каждая конкретная функция реализуется путем последовательной реализации всех общих функций.

7. Функции, являясь основной категорией наук и практики управления, играют большую роль в системе управления:

– в функциях раскрывается содержание процесса управления организацией;

– функции управления (состав функций и объем работы по ним) выступают одним из основных факторов проектирования и совершенствования организационной структуры управления;

– вся кадровая работа в системе управления организацией строится по функциональному признаку;

– информационное обеспечение процесса управления и техническое обеспечение процесса управления также строится по функциональному принципу — для выполнения функций управления;

– организация управленческого труда осуществляется на основе функций управления (функциональное разделение управленческого труда, нормирование управленческого труда, в том числе определение трудоемкости выполнения функций управления и др.).

Особенности общих функций управления:

1. Общие функции управления присутствуют в управлении любым объектом, на любом его уровне, в любом подразделении аппарата управления, в труде любого руководителя.

2. Общие функции управления реализуются в тесной взаимосвязи и взаимодействии друг с другом.

3. Взаимное проникновение общих функций управления друг в друга: в каждой из них присутствуют элементы других функций, ни одна из них не может осуществляться без других.

4. Общие функции управления одновременно выступают в качестве этапов процесса управления: отсутствие какой-либо из общих функций делает невозможной целостную реализацию процесса управления.

Особенности конкретных функций управления:

1. Состав и содержание конкретных функций управления определяется специфическими особенностями функционирования организации.

2. Состав конкретных функций управления отличается многообразием. Анализ материалов практики показывает, что разные организации выделяют различные конкретные функции управления. Их количество доходит до 100.

3. Конкретные функции управления связаны между собой тем, что они осуществляются в рамках конкретной организации и служат достижению конечной ее цели.

Понимая сущность функций управления, их особенности и роль в системе управления можно подойти к пониманию изменений, происходящих в системе функций.

С изменением внешней и внутренней среды организаций могут происходить изменения во всех элементах системы управления:

– в функциях управления;
– в структурах управления;
– в методах управления;
– в коммуникациях;
– в организационной культуре.

Изменения во внешней и внутренней среде организации влекут за собой необходимость изменений в управлении (табл. 1), и соответственно, в функциях управления. В противном случае будут упущены конкурентные преимущества организации.

Рассматривая эти изменения, следует понимать, каковы сегодня особенности (характе-

Таблица 1 — Задачи управления на современном этапе*

Изменения во внешней и внутренней среде	Задачи, стоящие перед управлением
– Новые ценности, новые акценты в жизни, экономике, политике, социальной сфере, культуре – Взаимодействие бизнеса и общества – Усиление санкций – Изменение рынка: кто и как продает – Взаимодействие с клиентами и поставщиками – Новые организации, новые организационные формы сотрудничества, проблемы многообразия, развития, изменений: сети, коалиции, партнерства, сообщества – Интеграция бизнес- процессов – Взаимодействие с клиентами и поставщиками – Глобальность масштабов – Инновации – Экономика знаний – Изменение роли человека в бизнесе – Проблемы безопасности, в том числе экологической	– Гуманизация бизнеса и управления – Социальная ответственность и этика – Согласование интересов общества, организации, человека – Изменение задач руководителей, делегирование полномочий – Децентрализация управления – Раскрытие потенциала организации – Внедрение новых технологий, производства и управления, цифровизация – Интеллектуальный капитал, стратегическое развитие человеческих ресурсов – Стимулирование обновления – Организация сотрудничества в рамках новых организационных форм управления – Создание предпринимательских структур – Внедрение групповых форм работы в организациях – Формирование целостной многокритериальной системы оценки эффективности деятельности организации

* Составлено по 7–11.

ристики) этих изменений. Изучение различных источников и практических материалов позволяет выделить следующие особенности изменений: изменение ориентиров, сложность, комплексность, системность, быстрота перемен, многообразие, многомерность, непредсказуемость, неопределенность, случайность, этичность, противоречивость.

Проведенные исследования показали, что изменения, происходящие в функциях управления, выражаются в следующем:

1) происходит усложнение основных и конкретных функций управления;

2) изменяется состав конкретных функций управления;

3) повышается роль некоторых функций управления на различных этапах развития организации и общества;

4) появляются новые задачи в рамках традиционных функций управления;

5) появляются новые методы реализации функций управления;

6) изменяется характер выполнения функций управления.

Содержание и характер изменений, происходящих в системе функций управления в конкретной организации, и их анализ позволяют спрогнозировать появление новых функций, новых работ и операций и определить их трудоемкость. Гуру российского менеджмента Г. Х. Попов еще в 70-е годы XX в. сформулировал постулат: каждая функция управления стремится к своему организационному оформлению. Поскольку функции управления являются важнейшим фактором формирования организационной структуры управления (ОСУ), то можно заранее спланировать изменения в ОСУ, рассчитать потребность в управленческом персонале для выполнения этих работ либо в рамках существующих подразделений аппарата управления, либо в новых подразделениях, если таковые будут созданы.

Изменение функций управления может повлечь за собой изменение ОСУ, увеличение численности управленческого персонала, изменение требований к нему, применение новых методов реализации функций, определение потребности в технических средствах управления и программном обеспечении и др.

Следует отметить, что эти изменения проявляются в различных организациях по-

разному. Типовое решение отсутствует. Положительной стороной является возможность проявления творческой инициативы руководства организации и управленческих работников.

Следовательно, налицо цепочка взаимосвязи: изменения во внешней и внутренней среде — новые задачи управления — изменения в функциях управления — изменение методов управления — изменение организационной структуры управления — изменение требований к управленческому персоналу.

Таким образом, выявление факторов, влияющих на изменение функций управления, и затем анализ этих изменений, позволяют определить, в чем выражаются эти изменения, и в дальнейшем прогнозировать их появление и заранее подготовиться к их проведению (проинформировать работников, просчитать, организовать, обучить и т. д.). Все это повысит мобильность системы управления и качество работы не только управленческого персонала, но и всей организации в целом.

Список источников

1. Айдынов Р. Э. Функции управления // Журнал Бизнес-образование в экономике знаний. 2017. № 1. С. 4–10.

2. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент : учебник. 5-е издание, стереотипное. Москва : Магистр : ИНФРА М, 2014. 576 с.

3. Менеджмент : учебник / коллектив авторов ; под ред. В. Г. Антонова, Э. М. Короткова, М. Б. Жернаковой. Москва : КноРус, 2022. 306 с. (Серия: Бакалавриат).

4. Смирнов Б. В. Функции управления социалистическим производством. Москва : Экономика, 1977. 141 с.

5. Латфуллин Г., Никитин А., Серебренников С. Теория менеджмента : учебник для вузов. 2-е издание. Санкт-Петербург : Питер, 2014. 464 с. (Серия «Учебник для вузов»).

6. Теория и искусство управления : учебник для студентов, обучающихся по программам «Мастер делового администрирования» и «Магистр менеджмента» / А. В. Блинникова, В. В. Балашов, О. Н. Громова и др. Москва : Государственный университет управления, 2011. 586 с.

7. Баркер Дж. Опережающее мышление. Как увидеть новый тренд раньше других. Москва : Альпина Паблишер, 2014. 188 с.

8. Друкер Питер Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. Москва : Вильямс, 2007. 288 с.

9. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Сбалансированная система показателей: от стратегии к действию. 3-е издание, исправленное и дополненное. Москва : Олимп-бизнес, 2019. 320 с.

10. Кузин Д. В. Современные концепции менеджмента. Сдвиг парадигм : учебное пособие. Москва : КноРус, 2021. 342 с.

11. Гэри Хэмел. Будущее менеджмента. Москва : Бэст Бизнес Букс, 2013. 276 с.

References

1. Aidynov R. E. Management functions. *Zhurnal Biznes-obrazovanie v e`konomike znanij = Journal of business education in the knowledge economy.* 2017;(1):4–10. (In Russ.).

2. Vikhansky O. S., Naumov A. I. Management: a textbook. 5th edition, stereotypical. Moscow: Master: INFRA M; 2014. 576 p. (In Russ.).

3. Management: a textbook / team of authors; ed. by V. G. Antonov, E. M. Korotkov, M. B. Zhernakova. Moscow: KnoRus; 2022. 306 p. (Series: Undergraduate). (In Russ.).

4. Smirnov B. V. Functions of socialist production management. Moscow: Economics; 1977. 141 p. (In Russ.).

5. Latfullin G., Nikitin A., Serebrennikov S. Theory of management: a textbook for universities. 2nd edition. St. Petersburg: Piter; 2014. 464 p. (Series "Textbook for universities"). (In Russ.).

6. Theory and art of management: a textbook for students enrolled in the programs "Master of Business Administration" and "Master of Management" / A. V. Blinnikova, V. V. Balashov, O. N. Gromova et al. Moscow: State University of Management; 2011. 586 p. (In Russ.).

7. Barker J. Thinking ahead. How to see a new trend before others. Moscow: Alpina Publisher; 2014. 188 p. (In Russ.).

8. Drucker Peter F. Tasks of management in the XXI century. Moscow: Williams; 2007. 288 p. (In Russ.).

9. Kaplan R. S., Norton D. P. Balanced scorecard: from strategy to action. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow: Olymp-business; 2019. 320 p. (In Russ.).

10. Kuzin D. V. Modern concepts of management. Paradigm Shift: A Study Guide. Moscow: KnoRus; 2021. 342 p. (In Russ.).
11. Gary Hamel. The future of management. Moscow: Best Business Books, 2013. 276 p. (In Russ.).

Информация об авторах
Т. Б. Шрамченко — кандидат экономических наук, профессор, профессор кафедры теории и организации управления;
С. М. Сычёва — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления проектом;
Н. В. Бобылева — старший преподаватель кафедры теории и организации управления.

Information about authors
T. B. Shramchenko — Candidate of Science (Economics), Professor, Professor of the Department of Theory and Organization of Management;
S. M. Sycheva — Candidate of Science (Economics), Assistant Professor, Associate Professor of the Department of Project Management;
N. V. Bobyleva — senior lecturer of the Department of Theory and Organization of Management.

Статья поступила в редакцию 17.05.2023; одобрена после рецензирования 31.05.2023; принята к публикации 23.06.2023.
The article was submitted 17.05.2023; approved after reviewing 31.05.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 78–82
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):78–82

ФИНАНСЫ И ИНВЕСТИЦИИ

Научная статья
УДК 321
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-78-82

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ

Зульфия Маснавиевна Бикметова
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, Zulfiya.bikmetova@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0001-5025-1826

Аннотация. Одной из важных функций государства является выравнивание или перераспределение финансовых ресурсов между определенными слоями населения и территориями страны для формирования сравнительно равных условий жизни и функционирования регионов в пределах одного государства. Одним из инструментов реализации данной модели на государственном уровне является бюджетный федерализм. Бюджетный федерализм представляет собой самостоятельное формирование бюджетов отдельных уровней власти, отношения между этими бюджетами, основанные на четко сформулированных нормах. В работе рассматриваются проблемы, связанные с выбором оптимальных направлений совершенствования межбюджетного перераспределения финансовых средств в рамках обеспечения бюджетного федерализма для повышения эффективности бюджетов субъектов Российской Федерации.
Ключевые слова: бюджет, бюджетный федерализм, межбюджетные отношения
Для цитирования: Бикметова З. М. Современное состояние бюджетного федерализма в России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 78–82. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-78-82.

FINANCE AND INVESTMENT

Research article

THE CURRENT STATE OF FISCAL FEDERALISM IN RUSSIA

Zulfiya M. Bikmetova
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, Zulfiya.bikmetova@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0001-5025-1826

Abstract. One of the important functions of the state is the alignment or redistribution of financial resources between certain segments of the population and the territories of the country to form relatively equal living conditions and functioning of regions within the same state. One of the tools for implementing this model at the state level is fiscal federalism. Fiscal federalism is an independent formation of budgets of individual levels of government, the relationship between these budgets based on clearly formulated norms. The paper considers the problems associated with the choice of optimal directions for improving the inter-budgetary redistribution of financial resources within the framework of ensuring budgetary federalism to increase the efficiency of the budgets of the constituent entities of the Russian Federation.
Keywords: budget, fiscal federalism, inter-budgetary relations
For citation: Bikmetova Z. M. The current state of fiscal Federalism in Russia. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2023;(2(59)):78–82. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-78-82.

Бюджетный федерализм является одним из ключевых принципов организации финансовой системы государства. Бюджетный федерализм — это система распределения финансовых ресурсов между центральным и региональными уровнями власти, при которой регионы получают определенную долю доходов и имеют право самостоятельно распоряжаться этими средствами.

Основными принципами бюджетного федерализма являются:

– децентрализация власти и финансовых ресурсов. В соответствии с этим принципом региональные органы власти получают право на самостоятельное управление финансами и осуществление расходов в соответствии с местными потребностями;

– разграничение полномочий между центральным и региональными органами власти. В рамках бюджетного федерализма центральная власть отвечает за осуществление общенациональных функций, таких как оборона, безопасность, национальный долг и т. д., а региональные органы власти — за осуществление местных функций, таких как здравоохранение, образование, строительство и т. д.;

– финансовая автономия регионов. Согласно этому принципу регионы имеют право на получение определенной доли доходов государства и на самостоятельное управление этими средствами.

Любое государство, имеющее административно-территориальное деление, имеет межбюджетные отношения, которые могут складываться на разных основаниях. Связи между звеньями бюджетной системы реализуются через механизм межбюджетных отношений, в основу которых заложен принцип бюджетного федерализма. Бюджетное устройство на современном этапе основывается на двух базовых принципах. Это — автономия и участие. Суть принципа автономии заключается в том, что Конституция страны закрепляет основное бюджетное право за органами федеральной власти, а остальные все полномочия отдаются территории. Принцип участия заключается в том, что представители региональных уровней власти участвуют в разработке региональной государственной политики через своих представителей в законодательных органах [1].

Среди основных инструментов бюджетного федерализма можно выделить следующие:

1. Закрепление налоговых и неналоговых источников финансирования бюджета за различными органами власти, включая собственные и регулирующие налоги.

2. Разграничения расходных полномочий по уровням власти.

3. Регулирование межбюджетных потоков, предполагающее предоставление различных по форме и целям межбюджетных трансфертов.

Особенно важна поддержка государства в периоды кризисов, вызванных экономической ситуацией или другими обстоятельствами, например, такими как пандемия, что также потребовало дополнительной финансовой поддержки государства.

В современной научной литературе существует достаточно много классификаций моделей бюджетного федерализма. Так в зависимости от степени централизации выделяют следующие три модели бюджетного федерализма: централизованная, децентрализованная и кооперативная (смешанная).

Основа централизованной модели заключается в том, что центральные органы власти наделены более широкими полномочиями при решении различных проблем социально-экономического развития, осуществляется жесткий контроль бюджетов нижестоящих уровней власти. Регионы имеют очень ограниченную самостоятельность в решении вопросов регионального развития и не имеют достаточных доходных источников для решения этих проблем. Неравенство регионального развития решается системой межбюджетных трансфертов, то есть предоставлением финансовой помощи из вышестоящего бюджета нижестоящему. Централизованная модель обеспечения бюджетного федерализма характерна для Австралии.

Децентрализованная модель обеспечения бюджетного федерализма характеризуется тем, что наблюдается приоритет федерального законодательства в сфере налогообложения перед региональными нормативно-правовыми актами. Но регионы имеют достаточно большие налоговые полномочия, которые заключаются в собственном установлении налогов и, соответственно, ставок и льгот по ним. Данная си-

стема предполагает осуществление расходных полномочий регионов в полном объеме. Федеральные органы власти не контролируют расходную и доходную часть бюджетов регионов, то есть регионы имеют большую самостоятельность, независимость от центрального правительства. Децентрализованная модель обеспечения бюджетного федерализма присутствует в таких странах, как США и Канада.

Кооперативная или смешанная модель обеспечения бюджетного федерализма предполагает комбинацию основных элементов, которые формируют централизованную и децентрализованную модели. Государство осуществляет сотрудничество между территориями и центральным правительством, совместно разрабатывается законодательная база, которая предполагает решение различных социально экономических проблем. Смешанная модель характерна для Германии.

Приоритетом развития бюджетного федерализма в Российской Федерации является обеспечение сбалансированности региональных и местных бюджетов, ввод новых, более эффективных, инструментов поддержки, направленных на сохранение экономического потенциала.

Российская Федерация — довольно большая страна, которая на сегодняшний день включает в себя 89 субъектов федерации, имеющих различный уровень социально-экономического развития. В силу природных климатических и экономических условий уровень бюджетных доходов региональных местных органов власти достаточно разный, соответственно, они имеют неравные бюджетные возможности. Российская Федерация должна иметь собственную модель бюджетного федерализма, предполагающую четкое разграничение расходных обязательств. Прежде всего необходимо разграничить расходные полномочия и ответственность между органами власти разных уровней. За каждым уровнем бюджетной системы должны быть закреплены собственные источники доходов, достаточные для собственного экономического развития.

Объем предоставления межбюджетных трансфертов из федерального бюджета представлен на рисунке 1.

Одним из приоритетов федерального бюджета на сегодняшний день и ближайшую перспективу является снижение неравномерности в бюджетной обеспеченности регионов в целях формирования одинаковых возможностей по оказанию государственных и муниципальных услуг, относящихся к полномочиям субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Бюджетная обеспеченность представляет собой способность региона обеспечивать функционирование полного комплекса закрепленных за ними полномочий.

Рисунок 1 — Предоставление межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, млрд руб.
(Составлено автором по материалам [2])

Figure 1 — Provision of intergovernmental transfers from the federal budget, billion rubles
(Compiled by the author based on materials [2])

Соответственно, вышестоящие органы власти проводят процесс выравнивания бюджетной обеспеченности с целью сглаживания различий в социально-экономическом развитии территорий, обеспечивающий сбалансированность бюджета и равной возможности реализации на территории социальных гарантий.

В целях повышения эффективности выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, сокращения различий в уровнях бюджетной обеспеченности предоставляются дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности. При распределении дотаций на выравнивание в качестве критерия самообеспеченности теперь применяется коэффициент 0,9 (ранее 1,0). Количество самообеспеченных субъектов в 2022 году составляло 17 (при коэффициенте 1,0) и 24 (при коэффициенте 0,9).

Приоритетом развития обеспечения бюджетного федерализма в Российской Федерации является обеспечение сбалансированности региональных и местных бюджетов, ввод новых, более эффективных, инструментов поддержки, направленных на сохранение экономического потенциала.

Для финансового обеспечения полномочий, переданных с федерального уровня регионам, предоставляются субвенции. В рамках реализации национальных проектов общий объем субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в 2022 году составит 646,0 млрд руб, в 2023 году — 746,6 млрд руб, в 2024 году — 912,4 млрд руб.

В общем объеме безвозмездных поступлений большую часть составляют целевые безвозмездные поступления, среди которых преобладают дотации в связи с широким спектром приоритетных направлений, по которым осуществляется софинансирование расходных обязательств субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Структура распределения межбюджетных трансфертов представлена на рисунке 2.

У большинства субъектов Российской Федерации в качестве основного источника доходов выступают межбюджетные трансферты из федерального бюджета. Стоит отметить, что источники бюджетов в виде межбюджетных трансфертов лишены стимулирующих свойств и создают иждивенческое настроение у органов власти на региональном и муниципальном уровне, так как они не стимулируют развитие собственной предпринимательской инициативы. Региональные органы власти и органы муниципального самоуправления, получающие межбюджетные трансферты, не стремятся к пополнению своего бюджета за счет собственных налоговых доходов, так как бюджет пополняется за счет финансовой помощи из вышестоящих бюджетов. Такая финансовая помощь не создает ус-

Рисунок 2 — Структура распределения межбюджетных трансферов из федерального бюджета регионам Российской Федерации (Составлено автором по материалам [3])

Figure 2 — The structure of the distribution of intergovernmental transfers from the federal budget to the regions of the Russian Federation (Compiled by the author based on materials [3])

ловий для социально-экономического развития территорий.

Также следует отметить, что отменить данную форму поддержки невозможно, так как социальная особенность регионов, их экономическое развитие, финансовая отсталость, экологическая обстановка предполагают, что предоставление межбюджетных трансферов необходимо в силу объективных причин. Бюджетное устройство должно обеспечить выравнивание бюджетной обеспеченности регионов, а главной его целью должно стать обеспечение способности регионов к саморазвитию и самофинансированию.

Таким образом, государственный бюджет служит финансовым механизмом распределения финансовых ресурсов между регионами и территориями страны, тем самым обеспечивая реализацию солидарной модели российского государства.

Развитие России как федеративного государства возможно только в условиях бюджетного федерализма, в рамках обеспечения которого решается вопрос о системе распределения бюджетных полномочий между тремя уровнями бюджетов.

В настоящее время в России эффективная модель обеспечения бюджетного федерализма не создана. Принципу обеспечения бюджетного федерализма в большей степени будут отвечать увеличение объема закрепленных налогов за каждым уровнем бюджета и максимальная самостоятельность всех уровней бюджета. Указанное приведет к повышению собственных доходов региональных и местных бюджетов, увеличению заинтересованности регионов в сборе налогов, что позволит повысить доходную базу. Это обеспечит высокую самостоятельность бюджетов, стабильное развитие регионов и страны.

Список источников

1. Аврамчикова Н. Т. Государственные и муниципальные финансы : учебник и практикум для вузов. Москва : Юрайт, 2023. 174 с. (Серия: Высшее образование).

2. Особенности формирования межбюджетных отношений на 2022–2024 годы // Федеральное казначейство : официальный сайт Казначейства России. URL: roskazna.gov.ru›…formirovaniya-mezhbyudzhetnykh…

3. Бюджет для граждан: к Федеральному закону о федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов // Финансовое управление администрации городского округа Семеновский Нижегородской области : официальный сайт. URL: fin-semenov.ru›…byudzhet2022…grazhdan-k…zakonu.pdf

References

1. Avramchikova N. T. State and municipal finance : a textbook and workshop for universitie. Moscow: Yurayt; 2023. 174 p. (Series: Higher education). (In Russ.).

2. Features of the formation of inter-budgetary relations for 2022–2024. Federal Treasury: official site of the Russian Treasury. (In Russ.). Available from: roskazna.gov.ru›…formirovaniya-mezhbyudzhetnykh…

3. Budget for citizens: to the Federal Law on the Federal Budget for 2022 and for the planning period of 2023 and 2024. Financial department of the administration of the city district Semenovsky of the Nizhny Novgorod region: official site. (In Russ.). Available from: fin-semenov.ru›…byudzhet2022…grazhdan-k…zakonu.pdf

Информация об авторе

З. М. Бикметова — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления.

Information about the author

Z. M. Bikmetova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Public Administration.

Статья поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 08.05.2023; принята к публикации 23.06.2023.
The article was submitted 18.04.2023; approved after reviewing 08.05.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 83–88
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):83–88

Научная статья
УДК: 336.74(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-83-88

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ И КРИПТОАКТИВОВ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Дина Владимировна Клюкина[1], Федор Константинович Романов[2]✉
[1,2]Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия
[1]falileeva142@mail.ru
[2]romanov.f.k.98@gmail.com✉

Аннотация. Экономика Российской Федерации на протяжении последних лет функционирует под колоссальным воздействием экономических ограничений. В существующих условиях актуальным является вопрос применения различных средств и механизмов, способных нивелировать отрицательные эффекты санкционного давления на национальную экономику. Целью статьи является изложение возможных вариантов применения цифровых валют и криптоактивов с целью преодоления последствий санкционных мер. Особое внимание уделено развитию российского законодательства и государственного регулирования в сфере криптоактивов. Кроме того, в статье описаны примеры использования цифровых валют и криптоактивов в других странах.
Ключевые слова: экономические санкции, цифровые валюты, криптоактивы, криптовалюта, стейблкоины, трансграничные платежи
Для цитирования: Клюкина Д. В., Романов Ф. К. Перспективы развития цифровой валюты и криптоактивов в России в условиях санкций // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 83–88. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-83-88.

Research article

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF DIGITAL CURRENCY AND CRYPTO ASSETS IN RUSSIA UNDER SANCTIONS

Dina V. Klyukina[1], Fedor K. Romanov[2]✉
[1,2]Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia
[1]falileeva142@mail.ru
[2]romanov.f.k.98@gmail.com✉

Abstract. The economy of the Russian Federation has been functioning under the enormous impact of economic restrictions over the past few years. In the current conditions, the issue of the use of various means and mechanisms capable of leveling the negative effects of sanctions pressure on the national economy is relevant. The purpose of the article is presentation possible options for the use of digital currencies and crypto assets in order to overcome the consequences of sanctions measures. Special attention is paid to the development of Russian legislation and government control in the sphere of crypto assets. In addition, the article describes examples of the usage of digital currencies and crypto assets in other countries.
Keywords: economic sanctions, digital currencies, crypto assets, cryptocurrency, stablecoins, cross-border payments

For citation: Klyukina D. V., Romanov F. K. Prospects for the development of digital currency and crypto assets in Russia under sanctions. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):83–88. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-83-88.

Ни для кого не секрет, что начиная с 2014 года Российская Федерация стала подвергаться влиянию экономических санкций. За последний год национальная экономика ощутила на себе еще большее давление экономических ограничений, введенных рядом стран. Санкции коснулись многих экономических сфер. Одним из важнейших составляющих санкционного пакета стали ограничительные меры против финансовой сферы нашего государства. В первую очередь данные «наказания» коснулись крупных российских банков, таких как «Сбербанк», «ВТБ», Банк «Открытие», «Совкомбанк» и ряда других. Данные финансовые институты по факту стали изолированными от проведения расчетов в основных мировых валютах, их счета и активы были заморожены на территории всех государств, участвующих в санкционном давлении.

Другой ограничительной мерой, направленной против финансового сектора Российской Федерации является отключение ряда российских финансовых институтов от системы передачи финансовых сообщений «SWIFT». «SWIFT» — это международный оператор, позволяющий совершать безопасный обмен информацией между финансовыми организациями о транзакциях, совершении платежей, операциях с ценными бумагами посредством защищенного канала [1]. Здесь следует учитывать тот факт, что данная санкция пока коснулось только ряда российских банков, и данная мера не наносит тотальный ущерб национальной экономике. Однако проблема будет серьезнее в случае, если отключение «SWIFT» коснется всех российских финансовых институтов.

Для бизнеса, который ведет дела с иностранными контрагентами и для рядовых граждан, которые регулярно осуществляют трансграничные денежные переводы, тотальное отключение нашей финансовой системы от международного оператора передачи финансовых сообщений повлечет за собой некоторые последствия, поскольку международные денежные переводы станут более медленными, дорогими и неудобными.

Несомненно, при наличии такой ситуации правительство нашего государства и финансовые институты вынуждены искать альтернативные способы осуществления трансграничных денежных переводов.

Существует множество альтернативных «SWIFT» систем, такие как китайский аналог «CIPS» или «Система передачи финансовых сообщений, разрабатываемая Центральным банком Российской Федерации. Можно долго говорить о плюсах и минусах различных систем, оценивая перспективы их применения, но цель данной статьи оценить, как цифровые валюты и криптоактивы могут помочь при самом негативном развитии событий в рамках санкционной войны.

В первую очередь следует разобраться, что скрывается под терминами цифровая валюта и криптоактивы. Финансовые регуляторные органы разных государств по-разному интерпретируют данные понятия, кто-то их отождествляет, а кто-то отмечает их абсолютную противоположность. В рамках данной статьи рассмотрим подход Центрального банка Российской Федерации к терминологии.

Банк России приводит свою четкую классификацию, в которой цифровые валюты стоят особняком, поскольку их исключительным эмитентом является государство в лице Центрального банка, и такие валюты определяются как «Цифровые валюты Центрального банка». С противоположной стороны Центральный банк России ставит активы, эмиссия которых осуществляется частным образом. К их числу относятся [2, с. 6]:

1. Электронные деньги, являющиеся альтернативой наличной валюте и выпущенные частным образом;

2. Необеспеченные криптовалюты — криптоактивы, характеризующиеся отсутствием обеспечения, которые не могут быть погашены у эмитента и предназначены для использования в качестве средства платежа. Яркими при-

мерами таких активов является биткоин и его альтернативы, альткоины;

3. Стейблкоины, являются криптовалютой, обеспеченной другими активами, или при ее выпуске используется специальная система, ограничивающая волатильность курса. Они могут применяться в целях платежей или представлять собой аналог фонда денежного рынка или иного имущественного комплекса;

4. И последним активом в данном списке являются токенизированные активы, основная функция которых — закрепление за их владельцем определенных прав. К примеру, они могут использоваться как альтернатива долевым ценным бумагам или обеспечивать право на получение определенного товара или услуги.

На наш взгляд, с точки зрения возможного нивелирования воздействия ограничительных экономических мер, наибольший интерес представляют цифровые валюты Центрального банка и криптовалюты. Начнем со второго.

С технической точки зрения криптовалюта — это вид цифрового финансового актива, представляющий собой математический код, обращающийся в системе распределенного реестра — учетной записи, подтверждающей наличие криптовалюты [3].

В теории звучит все довольно просто, однако применение криптовалют в рамках финансового сектора национальной экономики требует четкого развития нормативно-правовой базы в данной сфере и разработки государственного регулирования. Недопустимо просто позволить финансовым институтам и бизнесу использовать криптовалюту в качестве денежного средства или способа осуществления трансграничных переводов.

Во-первых, это связано с крайней неустойчивостью курса криптовалют.

Во-вторых, неконтролируемый допуск бизнеса к использованию данных активов способен предоставить пользователям доступ к теневой экономике (отмывание доходов, полученных преступным путем, наркоторговля, финансирование терроризма, незаконная продажа оружия, нелегальный вывод средств за рубеж, вымогательство, коррупция и т. д.) [4, с. 92].

В-третьих, неконтролируемый доступ к криптовалютам способен нанести ущерб платежному балансу, поскольку массовая покупка населением криптовалюты означает отток капитала из страны, ослабление курса рубля.

Началом активной фазы работы по правовому регулированию криптовалют можно смело назвать вступление в силу 1 января 2021 г. Закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте», в рамках которого было дано определение криптовалют с точки зрения нормативно-правового регулирования. После вступления данного закона в силу началась продолжительная негативная риторика в отношении криптовалют со стороны Центрального банка Российской Федерации.

Последним шагом данного государственного органа был доклад, изданный в начале 2022 г., в котором обосновывается необходимость полного запрета на выпуск, обращение и хранение криптовалют в рамках национальной экономики.

Своевременным ответом на данное предложение Центрального банка Российской Федерации стало принятие Министерством финансов и Правительством Российской Федерации «Концепции законодательного регулирования механизмов организации оборота цифровых валют».

В данном документе отмечается, что при существенном росте в последние годы объемов денежных средств граждан Российской Федерации, вкладываемых в криптовалюты, необходима интеграция механизма оборота цифровых валют в финансовую систему и обеспечение контроля за денежными потоками в контуре кредитных организаций. По экспертным оценкам в Российской Федерации открыто более 12 млн криптовалютных кошельков, а объем средств составляет порядка 2 трлн руб. [5].

Реализация данной концепции призвана обеспечить создание необходимой нормативно-правовой базы, которая позволит вывести из тени индустрию цифровых валют и создать возможность для осуществления легальной предпринимательской деятельности. Таким образом, можно отметить положительные сдвиги в процессе государственного регулирования криптовалютной индустрии.

Разобравшись в видении российских государственных органов, предлагаем ознако-

миться с предположениями о том, как именно в рамках национальной экономики может применяться криптовалюта в том числе для нивелирования санкционного давления. Основным вероятным направлением применения цифровых валют в России, вероятно, может стать сфера международных финансовых переводов, которые будут осуществляться исключительно в системе распределенных реестров. Данный способ позволит обходить наложенные на российскую экономику ограничения при осуществлении международных взаиморасчетов. Однако стоит отметить, что для данных целей больше всего подходят вышеупомянутые стейблкоины.

Ярким примером данного подхода является планирование разработки совместного проекта России и Ирана по созданию стейблкоина, обеспеченного золотом, для осуществления внешнеторговых расчетов между странами без использования рубля, доллара или иранского реала [6]. Об это в начале 2023 г. заявил исполнительный директор Российской ассоциации криптоиндустрии и блокчейна Александр Бражников. Однако, исходя из выше сказанного, реализация данного проекта возможно исключительно после создания соответствующего правового поля в Российской Федерации.

К слову, Иран имеет свой собственный уникальный опыт использования криптовалют для облегчения секционного бремени. Иран, страна находящаяся под секционным давление уже десятки лет, активно развивает майнинг (добычу) криптовалютных активов. Ираном используются собственные запасы нефти для производства электроэнергии, которая позже преобразуется в криптовалюту. С помощью такой схемы республика получила возможность зарабатывать около миллиарда долларов в год на глобальном рынке, используя свой основной природный ресурс — нефть, не прибегая к экспорту. Кроме того, иранскими властями активно используется добытая криптовалюта для оплаты импортных товаров, что позволяет обойти ограничительные меры, наложенные на иранские финансовые учреждения. К слову, иранский кейс использования криптоиндустрии, основанный на добыче криптоактивов, по мнению авторов, не подходит нашему государству, поскольку является весьма противоречивым с точки зрения завоевания Россией авторитета на международной экономической арене.

Однако стоит учитывать, что в случае перевода даже части международных взаиморасчетов в цифровую валюту, секционное воздействие может коснуться и данного способа. Но для этого странам, которые используют ограничительные меры по отношению к российской экономке, придется полностью запретить использование существующей криптоиндустрии в рамках собственных экономик. Это, в свою очередь, на наш взгляд, не отвечает экономическим интересам данных стран, поскольку легализация цифровых валют в Российской Федерации и перспективы начала массового использования криптоактивов в сфере трансграничных переводов, особенно в экономических отношениях с крупными партнерами, такими как Китай, изменят парадигму международной финансовой системы.

Теперь настало время ознакомиться с наиболее развитой на данный момент цифровой валютой Центрального банка.

В последние годы в России активно реализуется проект Центрального банка по внедрению цифрового рубля в качестве одной из форм российской национальной валюты. Сразу следует сказать, что цифровой рубль не является криптовалютой в ее чистом виде.

В отличие от криптовалют у российской национальной цифровой валюты есть единый эмитент — Банк России, и валюта обеспечивается государством [7, с. 5]. Однако механизм технической реализации также основан на системе распределенных реестров.

В контексте перспектив цифрового рубля с точки зрения обхода экономических санкций следует сказать, что теоретически цифровой рубль может использоваться как средство трансграничных платежей. Благодаря тому, что расчеты в цифровом рубле будут осуществляться в рамках собственной технической платформы [7, с. 8], будет исключена необходимость использования всемирной платежной системы «SWIFT». Кроме того, благодаря собственной платформе, в перспективе иностранные контрагенты смогут хранить цифровой рубль и осуществлять взаиморас-

четы, не боясь контрольных органов, способных применить экономические меры, направленные на предотвращение взаимодействия с российскими лицами. Однако данному проекту стоит пройти долгий путь, Цифровой рубль должен зарекомендовать себя как надежный актив, с которым международные партеры захотят работать и захотят в него инвестировать.

Опыт в создании цифровой национальной валюты есть у Китайской Народной Республики. В данный момент на территории «поднебесной» активно реализуется и развивается проект цифрового юаня (англ. *Currency Electronic Payment — DCEP*). Данная валюта обеспечивается и выпускается правительством Китая [8]. Правительство Китайской Народной Республики, в первую очередь, стремится создать глобальную национальную экосистему распределительного реестра. Сегодня перед DCEP стоят исключительно задачи внутриэкономического характера, однако можно смело утверждать, что правительство Китая видит в своей национальной цифровой валюте новый способ проведения трансграничных платежей.

Отметим также и неудачный опыт применения криптоактивов в рамках национальной экономики. В последние годы активно обсуждается противоречивая политика правительства Венесуэлы в отношении применения криптовалют. Глубочайший экономический кризис, санкции, девальвация национальной валюты и стремительное обнищание населения спровоцировало интерес граждан Венесуэлы к криптовалютам. Все это привело к тому, что в 2017 году было объявлено о создании национальной криптовалюты «EL Petro» для решения экономических проблем. Однако данная цифровая валюта так и не заслужила доверия ни в самой Венесуэле, ни на глобальном рынке. Бизнес и рядовые граждане отдали свои предпочтения биткоину, абсолютно аполитичной криптовалюте.

Подведем итоги. На сегодняшний день известны два направления развития в сфере применения цифровых валют и криптоактивов в рамках национальной экономики: с одной стороны, в России есть криптовалюты, полноценное применение которых пока невозможно в связи с отсутствием нормативно-правового регулирования; с другой стороны, проект цифрового рубля, который уже проходит фазу активного тестирования. Но что же из перечисленного может в перспективе помочь преодолеть или хотя бы ослабить санкционное давление в отношении нашей страны?

По мнению авторов, использование того или иного варианта зависит от страны партнера, в отношениях с которым будет применяться одна из двух вышеперечисленных технологий. Говоря о криптоактивах, основная загвоздка кроется в конвертации криптовалюты в национальную валюту. Все дело в том, что регуляторные органы недружественных стран могут запрещать деятельность платформ или электронных бирж, осуществляющих обмен криптовалют, или запрещать компаниям взаимодействовать с ними, иметь криптовалютные счета и кошельки. Цифровая валюта Центрального банка с этой точки зрения менее уязвима, поскольку она является одной из форм рубля. Сложно запретить компаниями использовать и хранить, особенно в изолированной информационной системе, российскую валюту. Однако, к сожалению, методы экономического сдерживания криптовалюты могут быть весьма изобретательными.

Список источников

1. Крахмалев С. В. SWIFT — Глобальная телекоммуникационная система, обеспечивающая проведение международных финансовых операций // Финансы и кредиты. 2007. № 9. С. 21–29.

2. Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественной консультации. Москва : Банк России, 2020. 36 с.

3. Коречков Ю. В. Денежная система в цифровой экономике : учебное пособие / Ю. В. Коречков, В. А. Кваша, Р. В. Колесов и др. Ярославль : СОЮЗ-ПРЕСС, 2022. 190 с.

4. Коржова И. В. Юридические основы обращения криптоактивов : учебное пособие для студентов вузов / под ред. В. А. Северина. Москва : Юр-ВАК, 2020. 143 с.

5. Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408789

6. Кузнецов М. Россия и Иран начали проработку общего стейблкоина на золоте // Ведомости : сайт. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/01/16/959100-rossiya-i-iran-nachali-prorabotku-obschego-steiblkoina?ysclid=lftyhoy0i2158329437. Дата публикации: 16.01.2023.

7. Цифровой рубль. Доклад для общественной консультации. Москва : Банк России, 2022. 46 с.

8. Моисейцев В. В., Еремеев А. А. Цифровой юань: особенности цифровой валюты Китая // E-Scio. 2021. № 6(57) С. 558–564.

References

1. Krakhmalev S. V. SWIFT — Global telecommunication system providing international financial transactions. *Finansy` i kredity` = Finance and credits*. 2007;(9):21–29. (In Russ.).

2. Cryptocurrencies: trends, risks, measures. Report for public consultation. Moscow: Bank of Russia; 2020. 36 p. (In Russ.).

3. Korechkov Yu. V. Monetary system in the digital economy: textbook / Yu. V. Korechkov, V. A. Kvasha, R. V. Kolesov et al. Yaroslavl: SOYUZ-PRESS; 2022. 190 p. (In Russ.).

4. Korzhova I. V. Legal bases for the circulation of crypto assets: a textbook for university students / ed. by V. A. Severina. Moscow: Publishing house "Yur-VAK"; 2020. 143 p. (In Russ.).

5. The concept of legislative regulation of the mechanisms for organizing the circulation of digital currencies. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408789

6. Kuznetsov M. Russia and Iran started working on a common stablecoin on gold. Vedomosti: website. (In Russ.). Available from: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/01/16/959100-rossiya-i-iran-nachali-prorabotku-obschego-steiblkoina?ysclid=lftyhoy0i2158329437. Publication date: January 16, 2023.

7. Digital ruble. Report for public consultation. Moscow: Bank of Russia; 2022. 46 p. (In Russ.).

8. Moiseitsev V. V., Eremeev A. A. Digital yuan: features of China's digital currency. *E-Scio = E-Scio*. 2021;(6(57)):558–564. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. В. Клюкина — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры непроизводственной сферы и социальных технологий;

Ф. К. Романов — аспирант.

Information about authors

D. V. Klyukina — Candidate of Science (Economics), Assistant Professor, Professor of the Department of Non-Production Sphere and Social Technologies;

F. K. Romanov — the graduate student.

Статья поступила в редакцию 31.03.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 31.03.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 89–96
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):89–96

Научная статья
УДК 332.1
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-89-96

ИНВЕСТИЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Анжелика Александровна Никитина[1], Эльвира Вагизовна Дубинина[2]✉, Римма Аслимовна Гильмутдинова[3]
[1]Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия
[2,3]Институт истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия
[1]aa_nikitina@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0001-6620-5285
[2]edubinina@bk.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-4086-122X
[3]rimma_76@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-6364-0302

Аннотация. Одним из наиболее результативных методов решения как краткосрочных, так и долгосрочных задач региона является привлечение инвестиций. Для их получения необходима постоянная модернизация региона, достаточный уровень развития инфраструктуры, стабильное внедрение высокотехнологических продуктов. Новизной исследования выступают полученные интегральные показатели инвестиционной безопасности Республики Башкортостан. Анализ исследуемых показателей позволил выделить основные угрозы и риски инвестиционной безопасности Республики Башкортостан, которые связаны с низким уровнем развития научно-технической сферы региона, высокой степенью износа основных фондов, низкими темами роста инвестиций, что свидетельствуют о снижении инвестиционной безопасности региона и его инвестиционной привлекательности.
Ключевые слова: инвестиционная безопасность, инвестиционный климат, инвестиционный потенциал, пороговые значения инвестиционной безопасности
Для цитирования: Никитина А. А., Дубинина Э. В., Гильмутдинова Р. А. Инвестиционная безопасность Республики Башкортостан // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 89–96. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-89-96.

Research article

INVESTMENT SECURITY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Anzhelika A. Nikitina[1], Elvira V. Dubinina[2]✉, Rimma A. Gilmutdinova[3]
[1]Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
[2,3]Institute of History and Public Administration, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
[1]aa_nikitina@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0001-6620-5285
[2]edubinina@bk.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-4086-122X
[3]rimma_76@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-6364-0302

Abstract. One of the most effective methods of solving both short-term and long-term problems of the region is to attract investment. To obtain them, it is necessary to constantly modernize the region, a sufficient level of infrastructure development, stable introduction of high-tech products. The novelty of the study is the obtained integral indicators of investment security of the Republic of Bashkortostan. The analysis of the studied indicators allowed us to identify the main threats and risks to the investment security of the Republic of Bashkortostan, which are associated with a low level of development of the

scientific and technical sphere of the region, a high degree of depreciation of fixed assets, low investment growth rates, which indicate a decrease in the investment security of the region and its investment attractiveness.

Keywords: investment security, investment climate, investment potential, investment security thresholds

For citation: Nikitina A. A., Dubinina E. V., Gilmutdinova R. A. Investment security of the Republic of Bashkortostan. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2023;(2(59)):89–96. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-89-96.

Одним из наиболее результативных методов решения как краткосрочных, так и долгосрочных задач региона является привлечение инвестиций. Для их получения необходима постоянная модернизация региона, достаточный уровень развития инфраструктуры, стабильное внедрение высокотехнологических продуктов. Процесс инвестирования не возможен без высокого уровня экономической безопасности субъекта федерации, обеспечивающей снижение финансовых рисков и повышающей инвестиционную привлекательность региона в целом [1].

Существуют многочисленные трактовки определения инвестиций. Например, Дж. М. Кейнс понимает инвестиции как ресурсы, которые обеспечивают условия воспроизводства [2]. И. П. Николаева отмечает, что инвестиции — это целенаправленное вложение средств в любых формах на определенный период для достижения конкретных целей инвестора [3].

В справочнике современной экономики под инвестициями понимаются долгосрочные капитальные вложения в предприятия различных отраслей в своей стране или за рубежом, бизнес-проекты, социально-экономические программы, инновационные проекты, которые приносят прибыль через значительный срок после инвестирования [4].

По мнению М. В. Аликаевой, инвестиционная безопасность — это состояние инвестиционного сектора, при котором экономика способна поддерживать устойчивое развитие в регионе, и объем инвестиционных средств, необходимых для обеспечения социально-экономической стабильности [5].

У современных экономистов сформированы множество различных толкований термина «инвестиционная безопасность».

Так, О. Н. Киселева под инвестиционной безопасностью государства обозначила такое состояние государства, при котором созданы условия, обеспечивающие достижение реализации инвестиционных целей при условии защиты интересов инвесторов и пользователей результатов инвестиционного процесса [6].

Т. А. Бондарская, О. В. Бондарская, Н. В. Злобина в своей работе отметили, что огромным вкладом в инвестиционную безопасность страны является предотвращение притока иностранного капитала в экономические и политические решения, затрагивающие национальные интересы страны [7].

М. В. Власов отмечает, что под инвестиционной безопасностью следует понимать необходимый уровень и защищенность всех инвестиционных потоков в регион, которые способствуют инновационному обновлению, и капитальную базу, уделяя особое внимание повышению эффективности производства и уровня жизни населения [8].

В целом авторы приходят к мнению, что инвестиционная безопасность — это способность органов власти построить инвестиционную политику, обеспечивающую стабильный социально-экономический рост региона и эффективную конкурентоспособность.

Таким образом, создание и продвижение инвестиционных возможностей государства, инвестиций с низким уровнем риска и инвестиций региона с высоким потенциалом должны стать первостепенной задачей для укрепления экономической безопасности страны.

Основная цель исследования заключается в диагностике состояния инвестиционной безопасности Республики Башкортостан.

Для достижения поставленной цели в работе рассмотрены меры и программы, направленные на инвестиционное развитие, представлены индикаторы уровня инвестиционной безопасности в сравнении с пороговы-

ми значениями, определены угрозы и риски инвестиционной безопасности Республики Башкортостан.

В работе используются количественные и качественные показатели инвестиционной деятельности, данные опираются на официальные статистические показатели, описывающих состояние инвестиционной среды Республики Башкортостан.

Источниковая база исследования включает в себя массив научных публикаций таких авторов как М. В. Аликаева [5], О. Н. Киселева [6], Т. А. Бондарская [7], М. В. Власов [8].

Доказательной базой послужили нормативно-правовые документы и рейтинговые данные [9–14].

Инвестиционная деятельность любого региона направлена на его инвестиционное развитие, целью которого является создание благоприятного инвестиционного климата. В Республике Башкортостан для этого осуществляются следующие меры:

1. Формируется комплекс республиканских инвестиционных законов и нормативно-правовых актов.

2. Предоставляются гарантии инвесторам Республики Башкортостан.

3. Определяются инвестиционные приоритеты региона.

4. Разрабатывается Единая система рассмотрения, поддержки и мониторинга реализации инвестиционных проектов по принципу «одного окна».

5. В муниципалитетах создан институт «бизнес-шерифов».

6. Создана система консалтинга, сопровождения проектов на всех стадиях реализации и др. [9]

По данным агентства «Эксперт РА» за 2020 год республику Башкортостан отнесли в число регионов со средним потенциалом и максимальными рисками. В рейтинге инвестиционного потенциала среди регионов Башкортостан занял 11-е место [11].

Республика Башкортостан вошла в ТОП-10 Национального рейтинга состояния инвестиционного климата субъектов Российской Федерации, заняв в 2021 году 5-е место, уступив следующим субъектам Российской Федерации: Москва (1-е место), Республика Татарстан (2-е место), Тюменская область (3-е место), Тульская область (4-е место) [10].

Вопросами по улучшению инвестиционного климата и обеспечению благоприятных условий для экспорта в регионе занимается Общественный совет по улучшению инвестиционного климата и развитию экспорта по Республике Башкортостан. Для реализации мероприятий по внедрению наилучших механизмов создания благоприятной деловой среды был создан Проектный офис по реализации мероприятий в рамках участия Республики Башкортостан в Национальном рейтинге состояний инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации [10].

Можно отметить, что в республике тщательно относятся к подборке программ для поддержки инвесторов. Открыты три бизнес-инкубатора:

1) центр поддержки предпринимательства;

2) региональный интегрированный центр — Республика Башкортостан;

3) центр инноваций социальной сферы.

Активно действуют и развиваются 7 технопарков, 11 индустриальных парков, 3 центра трансфера технологии, Венчурный фонд Республики Башкортостан, 22 инновационных предприятия при вузах и научных организациях, 3 центра коллективного пользования, 2 центра прототипирования, а также Центр инжиниринга Республики Башкортостан [12].

Всего в республике реализуются свыше 80 инвестиционных проектов [13]. Рассмотрим наиболее крупные инвестиционные проекты региона, которые были реализованы за 2018–2021 (табл. 1).

Из данных таблицы видно, что крупным инвестиционным проектом является проект по производству плит OSB.

С начала 2021 г. в Республике Башкортостан 30 инвестиционных проектов вошли в перечень приоритетных. Общий объем инвестиций составляет порядка 25,7 млрд руб. с созданием 1286 рабочих мест.

В таблице 2 представлены приоритетные инвестиционные проекты, реализующиеся на данный момент в регионе.

Индикатором уровня инвестиционной безопасности выступает отношение объема инвестиций в экономику региона к валовому

Таблица 1 — Инвестиционные проекты, реализованные в Республике Башкортостан*

Наименование проекта	Инвестор	Территория реализации	Сумма инвестиций в проект (млн руб.)
Реконструкция биологических очистных сооружений на территории филиала ПАО АНК «Башнефть» «Башнефть-Уфанефтехим»	ПАО АНК «Башнефть»	г. Уфа	11 589,8
Организация комплекса по выращиванию и переработке рапса	ООО «Олеокемикс»	с. Аскино, Аскинский район РБ	1580,9
Реконструкция биологических очистных сооружений	ПАО АНК «Башнефть»	г. Уфа	11 600,0
Организация крупного свиноводческого комплекса	ГК ТАВРОС	Чишминский, Благоварский районы	9200,0
Производства плит OSB	ООО «Кроношпан ОСБ»	ИП «Уфимский»	14 997,0

* Составлено авторами по материалам территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан [14].

Таблица 2 — Приоритетные инвестиционные проекты, реализующиеся в Республике Башкортостан*

Наименование проекта	Сроки проекта	Район реализации	Сумма инвестиций в (тыс. руб.)
Создание туристического комплекса на территории геопарка «Янган-тау»	15 лет	Салаватский район	36 000,0
Создание туристической базы отдыха «Тихая гавань» на побережье озера Мулдаккуль	2 года	Абзелиловский район, побережье озера Мулдаккуль	5686,0
Организация комплекса по сбору и обработке дикоросов	3,5–6 лет	Зилаирский район	33 000,0

* Составлено авторами по материалам территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан [14].

региональному продукту, пороговое значение индикатора составляет 25%. В работе была проведена оценка инвестиционной безопасности региона на примере Республики Башкортостан (рис. 1).

Как показывают данные, объем инвестиций в основной капитал Республики Башкортостан в 2021 году по сравнению с 2018 годом увеличился на 26,5%, а темпы роста инвестиций в основной капитал региона — на 29,5%, что является благоприятным аспектом для инвестиционной безопасности региона.

Рассмотрим систему показателей инвестиционной безопасности Республики Башкортостан (рис. 2).

В период 2017–2021 гг. размер инвестиций в основной капитал региона имел нестабильное положение. Данный показатель за весь рассматриваемый период ниже порогового значения, что свидетельствует о том, что имеющийся объем инвестиционных вложений не способен обеспечить устойчивый экономический рост в регионе.

С 2020 года в регионе наблюдался отрицательный реальный прирост инвестиций в основной капитал. Присутствует отрицательная динамика по показателю доли инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в общем объеме инвестиций, который в 2021 году относитель-

Рисунок 1 — Динамика инвестиций в основной капитал Республики Башкортостан
(Составлено авторами по материалам территориального органа
Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан [14])

Figure 1 — Dynamics of investments in fixed capital of the Republic of Bashkortostan
(Compiled by authors based on the data by the territory organ of Bashkortostan Federal Statistics Service [14])

Рисунок 2 — Система показателей инвестиционной безопасности Республики Башкортостан за 2021 год
(Составлено авторами по материалам территориального органа Федеральной службы государственной статистики
по Республике Башкортостан [14])

Figure 2 — The system of indicators of investment security of the Republic of Bashkortostan for 2021
(Compiled by authors based on the data by the territory organ of Bashkortostan Federal Statistics Service [14])

но 2017 года снизился на 0,21 %, к тому же, начиная с 2019 года этот показатель не укладывается в пределы нормативного значения.

Исследуемые индикаторы имеют различную степень значимости, сложившаяся ситуация также не позволяет рационально использовать и своевременно обновлять основные фонды предприятий. Степень износа основных фондов также говорит об отсутствии модернизированного оборудования на территории республики, что подтверждается индексом обновления основных фондов предприятия. Доля инвестиций в НИОКР в общем объеме инвестиций также имела тенденцию к сокращению, что говорит об отсутствии применения цифровой трансформации в регионе.

Для получения итоговой интегральной оценки оценку интегральных показателей следует осуществлять с учетом весового коэффициента каждого индикатора (рис. 3).

Как видно из рисунка 3, интегральная оценка в 2021 году по сравнению с 2019 годом

Рисунок 3 — Интегральная оценка инвестиционной безопасности Республики Башкортостан
(Составлено авторами по материалам территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан [14])

Figure 3 — Integral assessment of investment security of the Republic of Bashkortostan
(Compiled by authors based on the data by the territory organ of Bashkortostan Federal Statistics Service [14])

имеет динамику к росту на 78%. Таким образом уровень инвестиционной безопасности имеет положительную динамику, однако, ключевые показатели инвестиционной безопасности в Республики Башкортостан не достигают порогового значения.

Результаты исследования показали, что инвестиционная деятельность Республики Башкортостан имеет положительную динамику к улучшению ситуации, применяются меры для повышения данного фактора. Стремительное повышение Республики Башкортостан за последние годы в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата субъектов Российской Федерации свидетельствует о том, что в регионе обеспечивается эффективность институтов для бизнеса, достаточное наличие и качество инфраструктуры, а также поддерживается стабильный уровень развития малого и среднего предпринимательства.

Анализ исследуемых показателей позволяет выделить следующие угрозы и риски инвестиционной безопасности Республики Башкортостан:

– низкий уровень развития научно-технической сферы региона;

– высокая степень износа основных фондов обуславливает низкую производительность труда и повышает рост аварийности на производстве;

– низкие темпы обновления основных фондов снижают качество производимой продукции, что негативно отражается на конкурентоспособности продукции;

– соотношение темпов роста валового регионального продукта и темпов роста инвестиций свидетельствует о снижении инвестиционной безопасности региона, а соответственно, и его инвестиционной привлекательности.

Стоит отметить тот факт, что ключевая доля при оценке показателей приходилась на столицу Республики Башкортостан в связи с тем, что именно в столице сосредоточена вся инфраструктура. Для улучшения состояния индикаторов инвестиционной безопасности необходима активная региональная политика в инвестиционной сфере.

Таким образом, на современном этапе Республике Башкортостан необходимо разработать меры по повышению привлекательности региона, а именно — привлечения инвесторов в столицу.

Список источников

1. Исачкова Л. Н. Экономическая безопасность и инвестиционная привлекательность региона: характер взаимосвязи и проблема оценки / Л. Н. Исачкова, Н. А. Асанова, С. Ю. Хут, Ф. Р. Ешугова // Вестник академии знаний. 2021. № 4 (45). С. 117–121.

2. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Москва : Гелиос АРВ, 2015. 167 с.

3. Николаева И. П. Инвестиции : учебник для бакалавров. Москва : Дашков и К°, 2021. 256 с.

4. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 2-е издание, исправленное. Москва : ИНФРА-М, 1999. 479 с.

5. Аликаева М. В. Инвестиционная политика отраслей промышленного комплекса: теория и методология : автореф. дис. … д-ра экон. наук. Санкт-Петербург, 2003. 435 с.

6. Киселева О. Н. Синергия инвестиционной и инновационной безопасности в аспекте национальной технологической инициативы // Основы экономики, управления и права. 2021. № 1. С. 51–54.

7. Бондарская Т. А., Бондарская О. В., Злобина Н. В. Экономическая безопасность России : учебное пособие. Тамбов : Тамбовский государственный технический университет, 2018. 274 с.

8. Власов М. В. Инвестиционная безопасность региона как один из факторов межрегиональной дифференциации в Российской Федерации // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2019. № 4. С. 556–575.

9. Инвестиционная деятельность // Министерство экономического развития и инвестиционной политики Республики Башкортостан : официальный сайт. URL: https://economy.bashkortostan.ru/activity/21901

10. Аналитика // Рейтинговое агентство «Эксперт РА» : официальный сайт. URL: https://www.raexpert.ru

11. Национальный инвестиционный рейтинг // Агентство стратегических инициатив : официальный сайт. URL: https://asi.ru/government_officials/rating

12. Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru

13. Инвестиционный портал регионов России. URL: https://www.investinregions.ru/regions/02/projects

14. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан : официальный сайт. URL: https://bashstat.gks.ru

References

1. Isachkova L. N. Economic security and investment attractiveness of the region: the nature of the relationship and the problem of assessment / L. N. Isachkova, N. A. Asanova, S. Yu. Hut, F. R. Eshugova. *Vestnik akademii znanij = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2021;(4(45)):117–121. (In Russ.).

2. Keynes J. M. General theory of employment, interest and money. Moscow: Helios ARV; 2015. 167 p. (In Russ.).

3. Nikolaeva I. P. Investments: a textbook for bachelors. Moscow: Dashkov and Co°; 2021. 256 p. (In Russ.).

4. Raizberg B. A., Lozovsky L. Sh., Starodubtseva E. B. Modern economic dictionary. 2nd edition, revised. Moscow: INFRA-M; 1999. 479 p. (In Russ.).

5. Alikaeva M. V. Investment policy of industrial sectors: theory and methodology: author. Dis. … Dr. Econ. Sciences. St. Petersburg; 2003. 435 p. (In Russ.).

6. Kiseleva O. N. Synergy of investment and innovation security in the aspect of the national technological initiative. *Osnovy` e`konomiki, upravleniya i prava = Fundamentals of Economics, Management and Law.* 2021;(1):51–54. (In Russ.). (In Russ.).

7. Bondarskaya T. A., Bondarskaya O. V., Zlobina N. V. Economic security of Russia: a textbook. Tambov: Tambov State Technical University; 2018. 274 p. (In Russ.).

8. Vlasov M. V. Investment security of the region as one of the factors of interregional differentiation in the Russian Federation. *Vestnik UrFU. Seriya: E`konomika i upravlenie = Vestnik UrFU. Series: Economics and Management.* 2019;(4):556–575. (In Russ.).

9. Investment activity. Ministry of Economic Development and Investment Policy of the Republic of Bashkortostan: official site. (In Russ.). Available from: https://economy.bashkortostan.ru/activity/21901

10. Analytics // Rating agency "Expert RA": official site. (In Russ.). Available from: https://www.raexpert.ru

11. National investment rating. Agency for Strategic Initiatives: official site. (In Russ.). Available from: https://asi.ru/government_officials/rating

12. Federal State Statistics Service: official site. (In Russ.). Available from: https://rosstat.gov.ru

13. Investment portal of Russian regions. (In Russ.). Available from: https://www.investinregions.ru/regions/02/projects

14. The territory organ of Bashkortostan Federal Statistics Service: official site. (In Russ.). Available from: https://bashstat.gks.ru

Информация об авторах

А. А. Никитина — кандидат экономических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений;

Э. В. Дубинина — кандидат социологических наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности;

Р. А. Гильмутдинова — кандидат технических наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности.

Information about authors
A. A. Nikitina — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of International Law and International Relations;
E. V. Dubinina — Candidate of Science (Sociological), Associate Professor of the Department of Economic and Legal Security;
R. A. Gilmutdinova — Candidate of Science (Technical), Associate Professor of the Department of Economic and Legal Security.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.
The article was submitted 03.03.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 97–103
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):97–103

Научная статья
УДК 336.64(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-97-103

АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ БИЗНЕСА В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Эльвира Анваровна Халикова[1]✉, Рустам Ринатович Байрамов[2]
[1,2]Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия
[1]ydacha6@yandex.ru✉, http://orcid.org/0000-0003-1197-5420
[2]bairamov.rustam2017@yandex.ru

Аннотация. В данной статье представлен обзор современных форм дополнительного финансирования бизнеса. Особое внимание уделено таким формам, как субсидирование бизнеса от государства в рамках государственного частного партнерства, предоставление кредитных ресурсов по пониженным процентным ставкам для развития отдельных направлений бизнеса или отраслей промышленности и косвенные источники финансирования в виде отсрочки по налоговым платежам в бюджетную систему. Авторы статьи приводят сводные сведения о современных формах льготного кредитования для развития бизнеса в Российской Федерации.
Ключевые слова: источники финансирования, бизнес, заимствование, льготное кредитование, субсидирование, грантовая поддержка, инвестиционный налоговый кредит
Для цитирования: Халикова Э. А., Байрамов Р. Р. Анализ источников финансирования бизнеса в современных экономических условиях // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 97–103. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-97-103.

Research article

ANALYSIS OF SOURCES OF BUSINESS FINANCING IN MODERN ECONOMIC CONDITIONS

Elvira A. Khalikova[1]✉, Rustam R. Bayramov[2]
[1,2]Ufa State Oil Technical University, Ufa, Russia
[1]ydacha6@yandex.ru✉, http://orcid.org/0000-0003-1197-5420
[2]bairamov.rustam2017@yandex.ru

Abstract. This article provides an overview of modern forms of additional business financing. Special attention is paid to such forms as subsidizing business from the state, providing credit resources at reduced interest rates for the development of certain business areas or industries and indirect sources of financing in the form of deferral of tax payments to the budget system. The authors of the article provide summary information on modern forms of preferential lending for business development in the Russian Federation.
Keywords: sources of financing, business, borrowing, concessional lending, subsidies, grant support, investment tax credit
For citation: Khalikova E. A., Bayramov R. R. Analysis of sources of business financing in modern economic conditions. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):97–103. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-97-103

В условиях значительного воздействия факторов макроэкономического уровня на российский бизнес, обусловленных конкурентным давлением со стороны зарубежных производителей, повышением мобильности факторов производства, включая капитал, крупные компании и предприятия среднего и малого бизнеса сталкиваются с проблемой поиска доступных источников финансирования бизнеса и удержания позиции устойчивого его развития.

Без достаточного финансирования бизнес не сможет реализовать свой потенциал и достичь поставленных долгосрочных и стратегических целей. Как правило, в практике корпоративного управления финансирование необходимо для приобретения оборудования, закупки товаров и сырья, привлечения трудовых ресурсов, расширения бизнеса, запуска новых инновационно-инвестиционных проектов и многого другого. Финансирование бизнеса необходимо для решения ряда задач, связанных с его функционированием и развитием. Приоритетные задачи финансирования бизнеса в компаниях и на предприятиях малого и среднего бизнеса систематизированы и представлены на рисунке 1.

Решая поставленные задачи, государство внедряет и успешно реализует механизм государственной поддержки бизнеса по приоритетным направлениям социально-экономического, инновационного, технико-технологического развития, происходит коллаборация крупных компаний посредством вовлечения современных финансовых инструментов.

Ссылаясь на требования действующего гражданского законодательства [1] и на проведенный анализ обзора современных источников финансирования бизнеса, представленные авторами С. Е. Беляевым [2], А. К. Абаевым [3], Е. С. Гласовой [4], Е. В. Каминской [5], в таблице 1 систематизированы все виды дополнительного финансирования бизнеса.

Кроме того, финансирование может помочь бизнесу улучшить свою финансовую стабильность, повысить его конкурентоспособность и улучшить отношения с инвесторами и партнерами.

Особую важность для бизнеса приобретает доступность рассматриваемых видов финансового заимствования от государства и финансовых институтов. Финансировать можно как

Рисунок 1 — Приоритетные задачи финансирования бизнеса в компаниях и на предприятиях малого и среднего бизнеса

Таблица 1 — Виды финансирования бизнеса в современных условиях

Стратегия финансирования	Виды
Долгосрочное финансирование	Государственная поддержка
	ИНК (Инновационный налоговый кредит) (2–10 лет)
	Лизинг
	Кредит
	Долговые ценные бумаги
	Венчурное финансирование
Краткосрочное финансирование	Банковские кредиты
	Факторинг
	ИНК (Инновационный налоговый кредит) (1 год)

на создание нового вида бизнеса (стартап), так и для развития бизнеса. На основе изученных нормативно-правовых актов [6] в настоящее время наиболее распространенными источниками финансирования стартапов являются следующие:

1. Собственные сбережения. Это самый простой способ финансирования стартапа. Если у вас есть достаточно сбережений, вы можете использовать их для финансирования своего стартапа.

2. Кредиты. Вы можете обратиться в банк за кредитом на финансирование своего стартапа. В зависимости от вашей кредитной истории и других факторов, банк может предоставить вам кредит на основе вашего бизнес-плана.

3. Инвесторы. Вы можете привлечь инвесторов, которые готовы вложить деньги в ваш стартап в обмен на долю в его прибыли. Это может быть, как частный инвестор, так и венчурный капиталист.

4. Гранты. В зависимости от типа вашего стартапа вы можете претендовать на гранты от правительственных или неправительственных организаций. Гранты могут быть полезны для финансирования исследований и разработок, а также для создания новых продуктов или услуг.

Финансирование любого бизнеса может осуществляться как с помощью собственных средств, так и дополнительных форм заимствования. Использование собственных средств имеет свои преимущества и недостатки. С одной стороны, это позволяет компании сохранять контроль над бизнесом и не зависеть от внешних кредиторов. С другой стороны, использование только собственных средств может ограничить возможности компании для расширения бизнеса и инвестирования в новые проекты. В таком случае важно использовать доступные источники дополнительного финансирования в форме льготного кредитования, которые позволят за счет оптимизации структуры капитала получить максимальную доходность бизнеса и увеличить доходность инвестированного капитала в бизнес.

Анализ современных форм льготного кредитования для развития бизнеса в Российской Федерации в рамках частного государственного партнерства представлен в таблице 2.

Таким образом, представленный анализ современных форм льготного кредитования, предоставляемых государством для поддержки развития различных отраслей промышленности и различных организационных форм ведения бизнеса, позволит предпринимателям и менеджменту компаний более обоснованно подойти к выбору объемов и структуры финансирования бизнеса или реализации стратегических значимых проектов.

Таблица 2 — Современные формы льготного кредитования для развития бизнеса в Российской Федерации

Виды	Проценты по кредитованию	Условия получения	Ссылка на официальный источник
Новый льготный кредит по программе ФОТ 3.0	3 % годовых на 18 месяцев	Организации, не участвовавшие в программе ФОТ 2.0 и зарегистрированные в реестре малого и среднего предпринимательства (МСП) в период с 01.07.2020 по 01.07.2021 года. Организации, участвовавшие в программе ФОТ 2.0 или ФОТ 3.0 и ведущие деятельность в наиболее пострадавших отраслях. Организации культуры и общепита, участвовавшие в программе ФОТ 2.0.	https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/gospodderjka
Программа Министерства экономического развития России	не более 10,25 % годовых	Требования к заемщику: – субъект МСП; – осуществляет деятельность в одной из приоритетных отраслей (Приложение 2 Постановления Правительства от 30 декабря 2018 г. № 1764); – не участвует в уставном капитале юридических лиц, не относящихся к субъектам МСП, с долей такого участия более 25 %, и в состав его участников (акционеров) не входят юридические лица, не относящиеся к субъектам МСП, с долей такого участия в уставном капитале более 25 %; – кредиты по Программе после 01.05.2021 г. могут быть заключены только с одним уполномоченным банком.	https://www.sberbank.com/ru/s_m_business/credits/gos_program Постановление: https://base.garant.ru/72141688/
Программа Министерства экономического развития России (для «микропредприятий»)	Не более 11 % годовых	Требования к заемщику: – субъект МСП согласно Закону от 24.07.2007 № 209-ФЗ и относится к сегменту «микропредприятие»; – кредит по Программе после 01.05.2021 г. может быть заключен только с одним уполномоченным банком.	https://www.sberbank.com/ru/s_m_business/credits/gos_program Постановление: https://base.garant.ru/72141688/
Программа поддержки начинающих предпринимателей Москвы	Не более 9,8 % годовых. Льготная ставка действует в течение 12 месяцев с даты заключения договора. Далее применяется стандартная ставка, которую определяет банк	Требования к заемщику: – субъект МСП согласно Закону от 24.07.2007 № 209-ФЗ и не относится к субъектам МСП, указанным в части 3 и 4 статьи 14 закона № 209-ФЗ; – зарегистрирован в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя в городе Москве, а также в качестве налогоплательщика на территории города Москвы; – продолжительность регистрации в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя не превышает 12 месяцев; – отсутствие процедуры реорганизации, ликвидации, несостоятельности (банкротства), либо аннулирования лицензии.	https://www.sberbank.com/ru/s_m_business/credits/gos_program#gosprogram-check-inn Постановление: https://www.mos.ru/dpir/documents/normativnye-pravovye-akty-goroda-moskvy/view/237444220/

Продолжение таблицы 1

Виды	Проценты по кредитованию	Условия получения	Ссылка на официальный источник
Программа Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ по поддержке проектов цифровой трансформации для аккредитованных IT-организаций	не более 3 % годовых	Требования к заемщику: – российские организации, реализующие проекты в области информационных технологий; – аккредитованные Минцифрой ИТ-организации, которые являются разработчиками (поставщиками) товаров, исполнителями работ (услуг) в рамках реализации проектов	https://www.sberbank.com/ru/s_m_business/credits/gos_program
Программа поддержки Минсельхоза России	до 5 % годовых	Требования к заемщику – сельхозтоваропроизводитель или переработчик продукции АПК; – осуществляет деятельность в одной из приоритетных отраслей АПК	https://www.sberbank.com/ru/s_m_business/credits/gos_program Постановление: https://base.garant.ru/71580832/
Совместные займы ФРП с РФРП по программе «Проекты развития»	1 % и 3 % годовых	Основные условия предоставления совместного займа в рамках программы «Проекты развития»: – сумма займа — 20–100 млн рублей; – срок займа — не более 5 лет; – общий бюджет проекта — от 25 млн рублей; – софинансирование со стороны заявителя, частных инвесторов или банков — не менее 20 % бюджета проекта; – процентная ставка: 3 % годовых — базовая процентная ставка, при этом может применяться пониженная процентная ставка 1 % годовых при предоставлении банковской гарантии, гарантии ВЭБ.РФ, Корпорации МСП или РГО в качестве обеспечения, а также при покупке российского оборудования или отечественного ПО (для цифровизации) на сумму ≥ 50 % от суммы займа	https://gisp.gov.ru/support-measures/list/9172540/
Совместные займы ФРП с РФРП по программе «Комплектующие изделия»	1 % и 3 % годовых	Основные условия предоставления совместного займа в рамках программы «Комплектующие изделия»: – сумма займа — 20–100 млн руб.; – срок займа — не более 5 лет; – общий бюджет проекта — от 25 млн руб.; – софинансирование со стороны заявителя, частных инвесторов или банков — не менее 20 % бюджета проекта; – процентная ставка — 1 % годовых в первые 3 года займа и 3 % на оставшийся срок.	https://gisp.gov.ru/support-measures/list/9172745/

Окончание таблицы 1

Виды	Проценты по кредитованию	Условия получения	Ссылка на официальный источник
Промышленная ипотека	3% годовых для технологических компаний и 5% годовых для иных заемщиков	Основные условия программы: – процентная ставка: 3% годовых для технологических компаний и 5% годовых для иных заемщиков; – срок кредитования: до 7 лет; – сумма кредита: до 500 млн рублей.	https://gisp.gov.ru/support-measures/list/12448038/
Льготное кредитование компаний, реализующим проекты по цифровой трансформации и внедряющим ИТ-решения	1–5% (до 3% для аккредитованных ИТ-организаций)	Финансирование: – размер кредита для реализации проекта: минимальный — 5 млн руб., максимальный — 5 млрд руб.; – размер кредита для реализации программы (совокупности проектов): минимальный — 500 млн руб., максимальный — 10 млрд руб.; – срок субсидирования и реализации мероприятий по проекту (программе) — до конца 2024 года; – софинансирование: не обязательно.	https://gisp.gov.ru/support-measures/list/12446979/
Льготные кредиты на инвестиционные цели для субъектов МСП	3% годовых	Требования к заявителю: – субъект МСП; – организация работает не менее года на момент подачи заявки; – основной ОКВЭД: наука, ИТ, промышленность; – является налогоплательщиком Москвы; – площадка на территории г. Москвы (земельный участок, объект капитального строительства в собственности/аренде на территории столицы); – размер предприятия: средний (101–250 чел.), малый (1–100 чел.); Этапы развития промышленного проекта/предприятия: поддержание рентабельности предприятия, рост и расширение предприятия.	https://gisp.gov.ru/support-measures/list/12447812/
Грант на внедрение российских ИТ-решений		Размер предприятия: крупный (от 251 чел.), средний (101–250 чел.), малый (1–100 чел.). Основные условия: – российское юридическое лицо (за исключением государственных (муниципальных) учреждений); – от 20 млн руб. до 500 млн руб. – от 6 до 30 месяцев; – способы софинансирования: собственные средства, заемные средства, средства соинвестора; – объем софинансирования: не менее 50% от общего объема финансирования, необходимого для реализации проекта.	https://gisp.gov.ru/support-measures/list/12446565/
Предоставление микрозаймов МСП	3–7% годовых	Требования к заявителю: заявители, соответствующие требованиям пунктов 3.1., 3.3. Правил предоставления микрозаймов.	https://gisp.gov.ru/support-measures/list/12446735/

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 : Принят Государственной Думой 21 октября 1994 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142
2. Беляев С. Е. Банковский кредит как источник финансирования инвестиционного проекта // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5, № 12. С. 292–297.
3. Абаев А. К. Оперативный или финансовый лизинг: что и когда предпочтительнее? // Наука и современность : сборник материалов XLVIII Международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 3 ноября, 25 ноября 2016 г.). Новосибирск : Издательство ЦНРС, 2016. С. 130–133.
4. Гласова Е. С., Уварова Д. А. Риски проектного финансирования и методы управления ими // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 3(11). С. 15–17.
5. Каминская Е. В., Рудченко Т. Л. Гранты: понятие, нормативно-правовое обеспечение, особенности реализации и классификация видов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. №3(122). С. 255–263.
6. «Об обществах с ограниченной ответственностью» : Федеральный Закон Российской Федерации от 08.02.1998 № 14 : Принят Государственной Думой 14 января 1998 года : Одобрен Советом Федерации 28 января 1998 года : редакция от 16.04.2022 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51: Adopted by the State Duma on October 21, 1994. Consultant Plus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142
2. Belyaev S. E. Bank credit as a source of investment project financing. *Byulleten` nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice.* 2019;5(12):292–297. (In Russ.).
3. Abaev A. K. Operational or financial leasing: what and when is preferable? *Nauka i sovremennost`: sbornik materialov XLVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Novosibirsk, 3 noyabrya, 25 noyabrya 2016 g.) = Science and Modernity: collection of materials of the XLVIII International Scientific and Practical Conference (Novosibirsk, November 3, November 25, 2016).* Novosibirsk: TsNRS Publishing House; 2016. P. 130–133. (In Russ.).
4. Glasova E. S., Uvarova D. A. Risks of project financing and methods of managing them. *Biznes-obrazovanie v e`konomike znanij = Business education in the knowledge economy.* 2018;(3(11)):15–17. (In Russ.).
5. Kaminskaya E. V., Rudchenko T. L. Grants: concept, legal support, features of implementation and classification of types. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2018;(3(122)):255–263. (In Russ.).
6. "On Limited Liability Companies": Federal Law of the Russian Federation dated February 8, 1998 No. 14: Adopted by the State Duma on January 14, 1998: Approved by the Federation Council on January 28, 1998: version on April 16, 2022. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819

Информация об авторах

Э. А. Халикова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры корпоративных финансов и учетных технологий;

Р. Р. Байрамов — магистрант.

Information about authors

E. A. Khalikova — Candidate of Science (Economics), Assistant Professor, Associate Professor of the Department of Corporate Finance and Accounting Technologies;

R. R. Bayramov — the master student.

Статья поступила в редакцию 01.06.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 01.06.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 104–110
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):104–110

Научная статья
УДК346.62
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-104-110

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДИВИДЕНДНОЙ ПОЛИТИКИ КОМПАНИИ

Эльвира Анваровна Халикова[1]✉, Оксана Владимировна Кадесникова[2], Данис Фаилевич Якшибаев[3]
[1,2,3]Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия
[1]ydacha6@yandex.ru✉, http://orcid.org/0000-0003-1197-5420
[2]kadesok@mail.ru, http://orcid.org 0000-0003-3776-0444
[3]ya.yakshibaev.danis@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена финансово-правовым аспектам дивидендной политики компаний в современных условиях бизнеса. Дивиденды являются одним из важнейших источников дохода для акционеров компаний, а дивидендная политика, определяющая распределение прибыли между акционерами и компанией, имеет огромное значение для инвесторов, аналитиков, управленцев и других участников финансового рынка. Сегодняшние условия, в которых функционируют компании, характеризуются неопределенностью и быстро меняющимися рыночными условиями. В таких условиях эффективность дивидендной политики компании может сильно влиять на ее финансовые показатели и рыночную стоимость. Поэтому понимание современных трендов и возможностей дивидендной политики является ключевым фактором в успешном корпоративном управлении финансами. В данной статье рассматриваются основные аспекты дивидендной политики, включая ее роль в системе корпоративного управления, особенности формирования и изменения дивидендной политики с учетом правовых ограничений и возможностей для компании.
Ключевые слова: дивиденд, дивидендная политика, типы дивидендов, дивидендная стратегия, правовое регулирование, чистая прибыль, оптимальная чистая прибыль
Для цитирования: Халикова Э. А., Кадесникова О. В., Якшибаев Д. Ф. Финансово-правовые аспекты дивидендной политики компании // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 104–110. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-104-110.

Research article

FINANCIAL AND LEGAL ASPECTS DIVIDEND POLICY OF THE COMPANY

Elvira A. Khalikova[1]✉, Oksana V. Kadesnikova[2], Danis F. Yakshibaev[3]
[1,2,3]Ufa State Oil Technical University, Ufa, Russia
[1]ydacha6@yandex.ru✉, http://orcid.org/0000-0003-1197-5420
[2]kadesok@mail.ru, http://orcid.org 0000-0003-3776-0444
[3]ya.yakshibaev.danis@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the financial and legal aspects of the dividend policy of companies in modern business conditions. Dividends are one of the most important sources of income for shareholders of companies, and the dividend policy, which determines the distribution of profits between shareholders and the company, is of great importance for investors, analysts, managers and other financial market participants. Today's conditions in which companies operate are characterized by uncertainty and rapidly

changing market conditions. In such circumstances, the effectiveness of the company's dividend policy can greatly affect its financial performance and market value. Therefore, understanding the current trends and opportunities of the dividend policy is a key factor in successful corporate financial management. This article discusses the main aspects of the dividend policy, including its role in the corporate governance system, the specifics of the formation and modification of the dividend policy, taking into account legal restrictions and opportunities for the company.

Keywords: a dividend, dividend policy, types of dividends, dividend strategy, legal regulation, net profit, optimal net profit directed

For citation: Khalikova E. A., Kadesnikova O. V., Yakshibaev D. F. Financial and legal aspects dividend policy of the company. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2023;(2(59)):104–110. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-104-110

Дивидендная политика является важнейшей составляющей финансового управления компании и определяет, какую долю прибыли она будет распределять в качестве дивидендов между своими акционерами. Это важно для инвесторов, так как дивиденды являются источником дохода от их инвестиций. Однако дивидендная политика не только влияет на доходность акционеров, но и на общую финансовую стратегию компании. Например, компании, устанавливающие высокий уровень дивидендов, демонстрируют свою финансовую стабильность и готовность обеспечить доходность своих акционеров. С другой стороны, компании, которые устанавливают низкий уровень дивидендов, могут предпочитать инвестировать деньги в развитие бизнеса, что может привести к росту стоимости их акций в будущем.

Однако дивидендная политика не только влияет на доходность акционеров и финансовую стратегию компании, но и играет важную роль в системе корпоративного управления. Она устанавливает правила распределения прибыли между акционерами и управляющими органами компании, что помогает уменьшить возможные конфликты между ними и способствует более эффективному управлению компанией в целом.

При разработке дивидендной политики компания должна учитывать не только свои текущие финансовые возможности и потребности в инвестировании, но и интересы своих акционеров и долгосрочные перспективы развития бизнеса. Кроме того, дивидендная политика должна быть гибкой и адаптивной, чтобы учитывать изменения в экономической ситуации и потребности компании.

Важно также отметить, что дивидендная политика может иметь различные формы, включая выплату дивидендов в денежной форме, выплату дивидендов в виде акций или реинвестирование прибыли в развитие бизнеса. Каждая из этих форм имеет свои преимущества и недостатки, и компания должна выбрать наиболее подходящую для своих целей.

Дивидендная политика — это часть финансовой стратегии предприятия, направленная на оптимизацию пропорций между потребляемой и реинвестируемой (капитализируемой) долями прибыли с целью увеличения его рыночной стоимости и благосостояния собственников [1].

Дивиденд — это часть прибыли предприятия, распределяемая между собственниками в соответствии с количеством приобретенных акций, долей, паев с той или иной периодичностью [2].

Типы дивидендов, которые компании могут выплачивать своим акционерам, представлены в таблице 1.

Таким образом, дивиденды являются важным инструментом финансового управления компании и играют значительную роль в системе корпоративного управления. Выбор дивидендной стратегии зависит от множества факторов, таких как финансовое состояние компании, потребности инвесторов в доходе, конкурентное окружение и др.

Выбор дивидендной стратегии компании зависит от многих факторов, которые перечислены в таблице 2.

В целом выбор дивидендной стратегии должен быть согласован с общей стратегией компании и ее финансовым положением, чтобы обеспечить максимальную эффективность использования свободных денежных средств и удовлетворить потребности инвесторов.

Таблица 1 — Типы дивидендов в современной теории финансового менеджмента [3–6]

Типы дивидендов	Описание
Дивиденды в виде акций	Компания предлагает своим акционерам получить новые акции вместо наличных дивидендов
Дивиденды в виде ценных бумаг	Компания выплачивает дивиденды в виде других ценных бумаг, таких как облигации или права на приобретение акций
Специальные дивиденды	Этот тип дивидендов может быть выплачен компанией в случае получения дополнительного дохода, например, от продажи активов
Ликвидационные дивиденды	Компания выплачивает дивиденды в случае решения о ликвидации компании и продаже всех ее активов
Возврат капитала	Компания возвращает акционерам их долю в капитале путем сокращения акционерного капитала компании
Дивиденды из перераспределения прибыли	Дивиденды выплачиваются из нераспределенной прибыли компании, зафиксированной в предыдущих отчетных периодах
Дивиденды из резервного фонда	Компания использует резервный фонд для выплаты дивидендов в случае нехватки свободных денежных средств

Таблица 2 — Факторы выбора дивидендной стратегии компанией

Факторы выбора дивидендной стратегии	Краткое описание
Финансовое положение компании	Компании с высокой прибылью и свободными денежными средствами могут предпочитать высокие дивидендные выплаты, в то время как компании в периоде роста могут предпочесть реинвестирование прибыли
Рыночные условия	Экономический климат, инфляция, конкуренция и другие рыночные условия могут повлиять на выбор дивидендной стратегии
Ожидания инвесторов	Инвесторы могут предпочитать компании, выплачивающие высокие дивиденды для получения дохода, тогда как другие инвесторы могут предпочитать компании, которые реинвестируют прибыль для роста компании
Цели компании	Цели компании, связанные с ростом, увеличением рыночной доли, максимизацией прибыли и т. д., должны соответствовать выбору дивидендной стратегии
Налоговая политика	Налоги на дивиденды могут варьироваться в зависимости от страны и налоговых законов, поэтому компании могут выбирать дивидендные стратегии в соответствии с налоговыми выгодами
Долговая нагрузка	Компании с высоким уровнем долга могут выбирать стратегию умеренных дивидендных выплат для снижения долговой нагрузки

Законодательство Российской Федерации регулирует выплаты дивидендов в акционерных обществах согласно Федеральному закону от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [7]. Этот закон определяет правила, которыми должны руководствоваться акционерные общества при выплате дивидендов своим акционерам (табл. 3).

Дивидендные стратегии используются компаниями для управления дивидендными выплатами и определения, какую долю прибыли следует выделять на выплату дивидендов акционерам. Целью дивидендных стратегий является максимизация ценности для акционеров и достижение финансовых целей компании. Виды стратегий и обоснование их выбора представлены в таблице 4.

Таблица 3 — Анализ правового регулирования выплаты дивидендов в Российской Федерации [4]

№	Требование нормативного акта	Ссылка на ФЗ № 208-ФЗ	Значение
1	Обязательность выплаты дивидендов	Статья 29	Выплата дивидендов является обязательным условием акционерного договора.
2	Определение размера и формы выплаты дивидендов	Статья 32	Размер и форма выплаты дивидендов должны быть определены в Уставе компании. Если Уставом не определено иное, дивиденды выплачиваются в денежной форме.
3	Срок выплаты дивидендов	Статья 43	Выплата дивидендов должна производиться в течение 60 дней со дня принятия решения об их выплате. Если срок выплаты дивидендов не указан, то он должен быть не менее чем 60 дней со дня принятия решения об их выплате.
4	Запрет на выплату дивидендов при наличии задолженностей по налогам	Статья 32	Если у компании имеются задолженности по уплате налогов, выплата дивидендов не допускается.
5	Ограничение выплаты дивидендов при процедуре банкротства	Статья 32	Если компания находится в процессе банкротства, выплата дивидендов может быть приостановлена до окончания процедуры банкротства.
6	Учет финансовых возможностей при принятии решения о выплате дивидендов	Статья 32	При принятии решения о выплате дивидендов компания должна учитывать свои финансовые возможности, наличие задолженностей по кредитам и займам, перспективы развития бизнеса и другие обстоятельства, которые могут повлиять на выплату дивидендов.
7	Право акционеров на получение информации о размерах и форме выплаты дивидендов	Статья 42	Акционеры имеют право на получение информации о размерах и форме выплаты дивидендов, а также о финансовом положении компании.
8	Право акционеров на участие в принятии решений о выплате дивидендов	Статья 44	Акционеры имеют право на участие в принятии решения о выплате дивидендов, а также на получение информации о порядке их выплаты.
9	Возможность установления иных правил выплаты дивидендов	Статья 32	Компания может установить иные правила выплаты дивидендов, отличные от тех, которые определены Уставом. Однако такие правила не могут противоречить законодательству Российской Федерации и Уставу компании.
10	Уведомление акционеров о решении о выплате дивидендов	Статья 42	Акционеры должны быть уведомлены о принятом решении о выплате дивидендов не позднее чем за 10 дней до начала выплаты.

Таблица 4 — Дивидендные стратегии

Виды дивидендных стратегий	Обоснование выбора дивидендных стратегий	Финансовая метрика	Нормативное значение
Регулярное выплаты дивидендов	Стабильный доход для инвесторов	Дивиденды	Стабильный поток доходов
Стратегия устойчивого роста дивидендов	Привлечение инвесторов и стабильность дохода	Размер дивиденда каждый год	Рост дивидендов, связанный с инфляцией или прибылью компании
Стратегия максимизации дивидендов	Привлечение инвесторов, ищущих высокий доход	Выплачиваемый размер дивидендов	Максимальный размер дивидендов, исходя из финансовых возможностей
Стратегия невыплаты дивидендов	Инвестирование средств в развитие бизнеса или приобретение новых активов	Нет выплат дивидендов	Сохранение прибыли внутри компании
Комбинированная дивидендная стратегия	Сочетание консервативного и ростового подходов	Часть прибыли на выплату дивидендов, остальное на инвестирование	Стабильный поток доходов и рост компании
Дивидендная политика с переменным дивидендом	Выплата дивидендов зависит от финансовых результатов компании	–	Финансовые показатели компании, такие как прибыль и свободный денежный поток
Реинвестирование дивидендов	Предложение акционерам возможности реинвестирования дивидендов обратно в компанию	–	Рост активов компании и уровень участия акционеров в компании
Консервативная дивидендная стратегия	Подходит для компаний с установленной позицией на рынке и стабильными денежными потоками. Привлекает инвесторов, которые ищут стабильный доход. Может привести к ограничению роста компании	Доля прибыли, выделяемая на выплату дивидендов	Большая доля прибыли уходит на выплату дивидендов, что может привести к ограничению роста компании
Ростовая дивидендная стратегия	Ориентирована на инвестирование в проекты с высоким потенциалом роста, позволяет компании расти быстрее и давать возможность инвесторам получать большую прибыль от капитализации компании. Рискованная стратегия, так как инвесторы могут потерять доход, если компания не достигнет ожидаемых результатов	Рост и развитие компании	Деньги инвестируются в развитие бизнеса, а не на выплату дивидендов

В целом выбор подхода к дивидендным выплатам зависит от целей и интересов компании и ее акционеров, а также от финансовых показателей и позиции компании на рынке. Компания может рассмотреть различные современные подходы и выбрать тот, который будет наиболее эффективным для ее конкретной ситуации.

В настоящей практике и в научной литературе [4–5] существуют специальные методики определения уровня чистой прибыли, направляемой на выплату дивидендов при сохранении финансового состояния компании. Они необходимы для обеспечения эффективной дивидендной политики компании и максимизации стоимости акций в будущем.

Оптимальный уровень дивидендных выплат должен учитывать не только интересы акционеров, но и финансовое состояние компании. Высокие дивидендные выплаты могут привести к нехватке средств для финансирования роста и развития компании, в то время как низкие дивидендные выплаты могут привести к уменьшению интереса инвесторов к компании.

Методики определения оптимального уровня дивидендных выплат позволяют установить баланс между интересами акционеров и финансовым состоянием компании. Эти методики учитывают различные факторы, такие как размер компании, ее финансовое положение, рост и развитие, инфляцию и другие факторы, которые могут влиять на дивидендную политику компании.

Определение оптимального уровня дивидендных выплат позволяет компаниям принимать рациональные решения относительно дивидендной политики и обеспечивать стабильность финансовых показателей в будущем. Кроме того, оптимальная дивидендная политика может увеличить привлекательность компании для потенциальных инвесторов и повысить стоимость ее акций. Примеры таких методик представлены в таблице 5.

Как видно выше, каждая методика имеет свои ограничения и недостатки, и выбор конкретной методики зависит от многих факторов, таких как особенности компании, состояния рынка, финансовых показателей и т. д. Поэтому для определения оптимального уровня дивидендов рекомендуется использовать несколько методик и анализировать полученные результаты в комплексе.

Таблица 5 — Методики определения оптимального уровня чистой прибыли, направляемой на выплату дивидендов при сохранении финансового состояния компании

Модель	Описание	Плюсы	Минусы
Модель Уолтера	Оценивает стоимость акций на основе средневзвешенной стоимости капитала компании. Оптимальный уровень дивидендов достигается при минимизации капитальной стоимости	Проста в использовании; учитывает структуру капитала; учитывает стоимость заемного капитала	Не учитывает налоги; не учитывает дивидендную политику компании
Модель Линтера	Определяет оптимальный уровень дивидендов на основе отношения текущих дивидендов к предполагаемому уровню дивидендов	Проста в использовании; учитывает дивидендную политику компании	Не учитывает структуру капитала; не учитывает налоги
Модель Рутера	Определяет оптимальный уровень дивидендов на основе оценки финансовой устойчивости компании	Учитывает финансовую устойчивость компании	Не учитывает налоги; не учитывает дивидендную политику компании
Модель Линга	Оценивает стоимость акций на основе ожидаемой стоимости будущих дивидендов и капитализации	Учитывает ожидаемую ростовую составляющую; проста в использовании	Не учитывает налоги; не учитывает финансовую устойчивость компании; не учитывает структуру капитала
Модель Гордона-Шапиро	Оценивает стоимость акций на основе текущих дивидендов и ожидаемого роста дивидендов. Оптимальный уровень дивидендов достигается при максимизации стоимости акций	Учитывает ожидаемую ростовую составляющую; проста в использовании; учитывает дивидендную политику компании	Не учитывает налоги; не учитывает финансовую устойчивость компании; не учитывает структуру капитала

Список источников

1. Финансовый менеджмент : учебник. 2-е издание, исправленное и дополненное / Д. А. Ендовицкий, Н. Ф. Щербакова, А. Н. Исаенко [и др.] ; под общей редакцией Д. А. Ендовицкого. Москва : РИД ГРУПП, 2012. 800 с. (Национальное экономическое образование).
2. Пахновская Н. Долгосрочная финансовая политика хозяйствующих субъектов : учебное пособие. Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2013. 357 с.
3. Кондрашева А. И., Кабешева А. М., Квашнина Н. А. К вопросу о сущности дивидендной политики организации // Генезис экономических и социальных проблем субъектов рыночного хозяйства в России. 2022. № 15. С. 7–10.
4. Агаркова Л. В., Агарков В. В., Китова В. В. Дивидендная политики корпорации и развитие теоретических подходов к ее моделированию // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 1, № 1. С. 4–9.
5. Лукасевич И. Я. Финансовый менеджмент : учебник. 2-е издание, переработанное и дополненное. М. : Эксмо, 2010. 768 с. (Новое экономическое образование).
6. Корпоративные финансы : учебник и практикум для академического бакалавриата / О. В. Борисова, Н. И. Малых, Ю. И. Грищенко, Л. В. Овешникова. Москва : Юрайт, 2019. 651 с.
7. «Об акционерных обществах» : Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ : редакция от 07.10.2022, с изменениями от 19.12.2022 // СЗ РФ. 2023. 1 января.

References

1. Financial management: a textbook. 2nd edition, revised and enlarged / D. A. Endovitsky, N. F. Shcherbakova, A. N. Isaenko [at al.]; under the general editorship of D. A. Endovitsky. Moscow: RID GROUP; 2012. 800 p. (National economic education). (In Russ.).
2. Pakhnovskaya N. Long-term financial policy of business entities: a tutorial. Orenburg: Orenburg State University; 2013. 357 p. (In Russ.).
3. Kondrasheva A. I., Kabesheva A. M., Kvashnina N. A. To the question of the essence of the organization's dividend policy. G*enezis e`konomicheskix i social`ny`x problem sub``ektov ry`nochnogo xozyajstva v Rossii = Genesis of economic and social problems of market economy entities in Russia*. 2022;(15):7–10. (In Russ.).
4. Agarkova L. V., Agarkov V. V., Kitova V. V. Dividend policy of a corporation and the development of theoretical approaches to its modeling. *E`konomika i upravlenie: problemy`, resheniya = Economics and management: problems, solutions.* 2019;1(1):4–9. (In Russ.).
5. Lukasevich I. Ya. Financial management: a textbook. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Eksmo; 2010. 768 p. (New economic education). (In Russ.).
6. Borisova O. V., Malykh N. I., Grishchenko Yu. I., Oveshnikova L. V. Corporate finance: a textbook and workshop for academic undergraduate students. Moscow: Yurayt; 2019. 651 p. (In Russ.).
7. "On Joint Stock Companies": Federal Law dsted December 26, 1995 No. 208-FL: version on October 7, 2022, as amended on December 19, 2022. *Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii = Collection of legislation of the Russian Federation.* 2023. January 1st. (In Russ.).

Информация об авторах

Э. А. Халикова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры корпоративных финансов и учетных технологий;

О. В. Кадесникова — старший преподаватель кафедры корпоративных финансов и учетных технологий;

Д. Ф. Якшибаев — магистрант.

Information about authors

E. A. Khalikova — Candidate of Science (Economics), Assistant Professor, Associate Professor of the Department of Corporate Finance and Accounting Technologies;

O. V. Kadesnikova — senior lecturer of the Department of Corporate Finance and Accounting Technologies;

D. F. Yakshibaev — the master student.

Статья поступила в редакцию 01.06.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 01.06.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 111–117
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):111–117

Научная статья
УДК 657
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-111-117

ДЕБИТОРСКАЯ И КРЕДИТОРСКАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ

Татьяна Николаевна Шашкова[1], Лариса Жамилевна Хабибуллина[2]✉
[1,2]Уфимский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Уфа, Россия
[1]shashkova1610@mail.ru
[2]larisa_gareevajamilevna@inbox.ru✉

Аннотация. Предмет исследования — дебиторская и кредиторская задолженность. Цель исследования — рассмотрение состояния дебиторской и кредиторской задолженности в современных экономических условиях, проблем и методов ее управления. Задачи исследования — изучение динамики задолженности хозяйствующих субъектов, методов и способов управления ею, выявление проблем непогашения своевременно и в полном объеме задолженности. Новизна исследования: раскрыты теоретические основы управления дебиторской и кредиторской задолженностью, проблемы ее возникновения, а также на основе статистической информации отражены динамика и структура задолженности. Выводы: выявлено превышение кредиторской задолженности над дебиторской, образовавшейся у предприятий, функционирующих на территории страны; раскрыты проблемы управления задолженностью и необходимость совершенствования методов контроля исполнения обязательств контрагентами.
Ключевые слова: дебиторская задолженность, безнадежная задолженность, кредиторская задолженность, проблемная задолженность, просроченная задолженность, сомнительная задолженность, управление задолженностью
Для цитирования: Шашкова Т. Н., Хабибуллина Л. Ж. Дебиторская и кредиторская задолженность: современное состояние, проблемы и методы управления // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 111–117. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-111-117.

Research article

ACCOUNTS RECEIVABLE AND PAYABLE: CURRENT STATUS, PROBLEMS AND MANAGEMENT METHODS

Tatyana N. Shashkova[1], Larisa Zh. Khabibullina[2]✉
[1,2]Ufa branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Ufa, Russia
[1]shashkova1610@mail.ru
[2]larisa_gareevajamilevna@inbox.ru✉

Abstract. The subject of the study is accounts receivable and accounts payable. The purpose of the study is to consider the state of receivables and payables in modern economic conditions, problems and methods of its management. The objectives of the study are to study the dynamics of the debt of economic entities, methods and methods of managing it, identifying problems of non-repayment in a timely manner and in full. The novelty of the study: the theoretical foundations of the management of receivables and payables, the problems of its occurrence are disclosed, and the dynamics and structure of debt are reflected on the basis of statistical information. Conclusions: the excess of accounts payable over accounts receivable, formed by enterprises operating in the country, was revealed; the problems of debt management and the need to improve methods of monitoring the fulfillment of obligations by counterparties are disclosed.

Keywords: receivables, bad debts, accounts payable, bad debts, overdue debts, doubtful debts, debt management
For citation: Shashkova T. N., Khabibullina L. Zh. Accounts receivable and payable: current statuse, problems and management methods. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2023;(2(59)):111–117. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-111-117.

Проблемы управления дебиторской и кредиторской задолженностью в современных экономических условиях для большинства предприятий являются актуальными, поскольку их доли в активах и пассивах, соответственно, обычно велики. Это связано с тем, что коммерческая деятельность компаний развивается за счет внешних источников на основе партнерских отношений с различными контрагентами. Выгодность взаимодействия выражается экономией денежных средств. Однако, есть и обратная сторона выгоды — это риски, связанные с вероятностью возникновения денежных проблем у компаний вследствие роста размеров дебиторской и кредиторской задолженности.

К проблемам управления дебиторской задолженностью следует отнести отсутствие информации о сроках погашения должниками, динамике затрат, связанных со снижением ее оборачиваемости, работы с просроченной задолженностью и по оценке платежеспособности потенциальных и действующих контрагентов; делегирование функций по сбору, обработке и анализу информации о состоянии задолженности между подразделениями и сотрудниками компаний.

Проблемы управления кредиторской задолженностью могут быть связаны с необоснованным получением кредитных средств, отсутствием оценки рисков невозврата задолженности, сведений о состоянии просроченных долгов.

Состояние и динамика задолженности компаний, функционирующих на территории Российской Федерации, наглядно отражены в таблицах 1 и 2.

По данным таблицы 1 видно, что кредиторская задолженность превышает дебиторскую задолженность. В динамике превышение составляет: в 2020 году — 2917,2 млрд руб. (0,95), в 2021 году — 2312,6 млрд руб. (0,97), в 2022 году — 2863 млрд руб. (0,97). Значения за 2020–2021 годы находятся в пределах оптимальных, что означает, что обязательства перед кредиторами могут быть не более 10 % де-

Таблица 1 — Суммарная задолженность организаций, в том числе просроченной (по состоянию на конец года)*

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Отклонение в 2022 году к 2020 году	
	млрд руб.			абс. (+,–), ед.	отн., %
Всего	125 229,6	149 930,2	175 521,0	+50 291,4	140,16
в том числе					
– кредиторская задолженность	64 073,4	76 121,4	89 192,0	+25 118,6	139,20
из нее					
текущая	60 106,4	72 281,4	84 914,0	+24 807,6	141,27
просроченная	3967,0	3840,0	4278,0	+311,0	107,84
– дебиторская задолженность	61 156,2	73 808,8	86 329,0	+25 172,8	141,16
из нее					
текущая	58 230,4	70 745,9	81 926,0	+23 695,6	140,69
просроченная	2925,8	3062,9	4403,0	+1477,2	150,49

* Разработано по [1].

Таблица 2 — Динамика организаций, имеющих просроченную задолженность (на конец года)*

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Отклонение в 2022 году к 2020 году	
	тыс. ед.			абс. (+,–), тыс. ед.	отн. %
Число организаций, имеющих					
кредиторскую задолженность	6,7	6,1	5,7	–1,0	85,07
дебиторскую задолженность	16,0	15,7	16,9	+0,9	105,62

* Разработано по [1].

биторской задолженности. Полученное соотношение менее единицы, что свидетельствует о том, что имеется угроза финансовой устойчивости компании за счет невозможности погашения обязательств вследствие отсутствия денежных средств. Превышение дебиторской задолженности над кредиторской, наоборот, означает отвлечение средств из оборота и необходимость последующего привлечения заемных средств (кредитов и займов).

В структуре кредиторской задолженности преобладает долг перед подрядчиками и поставщиками (в 2022 году — 33 637 млрд руб. (37,71 %). В том же периоде долг по налогам перед бюджетом составляет 4419 млрд руб. (4,95 %) и взносам перед внебюджетными фондами — 1095 млрд руб. (1,23 %).

Просроченная кредиторская задолженность незначительно уменьшилась в 2021 году в сравнении с 2020 годом (до 3840 млрд руб. или на 3,20 %) и увеличилась к 2022 году до 4278 млрд руб. В структуре просроченной задолженности высока доля перед подрядчиками и поставщиками — 2615 млрд руб. (61,13 % совокупной просроченной задолженности). Размер непогашенного долга по налогам в бюджет и взносам во внебюджетные фонды на конец 2022 года составляет, соответственно, 55 млрд руб. и 36 млрд руб.

Наблюдается тенденция к росту как совокупной дебиторской задолженности — с 61 156,2 до 86 329,0 млрд руб. (рост на 25 172,8 млрд руб. или на 41,16 %), так просроченной — с 2925,8 до 4403,0 млрд руб. (на 1477,0 млрд руб. или на 50,48 %).

Значительную часть дебиторской задолженности составляют долги заказчиков, в том числе просроченные. Так, по состоянию на 31 декабря 2022 г. общая задолженность заказчиков и покупателей составляет 36 616,0 млрд руб. (42,41 % к совокупной дебиторской задолженности). Удельный вес просроченной задолженности перед ними — 75,93 % к совокупной просроченной [2].

Существенно снизилась суммарная задолженность работодателей перед работниками по заработной плате. Так, по состоянию на 1 января 2023 г. она сократилась до 642,8 млн руб. (на 37,5 % по сравнению с прошлым годом). В разрезе территорий лидерами по задолженности являются Северо-западный ФО — 159,5 млн руб., Центральный ФО — 158,6 млн руб., Сибирский ФО — 93,4 млн руб. Отсутствует данная задолженность в 25 регионах. В динамике за последние три года наибольшая сумма кредиторской задолженности в части невыплат заработной платы возникла в 2022 году — 292,3 млн руб. (рост в сравнении с 2020 годом на 15,72 %, с 2021 годом — на 198,57 %). Причина данной тенденции объясняется экономической ситуацией в стране, разрывом логистических связей и уходом зарубежных компаний с российского рынка. Наибольший удельный вес задолженности по заработной плате приходится на предприятия обрабатывающего производства — более 50 %. Значительно меньшую долю имеют сфера строительства — 13 %, система образования — 5,6 %, управление недвижимым имуществом — 1,6 % [3].

Численность компаний, имеющих кредиторскую задолженность, сокращается, что не скажешь о числе владельцев дебиторской задолженности. Всего компаний-должников насчитывается 5,7 тыс., основная доля которых сконцентрирована в сферах производ-

ства, торговли, добычи полезных ископаемых и энергетики [4].

Дебиторская задолженность представляет собой разрыв во времени между актом купли-продажи и оплатой товаров и услуг, то есть возникает в случае несвоевременного выполнения или полного невыполнения двумя сторонами одной сделки своих обязательств. Долг может образоваться при исполнении контрактов, переплатах в бюджет, расчетах с персоналом. Являясь одним из наиболее ликвидных активов компаний, ее величина характеризует финансовую стабильность и может быть причиной дефицита финансовых ресурсов.

В зависимости от группировки задолженности (текущая, срок оплаты которой не наступил; непогашенная в срок (труднореализуемая, проблемная, сомнительная, безнадежная)) определяются разные способы управления ею [5]. Так, для увеличения шансов снижения риска образования проблемной дебиторской задолженности необходимо грамотно организовать договорную и претензионную работу. Детальная проработка договора исключает ошибки и отражает особенности взаимодействия с контрагентом.

Факт возможного возникновения просроченной задолженности должен быть прописан в договоре. Для этого требуется представить в договоре пункты на проведение регулярной сверки расчетов, об ответственности за несоблюдение сроков оплаты и поставок, на возникновение санкционных рисков, о последствиях обстоятельств непреодолимой силы. Особое внимание необходимо уделять проверке деловых партнеров. Недостаточно ограничиваться запросом от них максимального пакета документов, необходим постоянный мониторинг деятельности контрагентов: отслеживание информации о них в средствах массовой информации, анализ бухгалтерской отчетности, наличие/отсутствие государственной поддержки, оценка риска отрасли-присутствия.

Управление дебиторской задолженностью предусматривает отражение во внутренних документах компании зоны ответственности специалистов, системы взаимодействия с контрагентом, алгоритма урегулирования споров, результатов аудита.

С дебиторской задолженностью совершаются операции, связанные с ее расчетом, инвентаризацией, списанием, взысканием, снижением, страхованием, продажей.

Единых методик расчета величины дебиторской задолженности не имеется, каждая компания самостоятельно производит расчет перед составлением отчетности.

Инвентаризация движения и остатка задолженности является обязательной при подготовке годовой отчетности, учреждении, смене формы собственности компании, принятии материально-ответственных лиц, наступлении обстоятельств непреодолимой силы. Результатами проверки могут быть выявленные безнадежные и сомнительные долги дебиторов.

Безнадежную просроченную задолженность целесообразно списать в том случае, если расходы на ее востребование значительны в сравнении с суммой долга либо перспективы на взыскание минимальны. Отнесение безнадежной дебиторской задолженности на расходы компании-кредитора предусматривается в случае истечения срока давности, прекращения функционирования должника, окончания исполнительного производства вследствие отсутствия активов у должника [6].

Досудебные меры взыскания дебиторской задолженности: ведение доказательной переписки с контрагентом с использованием корпоративного электронного адреса; подготовка обоснованной претензии с приложением переписки и копий договоров; отражение способов представления претензий и сроков реагирования на них.

При игнорировании контрагентом предпринятых компанией досудебных мер, последней необходимо взыскать дебиторскую задолженность в судебном порядке. Однако, объявленный с 1 апреля 2022 г. мораторий на принудительное банкротство сроком на полгода, приостановил начисление штрафов, пеней и неустоек, но тем не менее не отрицал выполнения дебиторами своих обязательств по истечении судебного разбирательства.

Взыскание с дебиторов задолженности компании могут производить сами или делегировать профессионалам — юристам и специалистам-медиаторам, которые в онлайн-режиме занимаются анализом документов, направ-

ляют претензию должнику, формируют иск, обеспечивают юридическую защиту в суде, контролируют процедуру судебного разбирательства [7].

К мерам по снижению размера дебиторской задолженности следует отнести контроль платежей должников, проверку их благонадежности, разработку и внедрение системы предоплаты, напоминание о задолженности по мере ее перехода в разряд просроченной, взыскание последней.

Продажа задолженности является одним из популярных финансовых инструментов в рамках банкротских торгов. На практике продажа долга довольно редкое явление, так как кредиторы не могут оценить его стоимость. Владелец дебиторской задолженности благодаря уступке прав требования долга третьему лицу (цессия) имеет возможность вернуть в оборот своей компании денежные средства.

Операции по продаже долга совершаются на специализированных электронных торговых площадках с дисконтом. Возможно участие бенефициарам должника, заинтересованным в приобретении долга в целях усиления своего влияния на компанию-должника. Покупка долга может производится компаниями-агентами, занимающимися привлечением средств частных инвесторов и их вложением в перспективные долги.

Формирование резерва по сомнительным долгам для целей бухгалтерского учета позволяет соблюдать принцип осмотрительности и отражать дебиторскую задолженность в финансовой отчетности в реальной сумме.

Формирование резерва по сомнительной дебиторской задолженности позволяет планировать налоговую нагрузку. Величина резерва не может превышать 10 % выручки за отчетный год или 10 % выручки прошлого периода. Сравнительная характеристика резерва для бухгалтерского и налогового учета представлена в таблице 3.

Практика создания компаниями резервов по сомнительным долгам позволяет формировать источники для покрытия убытков и иметь реальную характеристику собственного финансового состояния.

Одним из поощрительных методов мотивации дебиторов является разработка и использование системы скидок, стимулирующей не только увеличение продаж, но и сокращение товарных запасов и сроков отвлечения денежных средств из оборота.

В процессе управления предприятием в целом необходимо поддерживать баланс между размерами различных видов задолженности. Именно несоблюдение оптимального соотношения их размеров может привести к неэффективному использованию ресурсов компаний. Поэтому контроль соотношения дебиторской и кредиторской задолженности является необходимой и важной.

Кредиторская задолженность в отличие от дебиторской является для ее владельца пассивом, отражает его долг перед контрагентами (покупателями, заказчиками, бюджетом, внебюджетными фондами, работниками и т. д.). Возникает либо в момент исполнения кредитором своих обязательств полностью/частич-

Таблица 3 — Сравнение резерва по сомнительным долгам в бухгалтерском и налоговом учете [8]

Отличительный признак	Бухгалтерский учет	Налоговый учет
Создание	Обязательно для всех компаний	Право для компаний на ОСН, использующих метод начислений
Включение в состав задолженности	Учитывается любая сомнительная задолженность	Учитывается лишь задолженность по реализации
Ограничения по резерву	Нет ограничений в сумме резерва	Размер резерва не может превышать 10 % выручки
Отнесение в расходы	Отчисления на формирование резерва учитываются в составе прочих расходов	Отчисления на формирование резерва учитываются в составе внереализационных расходов

но либо с даты, указанной в договоре. Наличие текущей кредиторской задолженности характеризует нормальную деятельность компании, возникновение просроченной задолженности провоцирует риск привлечения к уголовной или гражданской ответственности, риск инициирования процедуры банкротства компании-должника.

Управление кредиторской задолженностью предусматривает выявление ее рациональной структуры, установление приоритета и порядка платежей, анализ условий договоров с контрагентами, оценку динамики и оборачиваемости дебиторской задолженности, отслеживание сроков погашения кредитов, инвентаризацию задолженности. Грамотное управление задолженностью позволяет компании своевременно ее погашать и при этом соблюдать свои финансовые интересы, то есть бесплатно и временно пользоваться денежными средствами поставщиков и заказчиков. Рост долгов перед поставщиками может свидетельствовать о задержке платежей или об их отсрочке для сохранения объемов закупок.

Таким образом, план мероприятий по работе с дебиторской задолженностью включает подготовку документов в суд по перспективным долгам, списание долга по ликвидированным контрагентам, ожидание истечения срока исковой давности по безнадежным долгам. Кредиторская задолженность является источником заемных средств и может быть выгодно использована компанией-должником как бесплатный ресурс.

Совершенствование управления дебиторской задолженностью возможно за счет разработки систем скидок при досрочном погашении, уведомления дебиторов о необходимости погашения долгов, мотивации работников. Сокращению/аннулированию кредиторской задолженности способствуют проведение анализа причин ее возникновения, урегулирование взаимоотношений с кредиторами, соблюдение баланса между задолженностями [9].

Список источников

1. Финансы России. 2022 : статистический сборник. Москва : Росстат, 2022. 394 с.

2. Индексы производства по видам экономической деятельности (в процентах к предыдущему году) // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank

3. Росстат: Задолженность по заработной плате резко снизилась в начале 2023 года // RG.RU : сайт. URL: https://rg.ru/2023/01/25/rosstat-zadolzhennost-po-zarabotnoj-plate-rezko-snizilas-v-nachale-2023-goda.html. Дата публикации: 25.01.2023

4. В России вырос объем дебиторского долга. Как обеспечить выплату // РБК : сайт. URL: https://pro.rbc.ru/demo/641c08e99a794757fdaf9c7a

5. Кравчук Д. И., Кравчук В. И. Проблемы и пути решения управления дебиторской задолженностью на предприятии // Молодой ученый. 2015. № 2 (82). С. 272–274.

6. Светлана Васина. Взыскание дебиторской задолженности в период моратория на банкротство: практические рекомендации // RB.RU : сайт. URL: https://rb.ru/opinion/vzyskanie-debitorskoj. Дата публикации: 21.05.2022.

7. Дебиторская задолженность в современных реалиях: кто виноват и что делать // Клерк : сайт. URL: https://www.klerk.ru/blogs/esphere/541922. Дата публикации: 23.11.2022.

8. Резервы по сомнительным долгам в 2023 году // Главбух : сайт. URL: https://www.glavbukh.ru/art/90227-rezerv-po-somnitelnym-dolgam-v-buhgalterskom-i-nalogovom-uchete-v-2023-godu. Дата публикации: 14.03.2023.

9. Касьяненко А. Р., Слуцкая М. Ю. Управление дебиторской и кредиторской задолженностью предприятия: проблемы и пути совершенствования // Вопросы студенческой науки. 2020. Вып. 7(47). С. 3127–320.

References

1. Finances of Russia. 2022: statistical collection. Moscow: Rosstat; 2022. 394 p. (In Russ.).

2. Production indices by type of economic activity (as a percentage of the previous year). Federal State Statistics Service: official site. (In Russ.). Available from: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank

3. Russtat: Wage arrears fell sharply at the beginning of 2023. RG.RU: site. (In Russ.). Available from: https://rg.ru/2023/01/25/rosstat-zadolzhennost-po-zarabotnoj-plate-rezko-snizilas-v-nachale-2023-goda.html. Publication date: January 25, 2023.

4. In Russia, the volume of receivables has grown. How to ensure payment. RBC: site. (In Russ.). Available from: https://pro.rbc.ru/demo/641c08e99a794757fdaf9c7a

5. Kravchuk D. I., Kravchuk V. I. Problems and ways of solving receivables management at the enterprise. *Molodoj ucheny`j =Young scientist*. 2015;(2(82)):272–274. (In Russ.).

6. Svetlana Vasina. Collection of receivables during the moratorium on bankruptcy: practical recommendations. RB.RU: site. (In Russ.). Available from: https://rb.ru/opinion/vzyskanie-debitorskoj. Publication date: May 21, 2022.

7. Accounts receivable in modern realities: who is to blame and what to do. Clerk: site. (In Russ.). Available from: https://www.klerk.ru/blogs/esphere/541922. Publication date: November 23, 2022.

8. Reserves for doubtful debts in 2023. Chief Accountant: site. (In Russ.). Available from: https://www.glavbukh.ru/art/90227-rezerv-po-somnitelnym-dolgam-v-buhgalterskom-i-nalogovom-uchete-v-2023-godu. Publication date: March 14, 2023.

9. Kasyanenko A. R., Slutskaya M. Yu. Management of accounts receivable and accounts payable of an enterprise: problems and ways of improvement. *Voprosy` studencheskoj nauki = Issues of student science.* 2020;7(47):3127–320. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. Н. Шашкова — кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, аудита и статистики;
Л. Ж. Хабибуллина — магистрант.

Information about authors

T. N. Shashkova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Accounting, Audit and Statistics;
L. Zh. Khabibullina — the master student.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 23.06.2023.
The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 118–122
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):118–122

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ

Научная статья
УДК 338
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-118-122

ВЛИЯНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА СТАБИЛЬНОСТЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОМПАНИИ С РАБОТНИКАМИ И ПОТРЕБИТЕЛЯМИ

Антон Александрович Горский
Институт экономики и менеджмента Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия, aagors@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-1905-4191

Аннотация. В настоящее время цифровые технологии занимают центральное место во всех отраслях, включая сферу благотворительности и деятельности некоммерческих филантропических организаций. Распространение коронавирусной пандемии стимулировало внедрение и активное использование широкого спектра цифровых технологий. Деятельность благотворительных организаций и их стратегическое развитие находятся в зависимости от готовности к цифровому переходу: освоению и внедрению технологий практически во все сферы и направления работы. В статье проведен обзор наиболее ярких примеров, отражающих преимущества внедрения технологий charity digital в работу некоммерческих организаций, осуществляющих разные виды благотворительной деятельности в разных странах. На основе обзора сделан вывод о том, что поскольку благотворительные организации неизбежно интегрированы с цифровой экономикой, для них важно использовать новые технологии и подготовиться к стратегии цифровой трансформации, чтобы обеспечить процветание сектора цифровой благотворительности и противостоять предстоящим неопределенностям. Особое внимание уделено технологии фандрайзинга, поскольку онлайн-доноры обычно жертвуют меньше, фандрайзерам следует тщательнее работать над развитием платформ и предоставлять различные каналы для пожертвований. В статье обоснована необходимость использовать бесконтактные электронные платежи для приема пожертвований.
Ключевые слова: благотворительность, некоммерческие организации, цифровые технологии, цифровизация, развитие, стратегическое управление, перспективы
Для цитирования: Горский А. А. Влияние корпоративной социальной ответственности на стабильность взаимоотношений компании с работниками и потребителями // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 118–122. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-118-122.

SOCIAL ASPECTS OF ECONOMY

Research article

THE IMPACT OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY ON THE STABILITY OF THE COMPANY'S RELATIONSHIPS WITH EMPLOYEES AND CONSUMERS

Anton A. Gorsky
Institute of Economics and Management of Russian State University named after A. N. Kosygin (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia, aagors@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-1905-4191

Abstract. Digital technologies are currently on top in all industries, including the sphere of charity and the activities of non-profit philanthropic organizations. The spread of the coronavirus pandemic has promoted the introduction and active use of a wide range of digital technologies. The activities of charitable

organizations and their strategic development depend on their readiness for the digital transition, that is the development and implementation of digital technologies in almost all spheres and areas of work. In his article, the author provides an overview of the most striking examples reflecting the advantages of implementing charity digital technologies in the work of non-profit organizations engaged in various types of charitable activities in different countries. Based on his review, the author concludes that since charitable institutions are inevitably integrated with the digital economy, it is important for them to use new technologies and prepare for a digital transformation strategy in order to ensure the prosperity of the digital charity sector and to withstand the upcoming uncertainties. The author pays special attention to a fundraising technology. Since online donors usually donate less, fundraisers should work more carefully on the development of platforms and provide various channels for donations. The author substantiates the need to use contactless electronic payments to accept donations.

Keywords: charity, non-profit organizations, digital technologies, digitalization, development, strategic management, prospects

For citation: Gorsky A. A. The impact of corporate social responsibility on the stability of the company's relationships with employees and consumers. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):118–122. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-118-122.

Сотрудники современных компаний более креативные, технически подкованные и социально и экологически ответственные, чем их предшественники. По мере того как смена поколений приводит в рабочую силу все больше представителей поколения Z и миллениалов, и мы являемся свидетелями изменения предпочтений сотрудников относительно роли, которую компании должны играть в обществе, программы корпоративной филантропии и волонтерства становятся все более заметной частью рабочего места. Фактически более 70% сотрудников требуют от компаний социальной ответственности, более 93% считают, что организации должны целенаправленно руководить подобными программами [1].

В условиях глобальной пандемии, экологических кризисов и возрождения кампаний за социальную справедливость сегодняшний мир полон социальных волнений, которые находятся под пристальным вниманием общественности.

Это часть того, что сделало корпоративные программы социальной ответственности столь важными для современного бизнеса. Чем больше внимания уделяется тому, как организации реагируют на эти проблемы, тем сильнее давление на корпорации, требующее активизации и использования своих ресурсов для решения самых насущных мировых проблем.

Благодаря эффективной программе корпоративной социальной ответственности (КСО) предприятия могут предпринять шаги, чтобы показать, что они заботятся об этих проблемах, и завоевать общественное одобрение. Кроме того, КСО часто используется как инструмент для установления важных отношений с общественными организациями и содействия укреплению корпоративной культуры.

При этом может быть трудно поддерживать надежную программу благотворительности, если не следить за развивающимися тенденциями и технологиями в области КСО. По мнению исследователей, современные тенденции в области социально-ориентированной деятельности компаний свидетельствуют о том, что в ожидаемом будущем:

1. Социальное воздействие станет основной ценностью для бизнеса. Настоящее время — это беспрецедентная информационная эпоха, когда в несколько кликов доступно практически неограниченное количество данных, включая информацию о бизнесе и о том, что он делает, чтобы принести пользу обществу. Это показывает, насколько важна КСО для намерений потребителей и покупательских привычек, поскольку потребители очень хорошо осведомлены о методах работы вашего бизнеса и основных ценностях. Так, например, 77% потребителей заинтересованы в покупке продукта, исходя из стремления компании сделать мир лучше. Более того, 41% инвесторов-миллениалов прилагают значительные усилия для понимания практики КСО в бизнесе.

Суть в том, что люди — и особенно молодое поколение — проверяют, заботится ли бизнес

о мире и своем влиянии на него. По мере продолжения этой тенденции КСО быстро превратится из полезной программы по улучшению общественного имиджа компании в неотъемлемую часть ее основных ценностей.

Поскольку потребители следят за различными социально-политическими и экологическими кризисами, разворачивающимися сегодня, они хотят инвестировать в предприятия, которые принимают активное участие в решении этих проблем.

Прогнозируется, что все больше организаций будут внедрять идеи социальной ответственности непосредственно в свои операции и центральные миссии, начиная с поставщиков, которых они выбирают, и заканчивая установлением более справедливой бизнес-политики, чтобы компании могли рассчитывать на будущее и завоевать общественную поддержку.

2. Филантропия еще больше повлияет на удержание сотрудников.

В то время как потребители становятся все более обеспокоенными КСО и тем, как компании занимают позицию по улучшению мира, они не единственные, кого это волнует. Работники компаний также более внимательны к ценностям бизнеса, и то, как они оценивают его подход к филантропии, окажет более существенное влияние на их рвение и готовность работать на своего работодателя.

В частности, 64% миллениалов при принятии решения о том, где работать, учитывают социальную и экологическую практику бизнеса, и 83% были бы более лояльны к компаниям, которые вносят свой вклад в решение этих проблем [1]. Это особенно важно сейчас, когда активно развиваются принципы партисипативного управления и власть все больше переходит в руки сотрудников, поддерживать вовлеченность работников, их вдохновение и воодушевление работой, отношение к корпоративным социальным идеям.

Поскольку эти тенденции сохранятся, КСО останется важной частью работы сотрудников. По нашему мнению, корпоративная филантропия станет важнейшим ресурсом для того, чтобы предприятия воспитывали своих будущих сотрудников, создавали более привлекательную корпоративную культуру и способствовали удержанию сотрудников.

3. Технологии упростят корпоративные пожертвования.

В общем смысле, плохие технологии могут привести к неудовлетворенности, неэффективности и даже отставке на рабочем месте. Например, исследования показали, что 36% сотрудников подумывали об уходе со своих должностей из-за плохого опыта работы с технологиями.

Это верно, когда речь идет о любом отделе или области бизнеса, включая корпоративные благотворительные программы. Это не значит, что сотрудники уйдут, если инициативы в области КСО будут осуществляться неэффективно, но это, безусловно, может повлиять на их мнение о компании и ее приверженности социальной ответственности.

В последние годы мощь и эффективность программного обеспечения для корпоративных пожертвований стремительно возросла благодаря разработке надежных инструментов, которые могут помочь в реализации программ пожертвований натурой, программ подбора подарков и других ключевых инициатив в области КСО.

Поскольку корпоративная филантропия продолжает приобретать все большее значение для потребителей, инвесторов и сотрудников, эти платформы КСО будут использоваться все большим числом компаний для оптимизации и улучшения своих корпоративных программ филантропии.

4. Многие программы КСО будут диверсифицированы.

Когда-то чека местной благотворительной организации могло быть достаточно, чтобы показать сообществу, сотрудникам и другим целевым аудиториям, что бизнес стремится продвигать миссии общественного блага.

Однако в настоящее время КСО вышла далеко за рамки простых денежных пожертвований и включает в себя множество программ, которые могут принести пользу бизнесу.

Среди альтернативных инициатив КСО, способных помочь бизнесу достичь своих уникальных целей, можно назвать такие, как пожертвования натурой или дни волонтеров.

Пожертвования натурой — это неденежные подарки, а именно товары, услуги или опыт компании. Этот вид КСО может быть удобным способом для бизнеса поддержать благотворительные акции, заработать положительную известность и повысить лояльность к бренду. Например, бизнес может осуществлять пожертвования натурой, используя дополнительные запасы для получения призов на аукционе или подарочных пакетов для мероприятий, что является экономически эффективной и общедоступной стратегией повышения отдачи от своих филантропических усилий.

Дни волонтеров или служения предполагают организацию специальных дней, когда сотрудников поощряют участвовать добровольцами в благотворительных мероприятиях или программах в сообществе. Эти программы часто сопровождаются волонтерскими грантами, денежными подарками, которые направляются на благотворительность, о которой идет речь, для дальнейшей помощи делу и демонстрации сотрудникам и членам сообщества вашей приверженности общественному благу.

Хотя прямые денежные пожертвования попрежнему будут важной частью того, как компании реализуют свои стратегии КСО, ожидается, что многие предприятия будут диверсифицироваться, включив вклад клиентов и сотрудников, чтобы получить полный спектр преимуществ от других программ КСО.

Хотя может быть легко закрыть глаза на корпоративную филантропию в пользу других проектов, КСО является мощным мотиватором для потребителей, сотрудников и других составляющих, которые способствуют росту бизнеса и его финансовому успеху. Вот почему так важно внимательно следить за новыми тенденциями в области КСО и оставаться внимательным к этим быстро развивающимся инициативам.

Исследования показывают, что сотрудники хотят участвовать в благотворительной деятельности на работе — будь то волонтерство в Интернете или просто пожертвование небольшой части своей зарплаты. Несколько лет назад Nielson сообщила, что во всем мире 73% потребителей готовы потратить больше денег на продукт, если он от устойчивого бренда [2]. Согласно исследованию Horizon Media, 81% молодых людей ожидают, что компании публично возьмут на себя обязательства по обеспечению хорошей корпоративной гражданской позиции [3]. 55% сотрудников сообщили, что предпочли бы работать в социально ответственной организации, даже если это означало бы более низкий доход [4]. Кроме того, потребители также хотят приобретать услуги и товары у так называемых небезразличных компаний.

Исследование американского журнала Charities Snapshot Employee Donor Research Report показывает, что более 71% сотрудников утверждают, что работать в компании, где культура поддерживает волонтерство и благотворительность, обязательно или чрезвычайно важно [5]. Сотрудники, которые верят, что их компания эффективно реализует программы корпоративной социальной ответственности:

– в 2 раза реже покидают компанию;

– в 3,1 раза более удовлетворены своей работой;

– в 5,6 раза сильнее доверяют руководству компании;

– в 3,6 раза чаще рекомендуют таланты из своей сети контактов своему работодателю.

В результате корпоративная социальная ориентированность компаний является фактором удержания персонала и обеспечения его лояльности. Сегодня удержать сотрудников непросто, привлечь таланты высшего уровня еще сложнее. Компаниям крайне важно участвовать в решении вопросов социального воздействия, если они хотят, чтобы их считали ответственными в глазах своих клиентов и современной рабочей силы.

Характер корпоративной благотворительности начал развиваться с XIX века вместе с изменениями в промышленности, обществе и экономике. Корпоративная филантропия как часть корпоративной политики социальной ответственности сегодня принимает множество форм — от владельцев бизнеса, ориентированных на государственную службу, до пожертвований церковным благотворительным организациям и любимым проектам, даже в качестве широко охватывающей стратегии КСО.

Список источников

1. 5 corporate philanthropy trends to embrace in 2022 // Goodworld : сайт. URL: https://goodworldnow.com/articles/5-corporate-philanthropy-trends-to-embrace-in-2022/. Дата публикации: 15.12.2021.
2. Corporate Social Responsibility Matters: Ignore Millennials at Your Peril // HUFFPOST : сайт. URL: https://www.huffpost.com/entry/corporate-social-responsi_b_9155670?guccounter=1
3. Faw L. Millennials Expect More Than Good Products, Services To Win Their Loyalty // FORBES : сайт. URL: https://www.forbes.com/sites/larissafaw/2014/05/22/millennials-expect-more-than-good-products-services-to-win-their-loyalty/?sh=779387e75697. Дата публикации: 22.05.2014.
4. 2016 Cone Communications Employee Engagement Study // Conecom.com : сайт. URL: https://conecomm.com/2016-employee-engagement-study /
5. Snapshot Employee Research: What Employees Think about Workplace Giving, Volunteering, and CSR // America`s Charities : сайт. URL: https://www.charities.org/Snapshot-Employee-Research-What-Employees-Think-Workplace-Giving-Volunteering-CSR

References

1. 5 corporate philanthropy trends to embrace in 2022. Goodworld: site. Available from: https://goodworldnow.com/articles/5-corporate-philanthropy-trends-to-embrace-in-2022. Publication date: December 15, 2021.
2. Corporate Social Responsibility Matters: Ignore Millennials at Your Peril. HUFFPOST: site. Available from: https://www.huffpost.com/entry/corporate-social-responsi_b_9155670?guccounter=1
3. Faw L. Millennials Expect More Than Good Products, Services To Win Their Loyalty. FORBES: site. Available from: https://www.forbes.com/sites/larissafaw/2014/05/22/millennials-expect-more-than-good-products-services-to-win-their-loyalty/?sh=779387e75697. Publication date: May 22, 20214.
4. 2016 Cone Communications Employee Engagement Study. Conecom.com: site. Available from: https://conecomm.com/2016-employee-engagement-study/
5. Snapshot Employee Research: What Employees Think about Workplace Giving, Volunteering, and CSR. America`s Charities: site. Available from: https://www.charities.org/Snapshot-Employee-Research-What-Employees-Think-Workplace-Giving-Volunteering-CSR

Информация об авторе

А. А. Горский — старший преподаватель кафедры управления.

Information about the author

A. A. Gorsky — senior lecturer of the Department of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.05.2023; одобрена после рецензирования 14.06.2023; принята к публикации 23.06.2023.
The article was submitted 31.05.2023; approved after reviewing 14.06.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 123–127
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):123–127

Научная статья
УДК 331.5
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-123-127

БЕЗРАБОТИЦА: ВИДЫ, ПРИЧИНЫ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Михаил Юрьевич Кузнецов[1]✉,Олег Садикжанович Соколов[2]
[1]Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия
[2]Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия
[1]mukuz@rambler.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-4701-4595
[2]7yard@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-2975-225X

Аннотация. Безработица считается одним из важных показателей состояния экономики страны и одной из серьезных проблем социально-экономического развития общества. Негативные последствия безработицы влияют не только на развитие государства, но и на человека, у которого нет постоянного заработка. Безработица может привести к проблемам с физическим и психическим здоровьем. Поэтому регулирование этого явления — серьезная и важная задача. Безработица — это не только экономическое, но и социальное явление. В статье показаны причины безработицы, рассмотрены ее виды.
Ключевые слова: безработица, причины безработицы, население, психическое здоровье, образование
Для цитирования: Соколов О. С., Кузнецов М. Ю. Безработица: виды, причины, социально-экономические последствия // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 123–127. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-123-127.

Research article

UNEMPLOYMENT: TYPES, CAUSES, SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES

Mikhail Yu. Kuznetsov[1]✉, Oleg S. Sokolov[2]
[1]Scientific Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Department of Healthcare of the City of Moscow, Moscow, Russia
[2]Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia
[1]mukuz@rambler.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-4701-4595
[2]7yard@bk.ru , https://orcid.org/0000-0003-2975-225X

Abstract. Unemployment is considered one of the most important indicators of the state of the country's economy and one of the serious problems of socio-economic development of society. The negative consequences of unemployment affect not only the development of the state, but also a person who does not have a permanent income. Unemployment can lead to physical and mental health problems. Therefore, the regulation of this phenomenon is a serious and important task. Unemployment is not only an economic, but also a social phenomenon. The article shows the causes of unemployment, its types are analyzed.
Keywords: unemployment, causes of unemployment, population, mental health, education
For citation: Sokolov O. S., Kuznetsov M. Yu. Unemployment: Types, Causes, Socio-Economic Consequences. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):123–127. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-123-127.

Безработица выступает традиционным явлением на современных рынках труда вне зависимости от региона и отрасли. Глобальные данные свидетельствуют о том, что в общемировом масштабе уровень безработицы снизился в 2022 году на 0,4 процентных пункта и по прогнозу аналитиков Международной организации труда (МОТ) в 2023 году достигнет 5,8 %, при этом снижение уровня безработицы наблюдалось во всех регионах. Тем не менее, за этими основными показателями рынка труда скрываются признаки того, что дефицит достойной работы усугубился во многих регионах, в том числе в связи с неформальной занятостью в Латинской Америке и Карибском бассейне и некачественными рабочими местами в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В докладе МОТ «Перспективы мировой занятости и социальной сферы: тенденции 2023 года» (WESO Trends) также прогнозируется, что глобальный рост занятости составит всего 1,0 % в 2023 году, что обеспечивает менее половины от уровня 2022 года. Ожидается, что глобальная безработица незначительно возрастет в 2023 году, примерно на 3 млн, до 208 млн (что соответствует глобальному уровню безработицы в 5,8 %) [2].

По мнению Генерального директора МОТ Гай Райдер, «миллионам простых людей все труднее построить лучшую жизнь с помощью работы. Условия рынка труда способствуют разрушению социальной сплоченности во многих наших обществах» [3].

Уровень безработицы «в Российской Федерации в последнее десятилетие стабилен. Снижался с 7,3 % в 2010 году до 5,5 % в 2012–2013 гг., позднее некоторый подъем был лишь в 2015 году (до 5,6 %). В 2019 году цифра составила 4,6 %» [1].

Число «зарегистрированных безработных в России на конец 2022 г. составило 564 тыс. чел., что почти на 30 % ниже аналогичного показателя годом ранее» [4].

По мнению экспертов, ситуация безработицы в России остается однозначно стабильной. Уровень регистрируемой безработицы стоит «на прежнем уровне — 0,7 %. В 2023 году ситуация также остается стабильной, а по оценке Минэкономразвития — «благоприятной» [5].

Безработица — это ситуация, когда человек, способный, квалифицированный и желающий работать по существующей ставке заработной платы, не получает работу. Стоит заметить, что определение безработицы не включает людей, которые покидают работу по таким причинам, как выход на пенсию, нахождение в психиатрических учреждениях, получение средне-специального и высшего образования, нахождение на действительной военной службе и инвалидность.

В экономической теории вплоть до настоящего времени нет единой трактовки понятия «безработица». Существуют разные методологические подходы к объяснению безработицы.

Сегодня сфера занятости предстает перед новыми вызовами, которые связаны с развитием современных технологий. Повышаются требования к приему на работу. Настало время информационного общества. Передовые информационные технологии постепенно вытесняют работников, что также вызывает безработицу.

Э. Тоффлер считал, что «одним из основных социальных рисков постиндустриального общества и его дальнейшей фазы развития — информационного, является безработица» [7].

Безработица очень разнообразна по своему происхождению. Она неравномерно распределяется среди социальных групп в зависимости от таких факторов, как регион, промышленность, пол, социально-экономический класс. Экономический спад является важной причиной безработицы на международном и национальном уровнях.

Рабочую силу страны L можно представить как сумму занятых E и безработных U:

$$LL = EE + UU. \quad (1)$$

Уровень безработицы u — это отношение количества безработных U к количеству лиц, представляющих рабочую силу L, выраженное в процентах:

$$uu = UULL \cdot 100\,\%. \quad (2)$$

Выделим основные виды и типы безработицы, которые детерминируются в зависимости от различных причин.

Фрикционная безработица появляется в период самопоиска работником нового рабочего места. Фрикционная безработица относится к периоду между увольнением работника со старой работы и поиском новой. Этот вид безработицы не вызывает беспокойства, поскольку он возникает естественным образом и обычно добровольно.

Основные причины фрикционной безработицы:

– переезд в другой населенный пункт или страну;

– изменение жизненных, личных и профессиональных интересов.

Так же фрикционная безработица возникает из-за того, что работодателям и работникам требуется время, чтобы найти друг друга (выпускники ПТУ, колледжей, университетов, институтов и т. д.). Это самый приемлемый вид безработицы, причинами которой могут быть как самооценка выпускников, так и плата за информацию в кадровых агентствах (иногда, чтобы получить информацию о хорошей работе, надо предварительно внести плату за информацию) и т. п.

Государству под силу попытаться сократить фрикционную безработицу, сосредоточив внимание на ее источнике — расходах на информацию. Бесплатная информация снижает фрикционную безработицу.

Безработица «ожидания», другими словами «вынужденная» безработица, когда человек хочет работать, ищет работу, но не может найти ее.

Открытая безработица — это когда значительная часть населения не получает постоянного источника дохода в виде работы.

Скрытая безработица, при которой люди не попадают в статистику рынка труда, но готовы работать, если бы у них была возможность. Люди просто потеряли надежду в поисках работы. Однако, если бы им дали шанс, они бы работали. Данный вид безработицы труднее всего отследить.

Сезонная безработица. Некоторые рабочие места требуют занятости только в определенные сезоны (гардеробщики, сборщики клубники, заготовители лекарственных трав, работники кафе в курортных зонах и т. п.). Многие специалисты выделяют ее и как «неустойчивую» безработицу, потому что она связана с временем года или сезоном.

Добровольная безработица связана с нежеланием людей работать по различным причинам (понижение заработной платы или надбавок, требование работодателя оставаться ежедневно после рабочего времени и работать на безвоздмезной основе, изменение условий труда и т. д.). Например, когда фирмы расширяют объем производства, они могут неохотно нанимать дополнительных работников до тех пор, пока не будут уверены, что спрос на увеличение объема производства будет устойчивым. Фирмы могут увеличить продолжительность рабочего дня сотрудников или попросив сотрудников, занятых полный рабочий день, работать сверхурочно, но все работники готовы на это.

Структурная безработица. Это такой вид безработицы, который связан с падением спроса на товары или услуги. Она возникает в результате технологических изменений в структуре экономики, в которой функционируют рынки труда. Из-за резких изменений в экономической структуре страны может нарушиться цепочка спроса и предложения. Есть несколько профессий, которые утратили свою популярность (например: кучер, машинистка, молочник, жгон, щорник и глашатай). Однако в данном виде безработицы выделяют профессиональную, структурную, профессиональную безработицу. Например, врач терапевт не может стать врачом стоматологом, учитель математики не может стать учителем географии. Иногда пожилые работники не могут использовать новые технологии (например, компьютерные технологии), набор навыков работника не соответствует навыкам, требуемым на имеющихся рабочих местах, и их приходится увольнять в пользу более опытных работников.

Другая причина, по которой может возникнуть структурная безработица, даже если занятость равна ее естественному уровню, связана с потенциальным несоответствием между навыками, которые ищут работодатели, и навыками, которые предлагают потенциальные работники. Структурная безработица также может быть результатом географических несоответствий. Дорогостоящий или неудобный транспорт может помешать некоторым городским жителям, которые не смогли найти работу в городе, получить ее в сельских районах и наоборот. Переподготовка в данном случае может

быть не только сложной, но и дорогостоящей. Государство может помочь системе дополнительного образования, оплачивая всевозможные курсы для тех городских жителей, кто хочет работать в сельской местности.

Циклическая безработица — это безработица, которая возникает из-за экономического кризиса в результате спада производства. Прогресс не стоит на месте и вещи, которыми все вокруг пользовались еще вчера, сегодня уже используются немногими людьми или вообще устарели (например, пейджер, автомобиль марки «Запорожец», холодильник «ЗИЛ-Москва», кассетная магнитола). Поэтому люди, которые были заняты на их производстве, переучиваются, чтобы остаться востребованными.

Маргинальная безработица — безработица лиц, вышедших из мест лишения свободы, лиц, которые злоупотребляют спиртными напитками. Безработные люди могут совершать преступления, чтобы заработать деньги, в связи с чем уровень преступности растет. Это ухудшает как экономическую, так политическую ситуацию в социуме.

Частичная безработица все чаще приходит в социум, так как возникает в связи с экономическими трудностями на том или ином производстве. Здесь стоит говорить о неполной занятости.

Работник, который был сокращен до работы на неполный рабочий день не по зову сердца, по-прежнему считается официально занятым, хотя сам человек предпочел бы работать полный рабочий день.

Человек, который не имеет работы, хотел бы работать, искал работу в прошлом году и доступен для работы, но который отказался от поисков, считается «обескураженным работником».

Зарегистрированная безработица — это когда люди, которые не работают, официально взяты на учет. Данный вид безработицы может понравиться человеку и тогда будет иметь место уже хроническая безработица [6].

Рассмотрим последствия и социальное воздействие безработицы.

Люди могут оказаться безработными по разным причинам. Каждый источник безработицы имеет совершенно разные последствия не только для самого человека, но и для всей государственной политики.

Достаточно длительная безработица может привести человека к финансовой нестабильности и даже к бедности и может вызвать проблемы как с физическим, так и с психическим здоровьем. Финансовая нестабильность вызывает разочарование, потерю уверенности в себе и душевного спокойствия. Люди, которые долго ищут работу, могут подвергаться процессам стигматизации и самостигматизации [6].

Бедность из-за безработицы заставляет людей искать альтернативные способы получения денег, что приводит к росту числа преступности.

Безработица вынуждает людей сокращать свои обычные жизненные потребности, в том числе в хорошей еде, покупке витаминов, что создает «нездоровое население».

Анализ ситуации на рынке труда показывает, что более востребованы специалисты с высшим образованием, а приоритетное место занимают технические и технологические специальности. Также отметим востребованность специалистов со знанием английского или нескольких языков. Значительно вырос спрос на специалистов со знанием китайского языка.

На наш взгляд, государство должно помогать населению найти работу по специальности, особенно вчерашним выпускникам. Стоит рассмотреть опыт Республики Беларусь о целевом распределении бюджетников по специальности и социальной помощи молодым специалистам.

Возросла потребность в усовершенствовании всей системы информационного обеспечения рынка труда.

Достойный труд имеет основополагающее значение для социальной справедливости.

Для сокращения безработицы в сельской местности необходимы индустриализация, строительство и ремонт дорог, модернизация устаревших комбинатов и ферм и т. д.

Необходимо создание более гибких условий для получения работы женщинам, которые имеют детей, особенно матерям-одиночкам.

Одним из направлений снижения безработицы может и должна стать система дополнительного образования взрослых.

Сегодня каждому специалисту важно и нужно быть готовым к любым экономическим переменам.

Список источников

1. World Employment and Social Outlook. Trends2023. Geneva : International Labour Office, 2023. 190 p.
2. 2023 год не сулит ничего хорошего для мировой экономики // Инфотехника : сайт. URL: https://infotekst.ru/zhaloby/2023-god-ne-sulit-nichego-khoroshego-dlya-miro.html. Дата публикации: 18.01.2023.
3. В мире 470 миллионов человек являются безработными или частично занятыми // Информационный портал «PROnalogi.by». URL: https://pronalogi.by/news/v-mire-470-millionov-chelovek-yavlyayutsya-bezrabotnymi-ili-chastichno-zanyatymi. Дата публикации 19.01.2020.
4. Новости в России и мире // ТАСС : сайт. URL: https://tass.ru/ekonomika/17083097. Дата публикации: 18.04.2023.
5. Тревожные симптомы растущей занятости. Росстат сообщил об очередном снижении безработицы // RBC.RU : сайт. URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2023/03/03/6400712f9a79474d18f79446. Дата публикации: 03.03.2023.
6. Липай Т. П. Социализация и процесс стигматизации в обществе // Гуманитарно-экономический вестник. 2006. № 1. С. 81–88.
7. Кучма К. П., Кучма О. П, Горбунова О. Н. Безработица: виды, причины и пути решения // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 2. С. 77–83.
8. Виды и причины возникновения безработицы: влияние на экономику // MMF : бизнес-портал. URL: https://moneymakerfactory.ru/spravochnik/chto-takoe-bezrabotitsa1. Дата публикации: 01.03.2020.

References

1. World Employment and Social Outlook. Trends2023. Geneva: International Labour Office; 2023. 190 p.
2. 2023 does not bode well for the global economy. Infotekhnika: site. (In Russ.). Available from: https://infotekst.ru/zhaloby/2023-god-ne-sulit-nichego-khoroshego-dlya-miro.html. Publication date: January 18, 2023.
3. Worldwide, 470 million people are unemployed or underemployed. Information portal "PROnalogi.by". (In Russ.). Available from: https://pronalogi.by/news/v-mire-470-millionov-chelovek-yavlyayutsya-bezrabotnymi-ili-chastichno-zanyatymi. Publication date: January 19, 2020.
4. News in Russia and the world. TASS: site. (In Russ.). Available from: https://tass.ru/ekonomika/17083097. Publication date: April 18, 2023.
5. Alarming symptoms of growing employment. Rosstat announced another decrease in unemployment. RBC.RU: site. (In Russ.). Available from: https://www.rbc.ru/newspaper/2023/03/03/6400712f9a79474d18f79446. Publication date: March 03, 2023.
6. Lipai T. P. Socialization and the process of stigmatization in society. *Gumanitarno-e`konomicheskij vestnik = Humanitarian and Economic Bulletin.* 2006;(1):81–88. (In Russ.).
7. Kuchma K. P., Kuchma O. P., Gorbunova O. N. Unemployment: types, causes and solutions. *Social`no-e`konomicheskie yavleniya i processy` = Socio-economic phenomena and processes*. 2015;(2):77–83. (In Russ.).
8. Types and causes of unemployment: impact on the economy. MMF: business portal. (In Russ.). Available from: https://moneymakerfactory.ru/spravochnik/chto-takoe-bezrabotitsa1. Publication date: March 03, 2020. (In Russ.).

Информация об авторах

М. Ю. Кузнецов — начальник отдела аспирантуры и ординатуры;
О. С. Соколов — аспирант.

Information about authors

M. Yu. Kuznetsov — the Head of Postgraduate and Residency Department;
O. S. Sokolov — the graduate student.

Статья поступила в редакцию 23.05.2023; одобрена после рецензирования 08.06.2023; принята к публикации 23.06.2023.
The article was submitted 23.05.2023; approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 128–134
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):128–134

Научная статья
УДК 321.022
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-128-134

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА

Павел Яковлевич Фельдман[1]✉, Николай Михайлович Ненин[2]
[1,2]Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия
[1]pavelfeld@mail.ru✉
[2]nikolaynenin@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена оценке гармонизирующего потенциала социального партнерства в контексте возможного использования его механизмов для обновления актуальной редакции общественного договора между властью и гражданами России. Необходимость обращения к заявленной проблеме обусловлена назревшей потребностью в ревизии доминирующего подхода к распределению общественных ресурсов на фоне угрозы дестабилизации политической обстановки в стране. По мнению авторов, наилучшим способом превентивного урегулирования межклассовых конфликтов в условиях долгосрочного противостояния между Россией и коллективным Западом является применение неокорпоративистских механизмов координации интересов для приведения общественного договора в соответствие с текущими реалиями и вызовами времени. Его концептуальной основой должно стать возобладание социально-консервативных ценностей над неолиберальными идеологемами. В данном контексте социальное партнерство может рассматриваться в качестве основополагающего фактора обеспечения национального согласия. Успешная практика регулирования социально-трудовых отношений посредством заключения трехсторонних соглашений между профсоюзами, объединениями работодателей и органами исполнительной власти может быть взята за основу при заключении и корректировке общественного договора в масштабах всей страны.
Ключевые слова: общественный договор, политическое представительство интересов, социальное партнерство, неокорпоративизм, трипартизм, группы давления, политическая стабильность
Для цитирования: Фельдман П. Я., Ненин Н. М. Социальное партнерство как механизм формирования нового общественного договора // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 128–134. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-128-134.

Research article

SOCIAL PARTNERSHIP AS A MECHANISM OF FORMING A NEW SOCIAL CONTRACT

Pavel Ja. Feldman[1]✉, Nikolay M. Nenin[2]
[1,2]Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia
[1]pavelfeld@mail.ru✉
[2]nikolaynenin@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the assessment of the harmonizing potential of social partnership in the context of the potential use of its mechanisms to update the current version of the social contract between the government and the citizens of Russia. The need to address the stated problem is due to the urgent need to revise the dominant approach to the distribution of public resources in conditions of the threat of destabilization of the political situation in the country. According to the authors, the best way to prevent the settlement of inter-class conflicts in the conditions of long-term confrontation between

Russia and the collective West is the use of neo-corporatist mechanisms for coordinating interests to bring the social contract in line with the current realities and challenges of the time. Its conceptual basis should be the predominance of socially conservative values over neoliberal ideologems. In this context, social partnership can be considered as a fundamental factor in ensuring national accord. The successful practice of regulating social and labor relations through the conclusion of tripartite agreements between trade unions, employers' associations and executive authorities can be taken as a basis for the conclusion and adjustment of a social contract throughout the country.

Keywords: social contract, political representation of interests, social partnership, neo-corporatism, tripartism, pressure groups, political stability

For citation: Feldman P. Ja., Nenin N. M. Social partnership as a mechanism of forming a new social contract. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):128–134. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-128-134

Отрезок новейшей истории России с 2020 по 2023 гг. стал периодом экзистенциальных испытаний и глубинных институциональных трансформаций. Во всех подсистемах общественной жизни происходили стремительные преобразования, обусловленные необходимостью быстрой адаптации к условиям перманентной турбулентности. Едва преодолев последствия пандемии COVID-19, страна столкнулась с беспрецедентными по своей остроте вызовами для национальной безопасности. На международном уровне происходят тектонические сдвиги, которые в конечном итоге приведут к коренному переустройству миропорядка, сложившегося после завершения Холодной войны. Этот процесс сопровождается эскалацией вооруженных конфликтов, углублением цивилизационных разломов, экономическими кризисами и потрясениями, деградацией нравственно-этических принципов массовой коммуникации. По мере формирования многополярного мира противостояние между Россией и коллективным Западом будет лишь обостряться. Обращаясь с посланием к Федеральному Собранию в 2023 году, В. В. Путин справедливо указал на то, что зарубежными силами будут предприниматься попытки «расшатать и расколоть наше общество» [1]. Осложнение социально-экономической ситуации под воздействием санкций создает дополнительные политические риски. Следовательно, актуализируется потребность в совершенствовании механизмов и технологий, обеспечивающих поддержание гармоничных отношений между властью и обществом.

Внутренняя политика России эволюционирует, адаптируясь к непростым реалиям эпохи глобальной неопределенности. Закономерным образом меняются положения прежнего общественного договора, концептуальные контуры которого были сформированы в начале «нулевых годов». В данном контексте уместно будет привести дефиницию термина «общественный договор», предложенную отечественными исследователями Е. В. Балацким и Н. А. Екимовой. По мнению указанных авторов, этим понятием обозначается «набор взаимных обязательств между верховной властью (государством) и населением (обществом), которые по умолчанию принимаются обеими сторонами и тем самым обеспечивают консенсус для дальнейшего мирного существования нации» [2, с. 76]. На рубеже XX и XXI веков содержание общественного договора в России детерминировал исходящий от населения запрос на воспрепятствование административно-территориальному распаду страны и обеспечение граждан элементарными экономическими благами. При этом на идеологическом уровне сохранялась вторичность по отношению к американской и европейской культурам, выражавшаяся в стремлении к имплементации западных норм и правил. Потребовалось двадцать лет, чтобы процесс ревизии либеральных стандартов общественной жизни завершился внесением изменений в Конституцию. Пронизанные духом консерватизма поправки к основному Закону Российской Федерации, поддержанные общенародным голосованием в июле 2020 г., явили собой попытку «нащупать» уникальный путь развития страны. Наряду со стремлением к деколонизации и суверенизации, в обновленной редакции общественного договора воплотилась потребность в поддержании гражданского мира и согласия посредством реализации

принципов экономической, политической и социальной солидарности.

Специальная военная операция (СВО), начавшаяся 24 февраля 2022 г., без преувеличения может считаться рубежным этапом в новейшей истории нашей страны. Она придала необратимый характер тенденциям, наметившимся после вхождения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации. Можно согласиться с В. А. Ильиным и М. В. Моревым, согласно которым «к реальному формированию нового общественного договора можно будет приступить только после достижения целей СВО» [3, с. 33]. Тем не менее, основные принципы зарождающейся системы взаимоотношений между властью и обществом начинают выкристаллизовываться уже сейчас. Краеугольным камнем данной системы, на наш взгляд, является обострившееся у граждан на фоне национально-патриотического подъема чувство социальной справедливости. Перед лицом внешней угрозы россияне продемонстрировали единение и стойкость. Чем более сплоченным становится общество, тем сильнее ощущается адресованный элитам запрос на проявление классовой солидарности с массами. «Консервативный поворот», инициированный политическим руководством страны, удовлетворяет чаяния граждан в отношении ценностных аспектов общественного бытия. Его закономерным следствием стало изменение принципов регулирующего воздействия государства на сферы образования и культуры. Однако содержание общественного договора не сводится исключительно к вопросам идеологии и публичной морали, по поводу которых на данный момент установился относительно прочный консенсус. На следующем витке исторического развития антилиберальный тренд должен получить закономерное продолжение в виде пересмотра доминирующих подходов к распределению и перераспределению общественных ресурсов.

Очевидно, что договорная модель отношений между властью и социальной периферией не может распространяться на все направления государственной политики. Она малоэффективна в сфере обеспечения национальной безопасности, когда речь идет о парировании внешних и внутренних угроз. Применительно к вопросам реализации политической власти в условиях многовекторной конфронтации с Западом более уместно использовать понятие «пакт», а не «общественный договор». Как справедливо отмечают А. О. Бокова и Р. Р. Палеха, пакт, в отличие от договора, «ограничивает способность граждан влиять на политическую ситуацию в государстве», а также предполагает добровольный отказ «от ряда свобод ради предоставления материальных благ и защиты» [4, с. 162]. Полагаем, что заключению, пролонгации и корректировке общественного договора имманентна процедура публичного торга между равными или сопоставимыми по степени политического влияния акторами. Для реализации этого процесса, на наш взгляд, необходимо сочетание трех ключевых факторов (предпосылок):

1. Политические предпосылки. Субъекты договорных отношений должны существовать в рамках одной системы идеологических координат, признавать авторитет главы государства, иметь схожее представление о приоритетах и целях национального развития, обладать стремлением к достижению компромисса и нацеленностью на предотвращение социально-политических конфликтов.

2. Институциональные предпосылки. Легитимность общественного договора определяется характером заключающих его субъектов. Со стороны граждан в этом процессе могут участвовать политические объединения и организованные группы давления, обладающие демократическим мандатом на представительство их интересов. Кроме того, требуются официально признаваемые государством диалоговые платформы, на базе которых осуществлялся бы процесс согласования позиций сторон.

3. Функциональные предпосылки. Необходимы отлаженные механизмы согласования общественных интересов, позволяющие фиксировать результаты межгруппового торга в форме нормативных документов, а также действенные инструменты взаимного контроля исполнения достигнутых договоренностей.

На сегодняшний день в России констатируется высокая степень сформированности политических предпосылок для перезаключения общественного договора. Его новая редакция должна сочетать в себе консервативные идео-

логемы с принципами экономического патриотизма и протекционизма. При этом не могут быть проигнорированы социальные реалии эпохи СВО, когда широкие слои населения оказались вовлеченными в дело защиты Отечества. Служащие Вооруженных сил Российской Федерации, бойцы добровольческих формирований, мобилизованные лица, работники предприятий оборонно-промышленного комплекса, военные медики, волонтеры и другие категории граждан, прямо или косвенно содействующие достижению целей СВО, обрели политическую субъектность и получили веские основания рассчитывать на государственную поддержку. Все элементы политической системы Росссийской Федерации стараются артикулировать и оперативно удовлетворять интересы вышеуказанных социальных групп. Однако применительно к обществу в целом ощущается дефицит институтов, которые бы обеспечивали репрезентацию насущных потребностей граждан. Существующие в современной России политические партии не имеют четкой социально-классовой привязки, что заставляет усомниться в их способности справляться с вышеуказанной задачей.

Процесс заключения или перезаключения общественного договора традиционно принято отождествлять с характерными электоральными процедурами: референдумами, конституционными плебисцитами, выборами всех уровней. Нередко в научных и публицистических источниках встречается тезис о том, что процедура голосования представляет собой «подписание контракта» между гражданами и их избранниками. Тем не менее электоральные механизмы политического представительства интересов не всегда эффективны в контексте реализации общественно-договорных отношений. Выборы, проходящие один раз в 4–6 лет, в силу своей цикличности не могут обеспечить своевременный учет стремительно меняющихся потребностей граждан. Восполнить этот пробел призваны институты функционального представительства, деятельность которых носит оперативный и системный характер. Наиболее успешным примером осуществления подобной деятельности в современной России служит практика социального партнерства в сфере регулирования социально-трудовых отношений. Участниками трехстороннего диалога в данном случае являются органы исполнительной власти, представители наемных работников (профсоюзы) и ассоциации работодателей. Предметом согласования выступает совокупность вопросов, связанных с оплатой труда, условиями найма, гарантиями занятости, налоговой и денежно-кредитной политикой, промышленной безопасностью, социальной защитой, развитием регионов и т. д. Авторы настоящей статьи полагают, что Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации следует рассматривать в качестве одной из редакций общественного договора.

Сложившаяся в современной России модель трипартизма (неокорпоративизма) обладает рядом существенных достоинств. Во-первых, ее институциональная подсистема отличается высоким уровнем развития. К ней принадлежат ассоциативные группы интересов, хорошо осведомленные о насущных потребностях всех субъектов общественно-производственных отношений. Эти группы интересов (прежде всего, профсоюзы и объединения работодателей) обладают четкой организационной структурой, отлаженной системой управления, профессиональным бюрократическим аппаратом. Во-вторых, система социального партнерства носит всеобъемлющий и всепроникающий характер. Практика заключения двусторонних и трехсторонних соглашений имеет место на уровне конкретных предприятий, муниципальных образований, регионов, административных округов и отдельных отраслей экономики. В-третьих, трипартизм всегда ориентирован на принятие компромиссных, взаимосогласованных решений, учитывающих пожелания всех участников диалога. Таким образом снимаются наиболее острые социальные противоречия и предотвращаются межклассовые конфликты. Это выгодно отличает неокорпоративистские практики от выборов и референдумов, основанных на принципе демократического диктата: «большинство всегда право». Процедуру экспертизы и обсуждения на уровне рабочих групп Российской трехсторонней комиссии (РТК) проходят проекты Федеральных законов и нормативных пра-

вовых актов органов исполнительной власти, прямо или косвенно затрагивающих сферу труда и занятости. В-четвертых, процедура заключения и корректировки трехсторонних соглашений отличается высокой оперативностью, что позволяет своевременно дополнять их положениями, касающимися наиболее острых и актуальных проблем. Наконец, в-пятых, субъекты социального партнерства обладают правовыми механизмами контроля исполнения достигнутых ими договоренностей. В случае их нарушения наступает юридическая ответственность.

В октябре 2022 г. на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент Российской Федерации В. В. Путин упомянул «сложный диалог между представителями работодателей, профсоюзами и Правительством», идущий на площадке РТК [5]. Глава государства также отметил, что проведение СВО не отменяет необходимости повышения уровня оплаты труда наемных работников. На сегодняшний день этот вопрос, непосредственно относящийся к сфере социального партнерства, является одним из ключевых пунктов формирующегося общественного договора. Реалии экономической жизни в условиях СВО, продолжающейся уже более года, требуют пересмотра механизмов и принципов распределения материальных благ. Осознание данного обстоятельства политическим руководством страны дает основания рассчитывать на повышение заработных плат, расширение спектра социальных гарантий и рост реально располагаемых доходов населения по итогам 2023 года. В современных условиях все инициативы профсоюзов, ориентированные на улучшение жизни наемных работников, получают дополнительную политическую аргументацию. Необходимость их реализации продиктована насущной потребностью в поддержании согласия между властью и обществом на фоне стремления недружественных государств «раскачать» ситуацию в России посредством эскалации межклассовых противоречий.

Выступая на заседании Генерального совета Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) в апреле 2023 г., председатель крупнейшего объединения наемных работников страны М. В. Шмаков реалистично оценил вероятность реализации западных планов по дестабилизации политической обстановки в Российской Федерации. С его точки зрения, подобные намерения имеют все шансы воплотиться в жизнь, «если страна будет расколота изнутри, если будет проводиться неправильная экономическая и социальная политика, если будут нарушаться законы и Конституция» [6]. Нежелание государства и бизнеса прислушиваться к голосу профсоюзов, как отметил глава ФНПР, может привести к тому, что на определенном этапе требования о повышении уровня оплаты труда провозгласит «голос стихийной улицы» устами «псевдонародных бунтарей» [6]. Таким образом, редактирование общественного договора посредством институтов и практик социального партнерства может рассматриваться в качестве превентивного средства от «цветных революций». Однако, в силу ряда объективных и субъективных причин, гармонизирующий потенциал российской модели трипартизма вплоть до настоящего момента остается нераскрытым.

Вышеуказанная проблема главным образом лежит в политической плоскости. В соответствии с давно изжившим себя неолиберальным подходом к регулированию социально-трудовой сферы, на организационном уровне собственники средств производства сохраняют доминирующее положение. В трудовом законодательстве не содержится требования о наличии коллективного договора на предприятии (обязательство работодателя заключается лишь в том, чтобы начать коллективные переговоры, если соответствующая инициатива исходит от представителей трудового коллектива). Как правило, коллективные договоры имеются в организациях, где охват сотрудников профсоюзным членством достигает 50 %. Иными словами, социальное партнерство не представляется возможным без деятельного участия объединений наемных работников. В свою очередь крупные первичные организации профсоюзов сохраняются там, где функции работодателя прямо или опосредованно выполняет государство (образование, здравоохранение, культура, государственное и муниципальное управление, железнодорожные перевозки, связь и т. д.). В частном секторе экономики социально-партнерские отношения по-прежнему широко реализуются в маши-

ностроении, энергетике, металлургии, строительстве, сельском хозяйстве. Сфера услуг и торговля, равно как малый и средний бизнес, практически полностью выпадают из российской системы трипартизма. Аналогичная ситуация закономерным образом отмечается там, где имеют место теневая и неформальная занятость (в данном контексте речь преимущественно идет об организациях, которые в качестве главной рабочей силы используют прекариат, лишенный элементарных трудовых и гражданских прав).

Авторы настоящей статьи глубоко убеждены в том, что коллективные договоры и трехсторонние соглашения выступают ключевыми элементами нормативной подсистемы отношений между обществом и элитами в лице представителей власти и бизнеса. Дабы экономические противоречия между собственниками капитала и наемными работниками не переросли в политические конфликты общенационального масштаба, необходимо сделать практику социального партнерства всеобъемлющей. Наличие на предприятиях всех отраслей дееспособных профсоюзных организаций, играющих роль социальных демпферов, следует рассматривать как неотъемлемое условие поддержания политической стабильности. Выгодоприобретателем в данной ситуации выступает само государство, одна из ключевых функций которого заключается в недопущении межклассовой конфронтации. Политическую волю руководства страны целесообразно направить на продуцирование формальных правил и неформальных директив, обязывающих представителей исполнительной власти и работодателей создавать необходимые условия для тотального охвата всех секторов экономики социальным партнерством. Проводником реализации этой инициативы могли бы стать профессиональные союзы, доказавшие свою приверженность национально ориентированному курсу суверенного развития России.

Сегодня многие общественно-политические деятели и представители науки справедливо указывают на отсутствие в нашей стране идеологии, которая бы придавала осмысленность функционированию всех подсистем общества. Некоторые авторы склонны отождествлять понятия «национальная идея» и «общественный договор», поскольку оба они используются для обозначения некой точки соприкосновения интересов граждан, государства и бизнеса [7]. Идейной основой формирующегося в современной России общественного договора могло бы стать возведение принципов единения и согласия в ранг абсолютных ценностей. Социальное партнерство (трипартизм) как универсальный способ гармонизации межгрупповых отношений следует экстраполировать на все сферы. С нашей точки зрения, корпоративистские механизмы согласования общественных интересов соответствуют отечественной политической традиции в гораздо большей степени, чем характерные для западной культуры институты партийного представительства и лоббизма, основанные на принципе «каждый сам за себя». В условиях долгосрочного противостояния с недружественными зарубежными странами фрагментация российского общества представляется недопустимой. Оптимальным средством достижения национального согласия по поводу содержания общественного договора выступает социальное партнерство, механизмы которого на практике отработаны объединениями работодателей, профсоюзами и органами исполнительной власти.

Список источников

1. Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию 2023 г. // Президент России : официальный сайт. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70565

2. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Общественный договор в России: до и после 2022 года // Журнал институциональных исследований. 2022. Т. 14, № 3. С. 74–90.

3. Ильин В. А., Морев М. В. В стране формируются контуры нового общественного договора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 6. С. 9–34.

4. Бокова А. О., Палеха Р. Р. Теория общественного договора: история и современность // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2021. № 1 (36). С. 160–163.

5. Стенограмма заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России : официальный сайт. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/69695. Дата публикации: 22.10.2022.

6. «О совершенствовании систем оплаты труда и социальной политики в современных условиях» : доклад Председателя ФНПР М. В. Шмакова на Генеральном Совете ФНПР 11 апреля 2023 г. // Федерация независимых профсоюзов России : официальный сайт. URL: https://fnpr.ru/documents/dokumenty-federatsii/doklad-predsedatelya-fnpr-mikhaila-shmakova-na-zasedanii-generalnogo-soveta-fnpr-11-aprelya-2023-god.html

7. Кузина С. И., Пастухов Т. Ю. Национальная идея через призму теории общественного договора // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 199–203.

References

1. Presidential Address to the Federal Assembly in 2023. President of Russia: official site. (In Russ.). Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/70565

2. Balatsky E. V., Ekimova N. A. Social contract in Russia: before and after 2022. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij = Journal of institutional studies.* 2022;(14(3)):74–90. (In Russ.).

3. Ilyin V. A., Morev M. V. A framework for a new Social Contract is being formed in Russia. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast.* 2022;(15(6)):9–34. (In Russ.).

4. Bokova A. O., Palekha R. R. Public contract theory: history and modernity. *Vestnik Voronezhskogo instituta vysokih tekhnologij = Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies.* 2021;(1(36)):160–163. (In Russ.).

5. Transcript of the meeting of the Valdai International Discussion Club. President of Russia: official site. (In Russ.). Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/69695. Publication date: October 27, 2022.

6. "On the improvement of wage systems and social policy in modern conditions": M. V. Shmakov`s Report of the CFITUR at the General Council CFITUR on April 11, 2023. Federation of Independent Trade Unions of Russia: official site. (In Russ.). Available from: https://fnpr.ru/documents/dokumenty-federatsii/doklad-predsedatelya-fnpr-mikhaila-shmakova-na-zasedanii-generalnogo-soveta-fnpr-11-aprelya-2023-god.html

7. Kuzina S. I., Pastukhov T. Yu. National idea through the prism of the theory of social contract. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal management. Scholar Notes*. 2021;(1):199–203. (In Russ.).

Информация об авторах

П. Я. Фельдман — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии;
Н. М. Ненин — аспирант кафедры философии и социологии.

Information about authors

P. Ya. Feldman — Candidate of Science (Political), Assistant Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology;
N. M. Nenin — the graduate student of the Department of Philosophy and Sociology.

Статья поступила в редакцию 03.05.2023; одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 23.06.2023.
The article was submitted 03.05.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 135–140
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):135–140

Научная статья
УДК: 346.26:338.2(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-135-140

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Елена Николаевна Ястребова[1], Александра Викторовна Досугова[2]✉
[1,2]Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия
[1]e.n.yastrebova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5145-4091
[2]dosugovaalex@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-0539-4083

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуальных проблем развития современных экономических систем, связанных с расширением деятельности социального предпринимательства. Исследование проводилось на примере деятельности социальных предприятий Российской Федерации, где данная активность только начинает зарождаться. Отдельное внимание уделено предпосылкам расширения практик социального предпринимательства в стране. Также представлена разработанная авторская модель социально-ответственного бизнеса и в качестве примера приведено несколько перспективных вариантов его развития.
Ключевые слова: социальное предпринимательство, Россия, бизнес-модель, население, уровень жизни
Для цитирования: Ястребова Е. Н., Досугова А. В. Перспективы развития социального предпринимательства в России// Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 135–140. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-135-140.

Research article

DEVELOPMENT PROSPECTS OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA

Elena N. Yastrebova[1], Alexandra V. Dosugova[2]✉
[1,2]Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia
[1]e.n.yastrebova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5145-4091
[2]dosugovaalex@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-0539-4083

Abstract. The article is devoted to the consideration of topical problems of the development of modern economic systems associated with the expansion of social entrepreneurship. The study was conducted on the example of Russia, where this activity is just beginning to emerge. Special attention is paid to the prerequisites for the expansion of social entrepreneurship practices in the country. The author's developed model of socially responsible business is also presented, and several promising options for its development are given as an example.
Keywords: social entrepreneurship, Russia, business model, population, standard of living
For citation: Yastrebova E. N., Dosugova A. V. Development prospects of social entrepreneurship in Russia. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):135–140. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-135-140.

В современной экономической среде постоянно усложняются и видоизменяются сферы ведения предпринимательской деятельности, происходит их расширение, объединение и интеграция [1]. Перманентный поиск новых возможностей, ориентация на инновации и совер-

шенствование всех бизнес-процессов, умение эффективно привлекать и оптимально использовать для решения своих задач ресурсы из разных источников создают необходимую основу для экономического роста, обеспечения стабильности функционирования и достижения предпринимательского успеха.

В таких условиях чаще всего внимание привлечено к развитию предприятий традиционных видов экономической деятельности, в частности промышленных, коммерческих, страховых и т. д. Однако такой подход в нынешних условиях глобальных трансформаций и модернизации экономических систем требует осовременивания и развития новых, прогрессивных видов предпринимательства, которые позволят учесть актуальные вызовы развития и оживить предпринимательскую среду в государстве.

Ориентация России на интеграцию в международное экономическое пространство, включение отечественных хозяйственных комплексов в глобальные цепочки разделения труда и создания добавленной стоимости предусматривает необходимость реализации целого ряда требований. Из их числа наиболее важными являются следующие: устранение существенной разницы в доходах населения страны, снижение безработицы, увеличение уровня защищенности уязвимых слоев общества, расширение экономических и социальных прав граждан.

Ответом на обозначенные вызовы и требования является социальное предпринимательство, которое представляет собой особый вид занятости, направленной на положительные инновационные изменения в обществе: смягчение или решение социальных проблем за счет доходов, полученных от собственной деятельности [2].

Главное отличие от обычного бизнеса состоит в том, что для социального предпринимательства получение и распределение прибыли не являются самоцелью или основными задачами.

В условиях большого количества социальных проблем и социально уязвимых групп населения социальное предпринимательство приобретает все большую популярность в России, хотя пока еще доля социальных предприятий в ВВП страны составляет всего 0,36 % и большая часть из них — это малый бизнес. Более подробная информация о месте и вкладе социального предпринимательства в благополучие и национальное богатство в России представлена в таблице 1.

Сегодня в условиях неопределенности, обострения социально-экономических проблем в стране, а также в контексте реализуемых структурных изменений в хозяйственном комплексе, идея социального предпринимательства привлекает все большее внимание предпринимателей, общественных организаций, инициативных групп и ученых, инициируя потребность в обобщении и проведении отдельного, более углубленного исследования данной проблематики, что и обуславливает выбор темы.

Значительный вклад в теоретико-методологические и эмпирические исследования социальных инноваций и социального предпринимательства внесли такие исследователи, как Т. А. Саттаров, Ю. Р. Хайруллина, Р. Р. Гарипова, Хеме Азури, Тайеб Хафси, Одри Чиа.

Таблица 1 — Расчет доли социальных предприятий в ВВП России [3]

Структура малого бизнеса			
	Количество	Количество социальных предприятий из них, %	Количество социальных предприятий из них, ед.
Малые предприятия	1 900 000	1	19 000
Социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО)	113 237	30	33 971
Индивидуальные предприниматели	2 499 000	1	24 990

Модели развития социального предпринимательства в разных странах мира, с разным уровнем дохода активно изучают Е. В. Мезенцева, Е. В. Королюк, В. А. Брилёва, И. И. Эсмантович, Саурабх Лалл, Джейкоб Парк.

Особенности функционирования законодательных, организационных и финансовых инструментов развития социального предпринимательства входят в круг научных интересов Н. И. Булыгиной, Н. П. Иващенко, А. Милюкова, Т. Демидовой, Гайтри Кумари, Эбикиней Стэнли Эгурузе, Ю Чен, Лесли Джордан Альберт.

Однако сложность экономических и социальных проблем современного общества влечет за собой необходимость углубленного исследования аспектов функционирования социального предпринимательства. Отдельного внимания заслуживает комплекс нерешенных вопросов, связанных с инструментами привлечения к развитию социального предпринимательства государства и региональных органов власти.

Таким образом, цель статьи заключается в рассмотрении перспектив развития социального предпринимательства в России.

Итак, как уже отмечалось ранее, социальное предпринимательство использует методы и подходы ведения бизнес-деятельности для решения социальных, культурных и экологических проблем, возникающих в обществе, таких как искоренение бедности, повышение уровня жизни, поддержка уязвимых слоев населения. Одной из главных целей социального предприятия является поддержание устойчивости и самодостаточности путем реинвестирования прибыли, полученной от различных операций, согласно стратегии развития малого и среднего предпринимательства Российской Федерации на период до 2030 года [2].

Целью стратегии является развитие сферы малого и среднего предпринимательства как одного из факторов инновационного развития страны и совершенствования отраслевой структуры экономики.

Стратегия направлена на создание конкурентоспособной, гибкой и адаптивной экономики, обеспечивающей высокий уровень индивидуализации товаров и услуг, высокий уровень технологического обновления и стабильную занятость.

Приоритетные области стратегии:

– интеграция вспомогательных функций для малого и среднего бизнеса;

– стимулирование спроса на продукцию малого и среднего бизнеса, в том числе путем расширения доступа таких предприятий к закупкам товаров, работ, услуг организациями государственного сектора экономики;

– создание условий для повышения производительности труда в малом и среднем бизнесе;

– обеспечение доступности финансовых ресурсов для малого и среднего бизнеса;

– совершенствование политики в области налогообложения и неналоговых платежей;

– повышение качества государственного регулирования в секторе малого и среднего бизнеса;

– стимулирование развития предпринимательской деятельности на определенных территориях.

Реализация стратегии к 2030 году увеличит долю малого и среднего бизнеса в валовом внутреннем продукте в два раза (с 20 до 40 %), оборот малого и среднего бизнеса в 2,5 раза, производительность труда в этом секторе в два раза, долю обрабатывающей промышленности в обороте сектора малого и среднего бизнеса (без учета индивидуальных предпринимателей) — до 20 %, а долю числа занятых в этом секторе в общей численности занятого населения — до 35 %.

Принятое решение направлено на обеспечение координации действий властей на всех уровнях, представителей бизнес-сообщества и организаций, формирующих инфраструктуру поддержки в развитии малого и среднего бизнеса.

Принимая во внимание текущую ситуацию в России и уровень общественного развития, считаем, что есть ряд предпосылок, которые прямо или косвенно влияют на увеличение количества социальных предприятий в стране. Рассмотрим их более подробно.

1. Экономическая ситуация. Отсутствие ресурсов в государственном бюджете и финансирование социальной сферы по остаточному принципу побуждает людей и общество в целом становиться более активными и искать инновационные подходы к решению своих проблем, поэтому перспективы развития социаль-

ного предпринимательства в стране связаны, в большей степени, с реакцией на сложную экономическую ситуацию.

2. Отсутствие норм в гражданском законодательстве, регулирующих деятельность социальных предприятий как наиболее оптимальную организационно-правовую форму, с точки зрения бизнес-модели, так и с позиций упрощения режима налогообложения.

3. Недостаточное количество трудовых ресурсов, отвечающих современным требованиям управления предприятиями социального профиля. При этом проведенный анализ показал наличие человеческих ресурсов, мало задействованных в традиционном бизнесе, в частности: люди с инвалидностью, пострадавшие от вооруженных конфликтов; национальные меньшинства; пожилые граждане; молодежь с проблемами социализации; люди с тяжелыми хроническими заболеваниями; люди, вышедшие из мест лишения свободы; многодетные семьи.

На следующем этапе исследования рассмотрим ряд практических аспектов развития социального предпринимательства в России.

Необходимость ориентированной на доход деятельности для социальных предприятий означает постановку задачи создания уникальной бизнес-модели в рамках сосуществования принципов и правил ведения бизнеса, характеристик рынка и ценностей, таких как конкуренция, диверсификация, открытость, инновации, в сочетании с потребностями, которые генерирует само сообщество, обеспечивая тем самым общественную ценность, согласно Федеральному закону от 01.04.2020 № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации" в целях развития национальной гарантийной системы поддержки малого и среднего предпринимательства» [4].

Требования к успешной бизнес-модели заключаются в том, чтобы предложить операционную стратегию, которая включает как внутреннюю структуру организации, так и внешние партнерские отношения, посредством которых социальное предприятие сможет создать определенное социальное воздействие, что предусматривалось Национальным проектом «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [5].

Кроме того, успешная бизнес-модель социального предпринимательства должна также содержать полную ресурсную стратегию, подразумевающую, каким образом организация сможет приобретать определенные формы финансового и человеческого капитала.

На рисунке 1 представлена разработанная авторами модель социального предпринимательства в России, охватывающая три ключевые сферы, с выделением внутренних элементов и контура внешних партнерских связей.

Опираясь на схему, представленную на рисунке 1, можно привести несколько перспективных направлений развития социального предпринимательства в Российской Федерации:

– Создание цифровой платформы для торговли товарами местных ремесленников. Реализация этой идеи позволит помочь ремесленникам, находящимся в неблагоприятном положении, продавать свою продукцию по всему миру. Каждый производитель может либо управлять своим интернет-магазином напрямую, либо платформа может выступать просто в качестве службы объявлений, которая соединяет продавцов с покупателями. Доход создается либо путем взимания платы за размещение объявлений непосредственно с ремесленника, либо через комиссионные от проданных товаров, либо посредством включения премиальной платы в цену. Полученная прибыль может быть использована для финансирования социальных услуг, которые непосредственно затрагивают сообщества ремесленников;

– Организация онлайн-команды компьютерных работников, нанятых из малозанятых сообществ. Эффективный менеджмент позволит не только обучить работника, но и создать рабочую команду. Поскольку каждый человек обладает высокой микроспециализацией, большая команда формируется как виртуальный «конвейер» и завершает проект быстрее, дешевле и с более высокими стандартами качества, чем традиционный метод найма на месте или аутсорсинга широкопрофильного специалиста. Работники виртуального конвейера получают более высокую заработную плату, чем зарабатывают обычно, выполняя рутинную работу.

Рисунок 1 — Модель социального предпринимательства в России

В соответствии со стратегией поддержки социального предпринимательства на заседании Координационного комитета Фонда президентских грантов было принято решение о распределении 2 млрд руб. на софинансирование поддержки некоммерческих организаций в субъектах Российской Федерации в 2023 году [6].

По мнению авторов наиболее перспективными в ближайшие годы будут такие области социального предпринимательства как:

– образовательные услуги;

– услуги детских садов и яслей;

– хосписы, услуги сиделок и патронажных сестер;

– медицинские и оздоровительные услуги;

– социально-бытовые услуги.

Потребителями этих услуг чаще всего будут:

– лица с ограниченными возможностями здоровья, инвалиды;

– пенсионеры и люди предпенсионного возраста;

– одинокие родители, воспитывающие несовершеннолетних детей, в том числе детей-инвалидов;

– дети, оставшиеся без попечения родителей;

– выпускники и воспитанники детских домов;

– многодетные семьи.

Таким образом, социальное предпринимательство сегодня представляет собой тренд современного развития экономики. Перспективы развития данного направления в России связаны с социальной реабилитацией, внедрением новых механизмов решения существующих социальных проблем, привлечением в хозяйственный оборот уязвимых слоев населения и повышением их благосостояния.

Список источников

1. Шавырина И. В. Социальное предпринимательство в системе социально-экономического развития общественных отношений // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 254–259.

2. «О Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г. и плане мероприятий («дорожной карте») по ее реализации» : Распоряжение Правительства Российской Федера-

ции от 02.06.2016 № 1083-р // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71318202/

3. Омарова К. А. Социальное предпринимательство как инновационный инструмент решения социальных проблем // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 9 (119). С. 148–157.

4. «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации”» в целях развития национальной гарантийной системы поддержки малого и среднего предпринимательства» : Федеральный закон от 01.04.2020 № 83-ФЗ : Принят Государственной Думой 11 марта 2020 г. : Одобрен Советом Федерации 25 марта 2020 г. : последняя редакция // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349065/

5. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Министерство экономического развития Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/

6. Софинансирование региональных конкурсов в 2023 году // Фонд Президентских грантов : официальный сайт. URL: https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/regional-finance

References

1. Shavyrina I. V. Social entrepreneurship in the system of socio-economic development of public relations. *Social`no-gumanitarny`e znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2020;(3):254–259. (In Russ.).

2. “On the Strategy for the Development of Small and Medium Enterprises in the Russian Federation for the period up to 2030 and the Action Plan (“Road Map”) for its Implementation”: Decree of the Government of the Russian Federation dated June 2, 2016 No. 1083-r. GARANT. RU: information and legal portal. (In Russ.). Available from: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71318202

3. Omarova K. A. Social entrepreneurship as an innovative tool for solving social problems. *Regional`ny`e problemy` preobrazovaniya e`konomiki = Regional problems of economic transformation.* 2020;(9(119)):148–157. (In Russ.).

4. “On Amendments to the Federal Law “On the Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in the Russian Federation” in Order to Develop a National Guarantee System for Supporting Small and Medium-sized Businesses”: Federal Law dated April 1, 2020 No. 83-FL: Adopted by the State by the Gift Duma on March 11, 2020: Approved by the Federation Council on March 25, 2020: latest edition // ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349065

5. National project "Small and Medium-Sized Businesses and Support for Individual Entrepreneurial Initiatives". Ministry of Economic Development of the Russian Federation: official site. (In Russ.). Available from: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy

6. Co-financing of regional competitions in 2023 // Presidential Grants Fund: official site. (In Russ.). Available from: https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/regional-finance

Информация об авторах

Е. Н. Ястребова — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры непроизводственной сферы и социальных технологий;
А. В. Досугова– доцент кафедры экономики и менеджмента.

Information about authors

E. N. Yastrebova — Candidate of Science (Economics), Assistant Professor, Professor of the Department of Non-Production Sphere and Social Technologies;
A. V. Dosugova — Associate Professor of the Department of Economics and Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: authors contributed equally to this article.
Authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.03.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.
The article was submitted 27.03.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 141–147
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):141–147

ПРАВОВОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Научная статья
УДК 341
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-141-147

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Екатерина Сергеевна Баранова[1]✉, Марк Наумович Рудман[2]
[1,2]Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия
[1]ekaterina.sergeevna76@mail.ru✉
[2]markrudman@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются идеологические, геополитические и международно-правовые факторы евразийского сотрудничества и причины низких темпов его развития. В качестве ведущего барьера углубления торгово-экономической интеграции стран постсоветского пространства выделяется стремление государств постсоветского пространства не допустить ограничения национального суверенитета и ущемления национальных экономических интересов. Цель исследования — выявление политико-правовых проблем углубления евразийского сотрудничества и способов их устранения. В качестве эмпирической базы, позволяющей наиболее полно раскрыть содержание взаимодействия лидеров евразийской интеграции и барьеров для его развития, используется история взаимоотношений России и Казахстана по линии создания единого торгово-экономического пространства. Методы: формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой.
Ключевые слова: постсоветское пространство, единое торгово-экономическое пространство, национальная экономика, торгово-экономическая интеграция, евразийская интеграция
Для цитирования: Баранова Е. С., Рудман М. Н. Политико-правовые аспекты развития международного сотрудничества в рамках евразийского пространства // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 141–147. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-141-147.

LEGAL FIELD OF MODERN ECONOMY

Research article

POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF DEVELOPMENT INTERNATIONAL COOPERATION WITHIN THE EURASIAN SPACE

Ekaterina S. Baranova[1]✉, Mark N. Rudman[2]
[1,2]Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
[1]ekaterina.sergeevna76@mail.ru✉
[2]markrudman@yandex.ru

Abstract. The article examines the ideological, geopolitical and international legal factors of Eurasian cooperation and reasons for the low pace of its development. As a leading barrier to the deepening of trade and economic integration of the post-Soviet countries, the desire of the post-Soviet states to prevent the restriction of national sovereignty and infringement of national economic interests is highlighted. The purpose of the study is to identify political and legal problems of deepening Eurasian cooperation and ways to eliminate them. The history of relations between Russia and Kazakhstan through the creation of

a single trade and economic space is used as an empirical base that allows us to fully reveal the content of interaction between the leaders of Eurasian integration and barriers to its development. Methods: formal-legal, historical-legal and comparative-legal.

Keywords: post-Soviet space, common trade and economic space, national economy, trade and economic integration, Eurasian integration

For citation: Baranova E. S., Rudman M. N. Political and legal aspects of development international cooperation within the eurasian space. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2023;(2(59)):141–147. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-141-147

Расширение экономического сотрудничества на взаимовыгодной основе с самого основания СНГ являлось основной целью государств постсоветского пространства. Фундаментальной основой евразийской интеграции стала географически и экономически обусловленная выгода от расширения торговых связей и создание единого торгово-экономического евразийского пространства. В вопросах социально-политического и историко-культурного характера сразу после распада СССР между государствами евразийского пространства возникли острые противоречия, затрудняющие углубление интеграции. Но необходимость развития торгово-экономического сотрудничества на основе одинаково присущих всем странам-участницам Евразийского экономического союза (ЕАЭС) особенностей «евразийского» мест развития признавалась политической элитой всех постсоветских государств, не вовлеченных в круг преобладающего влияния европейского «общего рынка».

Идея выражения объединяющих все страны постсоветского пространства интересов через учет специфики их принадлежности именно к культурному наследию евразийской культурной, хозяйственной, торговой и экономической традиции была реализована через учреждение единого евразийского экономического пространства [1, с. 70].

Концептуально-теоретические основы доктрины единства евразийского пространства заложены еще современниками геополитических и социальных потрясений XX века, напряженно размышлявших о перспективах восстановления древних хозяйственных связей между народами евразийского пространства как одновременно материальной и духовной основе поддержания мира и стабильности. К числу таких мыслителей относятся историки В. Вернадский, Л. Гумилев, Л. Корсавин, ученый и правозащитник А. Сахаров, политики М. Горбачёв и А. Акаев. К их идеям обращаются политики новой формации, возглавившие новые государства, возникшие на постсоветском пространстве после распада СССР. В новой форме идея евразийства выражается через концепцию углубления торгово-экономической интеграции государств-участников СНГ. Первой попыткой политико-правовой реализации положений концепции евразийства стало подписание в октябре 2000 г. руководителями Беларуси, Казахстана, России, Таджикистана и Киргизии Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), зафиксировавшего принципы объединения усилий стран евразийского региона по созданию единого экономического и таможенного пространства. В числе основных достижений ЕврАзЭС выделяются завершение оформления режима свободной торговли для стран сообщества государств на постсоветском пространстве, выработку согласованной системы тарифных и нетарифных мер экономического стимулирования торгового сотрудничества и производственной кооперации, а также стимулирование и поддержание свободы оборота капитала на постсоветском пространстве.

Согласие лидеров Беларуси, Казахстана и России по поводу вопросов ускорения торгово-экономической интеграции ускорило процессы формирования необходимых для этого наднациональных органов международного евразийского экономического сообщества.

В 2012 году в порядке развития механизмов интеграции учреждена Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), получившая административно-правовой статус наднационального евразийского органа управления, которая стала координировать множество направлений деятельности экономического союза стран-участниц евразийского Таможенно-

го союза (ТС). Именно на основе ее унифицирующей в сфере развития законодательства ЕврАзЭС и ТС впервые в постсоветской истории в регионе действительно были запущены механизмы международной экономической интеграции. ЕЭК выражает в своей организационно-правовой и консультативной деятельности интересы наднационального евразийского союза как хозяйственного сообщества, все участники которого признают единство целей функционирования евразийского сообщества. Конкретные решения ЕЭК признаются в качестве обязательных на территориях всех государств — участников ТС [2, с. 106].

На базе ЕЭК удалось достигнуть согласия о статусе, полномочиях и местах расположения других наднациональных органов, необходимых для углубления торгово-экономической интеграции: ЕЭК дислоцируется в столице России — Москве, Евразийский суд — в столице Беларуси — Минске. К 2025 году в столице Казахстана предполагается разместить резиденцию евразийского наднационального органа по регулированию финансового рынка.

Крупным и перспективным достижением евразийской интеграции является включение в рамки полномочий ЕЭК регулирования евразийской торговой политики. В 2014 году ЕврАзЭС был ликвидирован по причине достижения предварительной договоренности его лидеров о создании нового, но уже более интегрированного торгово-экономического сообщества.

Соглашение об учреждении ЕАЭС было официально утверждено 29 мая 2014 г. на уровне глав государств лидерами Беларуси, Казахстана и России и вступило в силу с 1 января 2015 г. Уже 2 января 2015 г. в состав ЕАЭС вошла Армения, а в августе того же года Кыргызстан.

Углубление евразийского сотрудничества на основе ЕАЭС рассматривается в настоящее время в качестве оптимальной для России, Казахстана и государств Средней Азии стратегической перспективы развития международных отношений на постсоветском пространстве. Повышение уровня интеграции предполагается достигнуть через снятие всех административных преград для свободного оборота товаров, услуг, капиталов и рабочей силы между государствами — участниками ЕАЭС [3, с. 104].

ЕАЭС создан в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе (Договор о ЕАЭС) путем согласованных действий правительств государств, вошедших в его состав, направленных на поддержание общего экономического пространства [4].

Принципами деятельности нового союза согласно ст. 25 Договора о ЕАЭС являлись обеспечение стабильного функционирования внутреннего товарного рынка, проведение единой в рамках территорий государств-участников таможенной политики и свободную транспортировку товаров через границы государств — членов ЕАЭС без применения к любых мер государственного контроля, за исключением случаев, предусмотренных указанным договоров [5, с. 4].

После организационно-правовых мероприятий по запуску торгово-экономических интеграционных процессов в ЕАЭС впервые в истории постсоветского экономического пространства удалось путем согласования действий правительств установить общий режим отказа от использования финансовых и иных ограничений для хозяйственного оборота, что обуславливало перспективы общих экономических выгод.

Создание ЕАЭС при наличии политической воли сделать этот акт практическим шагом к повышению эффективности торговли в рамках границ всех государств — участников евразийского сообщества мог бы повлечь за собой согласованные меры по делегированию некоторых полномочий экономического суверенитета государств — участников ЕАЭС в пользу наднациональных органов управления сообществом. Но именно этот шаг оказывается до настоящего времени непреодолимым барьером для развития торгово-экономической интеграции в рамках ЕАЭС, поскольку политические лидеры указанных государств, включая Россию, несмотря на частые политические декларации о необходимости углубления интеграции, крайне настороженно воспринимают перспективу ограничения своих административных в пределах национального суверенитета полномочий в пользу наднациональных органов ими же учрежденного объединения — ЕАЭС.

История экономических отношений показывает, что объективным требованием к феномену

межгосударственных союзов, обуславливающим экономический и политический эффект от их заключения, является ограничение экономического, а при необходимости и политического суверенитета стран, выбравших опять же в силу особенностей национальной экономики, идеологии или геополитического положения, путь взаимной интеграции. Объясняется это требование объективной природой общественных отношений, в основе которых лежит необходимость объединения, то есть направления усилий субъектов на достижение не только национальных целей, но и интересов сообщества в целом [6, с. 7].

Естественно, что любое государство нацелено на максимально возможное манипулирование преимуществами своего природного местоположения и следующих из него экономических возможностей, а также геополитической конфигурации сил вблизи своих границ. При таком отношении к вопросам внешней политики суверенитет, дающий возможности самостоятельной выработки политики национального правительства, ведет к резкому ограничению возможностей экономической интеграции. Очевидно, что использование суверенитета для причинения тем или иным способом ущерба реализации интересов соседних государств как перспективных союзников в области экономического взаимодействия порождает взаимное недоверие и сводит к нулю эффект от ранее достигнутых успехов в этом направлении. С. Н. Зиядуллаев и Н. С. Зиядуллаев, ссылаясь на мнение многих экономистов и политологов, приходят к выводу о том, что характерная для российского правительства «фетишизация суверенитета», состоящее в сближающем общество и правительство России требовании «полного суверенитета», регулярно утверждаемое официально и лежащее в основе государственной пропаганды, контролируемой правительством России, нарушает саму атмосферу межнационального и межгосударственного доверия. Такое отношение блокирует саму возможность экономической интеграции. Присущий российскому государству геополитический подход к выработке основ международного сотрудничества опирается на использование преимуществ гигантских размеров страны и ее природных ресурсов, что предполагает тенденцию к автономности экономического развития. И он основан на игнорировании того факта, что любое международное сотрудничество основано на той или иной степени ограничения государственного суверенитета ради получения преимуществ взаимодействия [1, с. 74].

Относительно геополитического значения торгово-экономической интеграции в рамках ЕАЭС надо отметить, что укрепление международной легитимности ЕАЭС следует признать имеющим существенное значение для национальных интересов России в сфере внешней политики. Учреждение ЕАЭС позволило России четко обозначить приоритеты международной ориентации, наиболее значимым из которых стала идея евразийской торгово-экономической интеграции, которая может стать основным элементом внешнеполитической стратегии России. В современных условиях обострения отношений со странами западной цивилизации, евразийская торгово-экономическая интеграция является обновленным шансом выведения российского общества и государства из порожденного распадом СССР кризиса культурной и геополитической идентичности. Успешная интеграция Российской Федерации в рамках ЕАЭС может стать фактором снижения степени военно-политической напряженности как на региональном, так и на глобальном уровнях. Скоординированная «внешняя политика» ЕАЭС на этом фоне играет важную роль с точки зрения противодействия внутренним и внешним угрозам для России и евразийского интеграционного проекта в целом, позволяя расширить поле международного взаимодействия с другими национальными и наднациональными субъектами для решения глобальных проблем [7, с. 7].

В современном мире ни одному государству, вне зависимости от внешнеполитических амбиций и степени автономии в области обеспеченности ресурсами, невозможно обеспечить полноценное экономическое развитие как условие политической стабильности без того или иного варианта экономической интеграции. При этом надо обратить внимание, что наиболее успешными являются интеграционные проекты с наиболее высокой степе-

нью отказа от экономического суверенитета в пользу углубления выгоды для общего рынка, примером которого являются достижения экономической эффективности стран Европы, объединенных в ЕС. Если правительство Российской Федерации серьезно, а не формально предполагает участвовать в организации экономической интеграции на долгосрочной основе с другими государствами, образовавшимися на постсоветском пространстве после распада СССР, то такой настрой должен выражаться в практических шагах, демонстрирующих готовность к сотрудничеству на основе организационно-правовых институтов ЕАЭС. Только при таком отношении участие России в деятельности ЕАЭС в качестве естественного геополитического лидера постсоветского пространства может привести к реальным перспективам укрепления евразийского сообщества, которое возможно только при взаимном уважении интересов партнеров по интеграции. Взаимное доверие между государствами — участниками ЕАЭС может сформироваться только путем отказа современной Российской Федерации от сложившейся в имперский период внешнеполитической практики попыток демонстрации давления и доминирования «Москвы». При этом надо учитывать, что восприятие России и так осложняется ее общепринятым статусом наследницы «советской империи», известной навязыванием своей идеологии и системной экспансией, особенно в отношении географически близких регионов. Эффективным импульсом для углубления экономической интеграции являлось бы именно стремление к равенству в рамках ЕАЭС, при котором правительство каждого государства — участника ЕАЭС имеет право на заранее признанной нормативно-правовой основе договора об условиях интеграции заблокировать предлагаемое наднациональными органами ЕАЭС решение, считая, что оно может противоречить национальным интересам [8, с. 52].

М. А. Гончаренко и Л. И. Хомякова отмечают поверхностный характер формулировок статей Договора о ЕАЭС, регулирующих вопросы функционирования внутреннего рынка евразийского сообщества. Из них следует неготовность правительств государств — участников ЕАЭС приложить дальнейшие согласованные усилия для создания благоприятный условий реализации целей экономической интеграции. Такое отношение проявляется в тексте п. 1 ст. 28 Договора о ЕАЭС, закрепляющей полномочия ЕАЭС по разработке и проведению совместной политики по поддержанию функционирования внутреннего рынка ЕАЭС. Аналогичным образом, при отражении в ст. ст. 65 и 66 Договора о ЕАЭС цели либерализации и свободы торговли путем ограничения административных барьеров для субъектов торговых отношений в их содержании участники ЕАЭС ограничились положением о том, что не будут вводиться новые дискриминационные меры по отношению к указанным субъектам относительно режима, действующего на момент вступления в силу Договора о ЕАЭС. При этом не указаны конкретные этапы и сроки осуществления либерализации. Аналогично содержанию п. 1 ст. 28 в п. 3 ст. 66 Договора о ЕАЭС в не обязывающей ни к чему форме выражена констатация стремления государств — членов ЕАЭС к созданию и обеспечению функционирования единого рынка услуг в максимальном количестве секторов услуг.

Формальное предоставление органам управления ЕАЭС такого права не содержит никаких обязательств о сроках принятия таких мер и их конкретном содержании. Очевидно, что развитие ЕАЭС по этому пути требует согласования позиций стран-участниц в области ограничения национального суверенитета в пользу интересов углубления торгово-экономической интеграции по образцу ЕЭС. М. А. Гончаренко и Л. И. Хомякова ссылаются на мнения многих экономистов, которые сходятся на том, что такое декларативное выражение полномочий при отсутствии реальных шагов со стороны правительств отражает в современных условиях зачаточное состояние процесса формирования общего рынка государств — членов ЕАЭС [3, с. 104].

Такое состояние отражает неиспользование возможностей огромного экономического потенциала, заложенного в идее евразийской экономической интеграции. Это тем более вызывает сожаление на фоне сопоставления низкой экономической эффективности всех республик постсоветского пространства

и прочного ресурсного фундамента перспективного развития их экономик.

За первые годы функционирования ЕАЭС достигнуты некоторые успехи в сфере углубления взаимодействия по регулированию валютного обмена и оборота капиталов на внутренних финансовых рынках государств — участников ЕАЭС [9, с. 52].

Но указанные отдельные достижения не устраняют главного препятствия для развития торгово-экономического сотрудничества, заключающегося в нежелании национальных правительств государств — участников ЕАЭС расширять отношения в сфере валютного союза до введения общей для ЕАЭС валюты. В этой сфере проводится предельно сдержанная политика, ограничивающаяся принятием декларативных заявлений о намерениях, которые должны воплощаться в неясной перспективе.

Примером такого отношения являются официальные формулировки о перспективах валютного сотрудничества, в которых указано, что оно направлено на поэтапное осуществление гармонизации и сближения подходов к ее формированию, а также на создание необходимых организационно-правовых условий на национальном и межгосударственном уровнях.

Таким образом, создание ЕАЭС как высшее достижение развития международного сотрудничества в рамках евразийского пространства предполагало достижение стратегической цели получения максимального эффекта от историко-культурной близости государств постсоветского пространства, включая использование экономического, военного и гуманитарно-культурного потенциала, накопленного в годы существования Советского Союза. Учреждение наднациональных органов ЕАЭС и развитие торгово-экономической интеграции могло послужить основой нового импульса для развития многообразных связей между странами постсоветского геополитического пространства, налаженных за десятилетия существования единого советского народнохозяйственного комплекса. Однако ведущим барьером для углубления торгово-экономической интеграции и получения от нее соответствующих экономических выгод является отсутствие согласованной государствами — участниками ЕАЭС общей стратегической цели сотрудничества, из которой должна следовать последовательность конкретных интеграционных действий.

В качестве обобщающего вывода о перспективах развития международного сотрудничества в рамках ЕАЭС надо отметить, что в настоящее время этот процесс находится в застойном, зачаточном состоянии, сопровождающемся поисками в рамках экспертного сообщества эффективной и устраивающей всех участников модели торгово-экономической и валютно-финансовой интеграции. От успеха этого поиска и готовности политических лидеров государств, входящих в ЕАЭС, к отказу от идеологических стереотипов «полного суверенитета» зависит сохранение интереса гражданского общества указанных стран, прямо зависящего от состояния имущественного оборота, к углублению торгово-экономической и политической интеграции.

Список источников

1. Зиядуллаев С. Н., Зиядуллаев Н. С. Евразийский экономический союз: испытание временем // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3 (88). С. 70–83.

2. Бекяшев К. А. Право Евразийского экономического союза : учебное пособие. Москва : Проспект, 2016. 153 с.

3. Гончаренко М. А., Хомякова Л. И. Евразийская интеграция: перспективы развития // Экономика. Налоги. Право. 2016. Т. 9, № 4. С. 103–110.

4. Договор о Евразийском экономическом союзе. Астана. 29.05.2014. : редакция от 03.04.2023 // Консультант Плюс : сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855

5. Зиядуллаев Н. С. Национальные приоритеты и перспективы Евразийского экономического союза в условиях интеграции и глобальной нестабильности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11, № 15 (300). С. 2–19.

6. Зиядуллаев Н. С. СНГ: Дорога в третье тысячелетие. Проблемы развития и укрепления Содружества. Москва : ИСПИ РАН, 2002. 206 с.

7. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества / Т. А. Мешкова, В. С. Изотов, О. В. Демидкина и др. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 1. С. 7–33.

8. Данилов Ю. А. Национальные валюты во взаиморасчетах в рамках ЕАЭС: препятствия и перспективы. СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2018. 76 с.

9. Мешкова Т. А. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21, № 1. С. 7–33.

10. Петрова Г. В. Влияние международного финансового права на эффективность международной финансовой стабильности и безопасности, на интеграцию стран СНГ и сотрудничество евразийских государств // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2016. № 3 (8). С. 30–43.

References

1. Ziyadullaev S. N., Ziyadullaev N. S. Eurasian economic union: the test of time. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental`ny`x issledovanij. Gumanitarny`e i obshhestvenny`e nauki = Bulletin of the Russian Fund for Fundamental Research. Humanities and social sciences*. 2017;(3(88)):70–83. (In Russ.).

2. Bekyashev K. A. Law of the Eurasian Economic Union: a textbook. Moscow: Prospekt; 2016. 153 p. (In Russ.).

3. Goncharenko M. A., Khomyakova L. I. Eurasian integration: development prospects. *E`konomika. Nalogi. Pravo = Economics. Taxes. Right.* 2016;9(4):103–110. (In Russ.).

4. Treaty on the Eurasian Economic Union. Astana. May 29, 2014: edition of 04/03/2023. Consultant Plus: site. (In Russ.). Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855

5. Ziyadullaev N. S. National priorities and prospects of the Eurasian Economic Union in the context of integration and global instability. *Nacional`ny`e interesy`: prioritety` i bezopasnost` = National interests: priorities and security.* 2015;11(15(300)):2–19. (In Russ.).

6. Ziyadullaev N. S. CIS: Road to the third millennium. Problems of development and strengthening of the Commonwealth. Moscow: ISPI RAN; 2002. 206 p. (In Russ.).

7. EAEU in a changing geopolitical context: priorities of international cooperation / T. A. Meshkova, V. S. Izotov, O. V. Demidkina et al. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Politologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2019;21(1):7–33. (In Russ.).

8. Danilov Yu. A. National currencies in settlements within the EAEU: obstacles and prospects. SPb. : CIS EDB; 2018. 76 p. (In Russ.).

9. Meshkova T. A. The EAEU in a changing geopolitical context: priorities of international cooperation. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Politologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science.* 2019;21(1):7–33. (In Russ.).

10. Petrova G. V. Influence of international financial law on the effectiveness of international financial stability and security, on the integration of UIS countries and cooperation of the Eurasian states. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskix gosudarstv: politika, e`konomika, pravo = International cooperation of the Eurasian states: politics, economics, law*. 2016;(3(8)):30–43. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. С. Баранова — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права;
М. Н. Рудман — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права.

Information about authors

E. S. Baranova — Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Department of Theory of State and Law;
M. N. Rudman — Candidate of Science (Historical), Associate Professor of the Department of Theory of State and Law.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 23.06.2023.
The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 08.06.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 148–153
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):148–153

Научная статья
УДК 343
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-148-153

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА В КОММЕРЧЕСКОМ ПОДКУПЕ

Наиля Альфритовна Гареева[1]✉, Амир Айдарович Гареев[2]
[1]Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова, Казань, Россия, gareevana5@mail.ru✉
[2]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, amir.gareev.1999@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации посредничества в коммерческом подкупе, его разграничение со смежными видами преступлений, такими как посредничество во взяточничестве, пособничество. Целью исследования является анализ вопросов, связанных с квалификацией посредничества в коммерческом подкупе. Задачами настоящей работы являются выявление критериев разграничения посредничества; определение границ малозначительности преступления; анализ судебной практики. Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой и формально-юридический подходы к изучению посредничества в коммерческом подкупе. Авторами были проанализированы нормативно-правовые акты, судебная практика, доктринальные источники, которые помогли сформулировать критерии, отличающие посредничество в коммерческом подкупе от других видов преступлений в этой сфере.
Ключевые слова: посредничество, посредничество в коммерческом подкупе, преступление, малозначительность, взяточничество, денежные средства
Для цитирования: Гареева Н. А., Гареев А. А. Проблемы квалификации посредничества в коммерческом подкупе // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 148–153. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-148-153.

Research article

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF MEDIATION IN COMMERCIAL BRIBERY

Nailya A. Gareeva[1]✉, Amir A. Gareev[2]
[1]V. G. Timiryasov Kazan Innovative University, Kazan, Russia, gareevana5@mail.ru✉
[2]National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, amir.gareev.1999@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of qualification of mediation in commercial bribery, its differentiation with related types of crimes, such as mediation in bribery, complicity. The purpose of the study is to analyze issues related to the qualification of mediation in commercial bribery. The objectives of this work are to identify criteria for delimiting mediation; determination of the boundaries of the insignificance of the crime; analysis of judicial practice. The methodological basis of the study was the comparative legal and formal legal approaches to the study of mediation in commercial bribery. The author analyzed legal acts, judicial practice, doctrinal sources, which helped to formulate criteria that distinguish mediation in commercial bribery from other types of crimes in this area.
Keywords: mediation, mediation in commercial bribery, crimes, insignificance, bribery, money
For citation: Gareeva N. A., Gareev A. A. Problems of qualification of mediation in commercial bribery. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):148–153. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-148-153

Коррупция является одной из основных проблем общества, в России она признана в качестве угрозы национальной безопасности [1]. Ее искоренение — это одна из важнейших задач государства. Коррупция может напрямую влиять на экономическое развитие страны, доверие к государственным институтам, политическую активность, деловую инициативу. Данное влияние стоит признать негативным, так как в результате коррупции происходит неэффективное, незаконное перераспределение материальных благ. Одним из проявлений коррупции является коммерческий подкуп, о котором речь пойдет далее.

Проведенный литературный обзор свидетельствует об освещении вопросов, связанных с взяточничеством, коммерческим подкупом, в научных трудах отечественных ученых П. С. Яни, В. Ф. Щепелькова, Э. Ю. Чуклиной, Э. А. Иванова, С. А. Маркунцова, Ю. П. Гармаева [2–5]. В работе П. С. Яни, посвященной анализу малозначительности преступления применительно к посредничеству в коммерческом подкупе, автор исследует правовую природу деяний, которые заключаются во вспомогательной роли коммерческого подкупа, и делает вывод о неоднозначности общественной опасности такого деяния. В работе В. Ф. Щепелькова дается оценка правовой квалификации посредничества во взяточничестве и проводится сравнение его с посредничеством в коммерческом подкупе. В научном труде Э. Ю. Чуклиной раскрывается аргументация негативных последствий исследуемого преступления. Ученые Э. А. Иванов, С. А. Маркунцов, Ю. П. Гармаев в работе, посвященной антикоррупционному комплаенсу в компании, большое внимание уделили необходимости предотвращения посредничества в коммерческом подкупе.

С точки зрения квалификации коммерческого подкупа можно выделить следующие аспекты. Общественная опасность коммерческого подкупа сходна с дачей, получением взятки и заключается в том, что нарушается установленный законом порядок взаимодействия субъектов в коммерческой сфере. Лица, участвующие в коммерческом подкупе, в первую очередь, преследуют личную выгоду, а не стремятся добиться лучших условий сделки, например, для своей организации. Отличие от взятки заключается в том, что незаконное вознаграждение совершается вне рамок государственной системы, а ответственность не могут нести должностные лица из органов государственной и муниципальной власти.

Законодатель выделяет два альтернативных деяния, которые являются посредничеством во взяточничестве, в коммерческом подкупе: 1) передача предмета подкупа по указанию подкупаемого или подкупающего; 2) иное способствование подкупающему или подкупаемому в реализации соглашения между ними о получении или даче подкупа (взятки) [6]. Данные формулировки включены в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) в нормы про посредничество в преступлениях коррупционной направленности. Они практически идентичны, по существу почти не отличаются. Отметим, что норма посредничества в коммерческом подкупе была введена в УК РФ в 2016 году, однако новеллой она не стала, поскольку еще в 2011 году была принята статья 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве». В 2016 году роль посредника стала регулироваться отдельной нормой, специальной к ст. 291.1 УК РФ. Если сравнить эти статьи, то можно прийти к выводу, что они идентичны по большинству признаков, однако отличаются по объекту и субъекту, а также по виду общественных отношений, охраняемых данными нормами УК РФ.

Действия посредника в коммерческом подкупе регулируются ст. 204.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и данное преступление заключается в непосредственной передаче предмета коммерческого подкупа по поручению лица, которое получает или передает предмет коммерческого подкупа [6]. Однако размер коммерческого подкупа должен быть больше двадцати пяти тысяч рублей, так как в ином случае деяние в виде посредничества декриминализуется. Объективная сторона данной нормы (ст. 204.1 УК РФ) заключается в действиях правонарушителя за «доставку» предмета коммерческого подкупа от подкупающего лица к подкупаемому лицу. Что касается общественной опасности и коммерческого подкупа, и посредничества в нем, то она заключается не только в размере и объеме, но и в способе совершения преступления.

Это обусловлено тем, что способ является противоправным по определению и может посягать на права граждан, ущемлять их, наносить вред организациям. Далее отметим, что посредник в коммерческом подкупе действует от имени лица, которое хочет осуществить коммерческий подкуп. Посредник также действует в его интересах, за его счет. Этой же точки зрения придерживается Верховный Суд, указывая, что посредник выполняет лишь вспомогательную роль в преступлении, он не использует свои материальные активы, в том числе денежные средства, также он делает это не от своего имени, он не выражает свою волю непосредственно в отношении деяния в виде совершения коммерческого подкупа [7]. К тому же Верховный Суд добавляет, что посредничество в коммерческом подкупе необязательно должно заключаться в непосредственной передаче предмета коммерческого подкупа, это также может быть деятельность по организации переговоров, встречи между подкупающим и подкупаемым лицом [7]. Данные выводы находят свое отражение и в судебной практике, когда основанием для привлечения лица к ответственности является иная деятельность посредника, не связанная непосредственно с передачей предмета подкупа. В настоящее время квалификация действий посредника в коммерческом подкупе в судебной практике неоднозначна. В основном это связано с посредничеством, когда размер подкупа ниже значительного или когда размер сложно определить. Однако в большинстве дел посредничество в коммерческом подкупе квалифицируется судами верно. Это связано с большим размером подкупа и с возможностью однозначно определить его критерии.

Например, в одном из дел Басманного районного суда города Москвы рассматривался вопрос о квалификации деяния лица, которое участвовало в коммерческом подкупе в качестве посредника [8]. Дело было связано с совершением преступления в виде коммерческого подкупа для того, чтобы был подписан акт выполненных работ формы КС-2, который является обязательным юридическим актом для подписания. Посредничество в коммерческом подкупе заключалось в том, что гражданин А. склонил гражданина Б. к передаче денежных средств в размере 450 000 руб. Также сам гражданин А. в дальнейшем передал непосредственно предмет коммерческого подкупа. Он исходил из корыстных побуждений. Данные денежные средства являются крупным размером и являются предметом коммерческого подкупа. Лицо, которому был передан предмет коммерческого подкупа, осуществляло согласно своим обязанностям контроль за соответствием объемов и качества выполненных и предъявленных к оплате строительно-монтажных и реставрационных работ. В ходе проверочных мероприятий (внутренняя проверка) был выявлен ряд недостатков, препятствующих подписанию указанных актов. Именно поэтому склонение гражданина Б. к совершению коммерческого подкупа следует квалифицировать как посредничество в коммерческом подкупе по ст. 204.1 УК РФ. Данное дело демонстрирует нам, что лицо может нарушить уголовный закон, если оно склонило другое лицо к совершению коммерческого подкупа. Несмотря на это, в случае, если преступник также передал предмет коммерческого подкупа (то есть два различных деяния, которые квалифицируют, как посредничество в коммерческом подкупе), его действия признаются судом посредничеством в коммерческом подкупе.

Суды при определении квалификации преступных деяний также считают посредничеством в коммерческом подкупе выполнение лицом хозяйственно-административных функций. То есть их выполнение приравнивается к управленческим функциям и квалифицируется как посредничество [9]. В случае с посредничеством во взяточничестве нам не удалось найти похожее по сути дело, однако, представляется, что суды будут исходить из аналогичной логики, что и в следующем примере.

Хозяйственно-административные функции сотрудника компании следует трактовать как его полномочия по управлению имуществом и денежными средствами, находящимися на балансе организации, также как и деятельность по распоряжению имуществом, по определению судьбы вещи [10]. Несмотря на то, что это прямо не относится к управленческой деятельности, это смежная функция сотрудника компании, которая также может обес-

печить совершение коммерческого подкупа в компании. Однако данная позиция может противоречить ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, так как обстоятельства, подлежащие доказыванию, фактически будет сложно использовать для обоснования виновности лица в посредничестве [11]. В частности, речь идет о подтверждении виновности лица, совершившего преступление, о характере и размере вреда, причиненного преступлением.

Еще одним аспектом, рассматриваемым в данной в работе, является критерий малозначительности преступления. Он также влияет и на разграничение посредничества в коммерческом подкупе с соучастием в преступлении, в частности, с ролью пособника. Норма УК РФ о посредничестве в коммерческом подкупе содержит критерий значительного размера преступления. Ряд исследователей считает, что посредничество в коммерческом подкупе в случае незначительного размера декриминализовано, так как данное деяние нельзя в полной мере признать общественно опасным по смыслу УК РФ [2]. То есть размер коммерческого подкупа — это обстоятельство, дифференцирующее ответственность. Поэтому, сравнивая посредника и соучастника, можно заключить, что посредник находится в более выгодном положении, так как по ст. 204.1 УК РФ он может не нести ответственность. Соучастник находится в менее выгодном положении. Рассматривая в качестве соучастника пособника в преступлении и основываясь на позиции Верховного Суда Российской Федерации, можно прийти к выводу о том, что посредничество — это более узкий термин по отношению к пособничеству [7]. Более того, нельзя применить к лицу два состава преступления по ст. 204.1 УК РФ (посредничество в коммерческом подкупе) и ст. 33 УК РФ (виды соучастников преступления). Верховный Суд признает их взаимоисключающими видами преступлений [12].

Особого внимания заслуживает научная позиция В. Ф. Щепелькова, считающего, что положение Уголовного кодекса о посредничестве в коммерческом подкупе выделено из правовой нормы о получении взятки с привилегирующим эффектом, так как наказание за получение взятки наказывается строже [3]. Если в самом деянии содержится привилегированный признак, то для его оценки нельзя использовать общую норму. Поэтому, по мнению ученого, допустимость квалификации посредничества в коммерческом подкупе, а также во взяточничестве как соучастие в преступлении носит дискуссионный характер, на практике такие решения судов маловероятны.

Сравнивая различные позиции по поводу квалификации посредничества в коммерческом подкупе, можно прийти к выводу, что нарушается ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации, где указано, что все равны перед законом [13]. Также это противоречит основным принципам УК РФ.

Таким образом, проанализировав судебную практику и научную доктрину, мы пришли к следующим результатам. Разграничение посредничества в коммерческом подкупе с другими видами преступлений можно провести на основе объективной стороны преступления, позиций Верховного Суда, судебной практики, научной доктрины. Данное различие необходимо провести для верной квалификации деяния и для правильной митигации коррупционных рисков в компании, так как у разных видов преступлений разные меры ответственности и, соответственно, разный уровень риска.

В заключение отметим, что проблема коррупции в настоящее время действительно имеет важное значение, однако ее решение требует как системной, так и точечной работы. Точечная работа заключается в пресечении преступлений коррупционной направленности, правильной квалификации деяния, всестороннем анализе судебной практики и научной доктрины по соответствующим статьям УК РФ. Одним из средств борьбы с данным видом преступления является внедрение в компаниях, имеющих высокий риск коммерческого подкупа, системы антикоррупционного комплаенса, позволяющей митигировать риски и не допускать совершения преступлений коррупционной направленности [5]. Верная квалификация преступлений коррупционной направленности помогает эффективнее митигировать коррупционные риски в различных обстоятельствах.

Список источников

1. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // СЗ РФ. 05.07.2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
2. Яни П. С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. 2013. № 2. С. 24–29.
3. Щепельков В. Ф., Пряхина Н. И. Допустимо ли квалифицировать посредничество во взяточничестве как соучастие в даче взятки // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 6. С. 48–51.
4. Чуклина Э. Ю. Выделение уголовной ответственности за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ): критический взгляд // Экономика, социология и право. 2016. № 10. С. 95–100.
5. Гармаев Ю., Иванов Э., Маркунцов С. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты. Москва : Юриспруденция, 2020. 240 с.
6. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) : Принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : Одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699
7. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 : редакция от 24.12.2019 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9, сентябрь.
8. Приговор Басманного районного суда города Москвы от 23 марта 2018 года по делу № 1-120 // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. URL: https://sudact.ru/regular/court/reshenya-basmannyi-raionnyi-sud-gorod-moskva
9. Приговор Первомайского районного суда г. Кирова по делу № 1-201/019 // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. URL: https://sudact.ru/regular/doc/gcvmeSUBwy6x/
10. Обзор практики правоприменения в сфере конфликта интересов № 3 // Министерство труда Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/13
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ : Принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года : Одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года : редакция от 28.04.2023 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481
12. «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" и от 16.10.2009 № 19 "О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий"» : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 59 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3, март.
13. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/constitution

References

1. “On the National Security Strategy of the Russian Federation”: Decree of the President of the Russian Federation dated July 02, 2021 No. 400. *Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii = Collection of legislation of the Russian Federation.* July 5, 2021. No. 27 (Part II). Art. 5351. (In Russ.).
2. Yani P. S. Problems of qualification of mediation in bribery. *Zakonnost`= Legitimacy*. 2013. No. 2. P. 24–29. (In Russ.).
3. Shchepelkov V. F., Pryakhina N. I. Is it permissible to qualify mediation in bribery as complicity in giving a bribe. *Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice.* 2011;(6):48–51. (In Russ.).
4. Chuklina E. Yu. The allocation of criminal liability for petty bribery (Article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): a critical view. *E`konomika, sociologiya i pravo = Economics, sociology and law*. 2016. No. 10. P. 95–100. (In Russ.).
5. Garmaev Yu., Ivanov E., Markuntsov S. Anti-corruption compliance in the Russian Federation: interdisciplinary aspects. Moscow: Jurisprudence; 2020. 240 p.
6. "Criminal Code of the Russian Federation" dated June 13, 1996 No. 63-FL: Adopted by the State Duma on May 24, 1996: Approved by the Federation Council on June 5, 1996: as amended on April 28, 2023. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699
7. “On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes”: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 7, 2013 No. 24: version on December 24, 2019. *Byulleten` Verxovnogo Suda RF = Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2013. No. 9, September. (In Russ.).

8. The verdict of the Basmanny District Court of the city of Moscow dated March 23, 2018 in case No. 1-120. GARANT.RU: information and legal portal. (In Russ.). Available from: https://sudact.ru/regular/court/reshenya-basmannyi-raionnyi-sud-gorod-moskva

9. Sentence of the Pervomaisky District Court of Kirov in case No. 1-201/019. GARANT.RU: information and legal portal. (In Russ.). Available from: https://sudact.ru/regular/doc/gcvmeSUBwy6x/

10. Review of law enforcement practice in the field of conflict of interest No. 3. Ministry of Labor of the Russian Federation: official site. (In Russ.). Available from: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/13

11. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FL: Adopted by the State Duma on November 22, 2001: Approved by the Federation Council on December 5, 2001: version on April 28, 2023 // ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481

12. “On Amendments to Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 dated July 9, 2013 “On Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption Crimes” and No. 19 dated October 16, 2009 “On Judicial Practice in Cases of Abuse of Official Powers and on abuse of office"» : Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 24, 2019 No. 59. *Byulleten` Verxovnogo Suda RF = Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2020. No. 3, March. (In Russ.).

13. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: with changes approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. Official Internet portal of legal information. (In Russ.). Available from: http://pravo.gov.ru/constitution

Информация об авторах

Н. А. Гареева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита;

А. А. Гареев — магистрант.

Information about authors

N. A. Gareeva — Candidate of Science (Economics), Assistant Professor, Assistant Professor of the Department of Finance and Credit;

A. A. Gareev — the master student.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 154–159
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):154–159

ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 32
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-154-159

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ К РОССИЙСКИМ ДЕЯТЕЛЯМ КУЛЬТУРЫ, ПРИЧИСЛЕННЫМ К ИНОСТРАННЫМ АГЕНТАМ

Аркадий Владимирович Балчугов[1], Алексей Евгеньевич Белянцев[2], Артём Александрович Фоменков[3]✉
[1,2,3]Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
[1]islam-imomi@yandex.ru
[2]bellkinn@rambler.ru
[3]artjom2310@inbox.ru✉

Аннотация. В настоящей статье анализируются отдельные аспекты политики российского государства по отношению к иностранным агентам. Авторами обращено внимание на возможность вырезать эпизоды фильмов с участием актеров-иностранных агентов. Предложения такого рода являются сходными с практикой «культуры отмены», получившей распространение в странах Запада. Обозначено, что в российских реалиях, а именно в советский период, имел место аналог «культуры отмены», правда никак не связанный с деятельностью гражданского общества и медиакратией. Были проанализированы некоторые аспекты влияния законодательства о контроле над деятельностью иностранных агентов на ситуацию с современной российской литературой. Сделан вывод, согласно которому банальные запреты на продажи книг, авторами которых являются иноагенты, равно как и практика «вырезания» актеров-иноагентов из фильмов (если таковая станет реальностью), не помогут получить дополнительную популярность проправительственным деятелям культуры и утратить таковую же деятелям-иностранным агентам. Борьба против иностранных агентов в области культуры в стиле «культуры отмены» представляется нам бесперспективной, что демонстрирует и опыт Запада.
Ключевые слова: культурная политика, иностранные агенты, законодательство, «культура отмены», кинематограф, литература
Для цитирования: Балчугов А. В., Белянцев А. Е., Фоменков А. А. К вопросу об отношении к российским деятелям культуры, причисленным к иностранным агентам // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 154–159. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-154-159.

POLITICS AND IDEOLOGY

Research article

TO THE ISSUE OF THE ATTITUDE TOWARDS RUSSIAN CULTURAL FIGURES CLASSIFIED AS FOREIGN AGENTS

Arkady V. Balchugov[1], Alexey E. Belyantsev[2], Artjom A. Fomenkov[3]✉
[1,2,3]Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
[1]islam-imomi@yandex.ru
[2]bellkinn@rambler.ru
[3]artjom2310@inbox.ru✉

Abstract. This article analyzes some aspects of the policy of the Russian state in relation to foreign agents. The authors drew attention to the possibility of cutting out episodes of films with the participation of actors-foreign agents. Proposals of this kind are similar to the practice of the "cancellation culture" that has

become widespread in Western countries. It is indicated that in Russian realities, namely in the Soviet period, there was an analogue of the "culture of cancellation", although it was not connected with the activities of civil society and with the media democracy. Some aspects of the influence of legislation on the control of the activities of foreign agents on the situation with modern Russian literature were analyzed. It is concluded that banal bans on the sale of books authored by foreign agents, as well as the practice of "cutting out" foreign actors from films (if such becomes a reality), will not help pro-government cultural figures gain additional popularity and lose the same to foreign agents. The struggle against foreign agents in the field of culture in the style of "cancellation culture" seems to us hopeless, which is also demonstrated by the experience of the West.

Keywords: cultural policy, foreign agents, legislation, "cancel culture", cinema, literature

For citation: Balchugov A. V., Belyantsev A. E., Fomenkov A. A. To the issue of the attitude towards Russian cultural figures classified as foreign agents. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):154–159. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-154-159.

16 января 2023 г. депутат Государственной Думы Российской Федерации С. А. Соловьев (член фракции «Единая Россия») предложил маркировать или вырезать эпизоды фильмов с участием актеров-иноагентов [1]. Означенное сообщение, по нашему мнению, не может не вызвать размышлений по ряду весьма значимых вопросов. Подчеркнем: мы не стремились углубляться в сугубо правовые реалии (в том числе и относительно перспектив Федерального закона от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [2]), в том числе и в возможности правоприменительной практики (о таковой написано, напр.: [3–4]). Наше внимание привлекли вопросы культурно-политического характера. «В современной политологии под культурной политикой понимают комплекс целей, приоритетов, действий государства, направленных на сохранение и распространение культурного наследия, и предполагают планирование и обеспечение культурной деятельности» [5, с. 155]. Предложения вышеупомянутого нами депутата С. А. Соловьева имеют как раз прямое отношение к культурной политике.

Прежде всего обратимся к возможности «вырезать» актеров, получивших статус иноагента, из фильмов. Опять же укажем — сама по себе техническая сторона дела нами не будет затронута. Итак, если идеи С. А. Соловьева обретут силу закона именно в таком варианте, то мы, скорее, придем к практике «культуры отмены», нежели к чему-то иному. Последняя представляет собой не что иное, как «современная форма остракизма, при которой человек или определенная группа лишаются поддержки и подвергаются осуждению в социальных или профессиональных сообществах, как в онлайн-среде и в социальных медиа, так и в реальном мире» [6, с. 29]. Кембриджский словарь предлагает следующее определение культуры отмены: «Cancel culture — способ поведения общества или группы людей, особенно в социальных сетях, при котором принято полностью отвергать и прекращать поддерживать какого-либо человека, потому что он сказал или сделал что-то оскорбительное» [7, с. 157]. Само появление и развитие «культуры отмены» не есть явление случайное, поскольку оно гармонично вытекает из особенностей развития политической и экономической систем стран Запада в XX — начале XXI веков [8–9].

Нельзя не напомнить, что у России уже был свой опыт «культуры отмены». Правда, отмены сугубо государственной, а не инициированной частью гражданского общества, но столь же безапелляционной. Можно упомянуть, например, что первая советская экранизация сэра Артура Конан Дойла (речь идет о телеспектакле «Собака Баскервилей» 1971 года впуска) была запрещена к прокату после того, как исполнитель роли доктора Ватсона эмигрировал в Израиль. А в весьма популярном советском фильме «Большая перемена» Савелий Крамаров был вырезан из титров после своей эмиграции в США. То есть и актеры, и даже целый фильм были «отменены», хотя никаких преступлений ни С. Крамаровым, ни Л. Круглым (именно он сыграл доктора Ватсона) совершено не было — они лишь поступили «неправильно» с точки зрения господствовавшей в обще-

стве морали. Как показала практика, на популярность актеров — прежде всего С. Крамарова [10, с. 365] — эта «отмена» в итоге не повлияла никак. Иначе говоря, большой вопрос, насколько возрождение этой практики пойдет на пользу как российскому кинематографу, так и российскому социуму (хоть какое-то оправдание актеров-иноагентов не является целью данной работы).

Представляется также интересным обращение к литературе, причем именно в контексте и патриотизма, и «культуры отмены». Немецкий литератор Ханс Йост, являющийся автором знаменитого высказывания «Когда я слышу слово „культура", я хватаюсь за пистолет» и советовавший Г. Гиммлеру отправить «освежиться» Томаса Манна в Дахау, в итоге проиграл другим выдающимся литераторам (включая того же Томаса Манна!) не по причине «отмены» его книг, но прежде всего по причине меньшей талантливости [11].

Нобелевский лауреат 1920 года по литературе К. Гамсун остался в истории мировой литературы, несмотря на свои весьма правые взгляды и поддержку фашизма [12, с. 206–207; 13, с. 198; 14, с. 76]. Из русских эмигрантов, активно поддерживавших А. Гитлера, мемуарист Ю. Ф. Семенов так и остался в памяти, скорее, как редактор крупной эмигрантской газеты, нежели как литератор, в то время как И. С. Шмелев в истории литературы остался [15–16] (все-таки были заслуги, позволявшие быть дважды выдвинутым на Нобелевскую премию по литературе). Учитывая, что немало антифашистов из числа представителей литературной среды не пользуются ныне не только популярностью, но даже и известностью среди читателей, признаем, что одной — пусть даже и абсолютно правильной — политической позиции для причисления к числу выдающихся литераторов явно недостаточно.

Следует напомнить, что действующее законодательство гласит, что «запрещается распространение в средствах массовой информации и в сообщениях и материалах средств массовой информации в информационно-телекоммуникационных сетях информации об иностранных агентах (за исключением информации, размещаемой в единых государственных реестрах и государственных информационных системах, предусмотренных законодательством Российской Федерации) и произведенных ими материалов без указания на статус иностранного агента» [17]. Как следствие, нами было принято решение избегать в тексте данной статьи упоминаний фамилий иностранных агентов из числа деятелей культуры.

Нельзя не признать, что некоторые литераторы, имеющие статус иностранного агента, и по сей день являются популярными среди читающей части населения, а их книги закономерно пользуются спросом. Совсем недавно внедренная практика продажи такого рода произведений, упакованных в непрозрачную пленку, показывает, что существенного снижения уровня продаж популярных авторов-иноагентов не наблюдается. Впрочем, наряду с такого рода литературой в стране неплохо продаются и книги отечественных авторов, либо поддержавших специальную военную операцию (СВО), либо же никак по этому вопросу публично не высказывавшихся.

Иначе говоря, мы приходим к выводу: со словом можно бороться только словом. То есть банальные запреты на продажи книг, авторами которых являются иноагенты, равно как и практика «вырезания» актеров-иноагентов из фильмов (если таковая станет реальностью), не помогут получить дополнительную популярность «правильным» деятелям культуры и утратить таковую же деятелям «неправильным».

Также сложно утверждать со всей однозначностью, насколько снижается интерес к кинопродукции с участием актеров-иноагентов. Тем более что в ряде фильмов (включая, довольно популярные сериалы) задействованы как артисты, всецело поддерживающие СВО, так и причисленные к числу иностранных агентов. Например, это касается детективного сериала «За час до рассвета», претендующего на лавры современного «Место встречи изменить нельзя».

Укажем также, что нами не подвергается сомнениям опасность для массового сознания — особенно подрастающего поколения — отдельных произведений как массовой, так и элитарной культуры [18, с. 244]. Тем не менее борьба против таковых в стиле «культуры отмены» (пусть и не в западном, а в рос-

сийском варианте) представляется нам бесперспективной. Кстати, опыт Запада (прежде всего политика управления соцсетью «Twitter» Илоном Маском [19]) наглядно демонстрирует, что «культура отмены» не есть что-то абсолютно всесильное и вечное. Опыт отечественных демократических традиций показывает, что россияне не склонны к тотальной «отмене» кого бы и чего бы то ни было по политическим мотивам [20, с. 95].

Список источников

1. Баласян Л. Депутат Госдумы Соловьев предложил маркировать или вырезать эпизоды фильмов с участием актеров-иноагентов // Коммерсантъ : сайт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5772996. Дата публикации: 16.01.2023.

2. «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» : Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ // КонсультантПлюс : сайт. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/8009901aacd36e5cfd8b821a75921986f42aeb65

3. Батраева О. Б., Пухова Я. Д. Практика применения законодательства с целью управления информационным пространством (на примере закона «Об иностранных агентах») // Аллея науки. 2021. Т. 2, № 12 (63). С. 6–69.

4. Чурсина А. В. О предпосылках принятия, правовой регламентации и практическом назначении «Закона об иностранных агентах» // Развитие современной юриспруденции: Актуальные вопросы теории и практики : сборник статей II Международной научно-практической конференции (Пенза, 25 сентября 2021 г.). Пенза : Наука и просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2021. С. 106–108.

5. Баранова О. Эмпирическая интерпретация понятий «культура», «культурная политика» и «внешняя культурная политика» в современной политологии / COLLEGIUM LINGUISTICUM — 2017 : тезисы докладов ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ. Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2017. С. 154–155.

6. Кранк Э. О. «Культура отмены» и «новая этика» // Культура и искусство: традиции и современность : материалы IX Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 25 февраля 2021 г.). Чебоксары : Плакат, 2021. С. 27–33.

7. Черкашина С. А. Культура отмены в бренд-коммуникациях // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения : сборник материалов 60-го Международного научного форума (30 июня — 2 июля 2021 г.) : в 2 т. Т. 1. СПб. : Медиапапир, 2021. С. 157-158.

8. Балчугов А. В., Устинкин С. В., Фоменков А. А. Постмодернистская теория: к вопросу о причинах успешности // Власть. 2022. Т. 30, № 1. С. 128–132.

9. Фоменков А. А. Культура отмены в современной России: политические аспекты // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 2 (55). С. 201–205.

10. Федоров А. В. Тысяча и один самый кассовый советский фильм: мнения кинокритиков и зрителей. Москва : Информация для всех, 2021. 1134 с.

11. Düsterberg R. Hanns Johst: Der Barde Der SS: Karrieren Eines Deutschen Dichters. Paderborn : Brill Schoningh, 2004. 426 pp.

12. Кулябин А. М. Литературно-критическая публицистика И. Г. Эренбурга в период Великой Отечественной войны: проблема жанровой типологии // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 76-1. С. 205–207.

13. Сучков Б. Л. Исторические судьбы реализма: размышления о творческом методе. 4-е изд. Москва : Советский писатель, 1977. 526 с.

14. Ямбург Е. А. Трагический оптимизм. Непрекращающийся диалог. Москва : Бослен, 2022. 240 с.

15. Мартынов А. В. «Обидеть больно старого писателя»: рецепция Дмитрия Мережковского в эпистолярном наследии Ивана Шмелева периода эмиграции // Библиотека «Литературного наследства». 2018. № 3. С. 172–180.

16. Михалев Н. М. Фашистская идеология в печати русского зарубежья // Медиаскоп. 2009. № 3. С. 8.

17. «О средствах массовой информации» : Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 : ред. от 29.12.2022 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/

18. Сафарализода Х. К. Проблемы осознания и восприятия угроз в современном обществе // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2021. № 3-2. С. 240–249.

19. Негатив не пройдет: Илон Маск объявил о новой политике в Twitter // IXBT.COM : сайт. URL: https://www.ixbt.com/news/2022/11/20/negativ-ne-projdjot-ilon-mask-objavil-o-novoj-politike-v-twitter.html

20. Пахомова Е. А. К вопросу об отечественных традициях прямой демократии // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1 (31). С. 94–96.

References

1. Balasyan L. State Duma deputy Solovyov proposed to mark or cut out episodes of films with the participation of actors-foreign agents. Kommersant: site. (In Russ.). Available from: https://www.kommersant.ru/dos/5772996. Publication date: January 16, 2023.

2. "On control over the activities of persons under foreign influence": Federal Law dated July 14, 2022 No. 255-FL. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/8009901aacd36e5cfd8b821a75921986f42aeb65/

3. Batraeva O. B., Pukhova Ya. D. The practice of applying legislation to manage the information space (on the example of the law "On Foreign Agents"). *Alleya nauki = Alley of Science*. 2021;2(12 (63));6–69. (In Russ.).

4. Chursina A. V. On the prerequisites for the adoption, legal regulation and practical purpose of the "Law on Foreign Agents". *Razvitie sovremennoj yurisprudencii: Aktual`ny`e voprosy` teorii i praktiki : sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Penza, 25 sentyabrya 2021 g.) = Development of modern jurisprudence: Actual issues of theory and practice: collection of articles of the II International scientific and practical conference (Penza, September 25, 2021).* Penza: Science and education (IE Gulyaev G. Yu.); 2021. P. 106–108. (In Russ.).

5. Baranova O. Empirical interpretation of the concepts of "culture", "cultural policy" and "foreign cultural policy" in modern political science. *SOLLEGIUM LINGUISTISUM — 2017: tezisy` dokladov ezhegodnoj konferencii Studencheskogo nauchnogo obshhestva MGLU = COLLEGIUM LINGUISTICUM — 2017: abstracts of the reports of the annual conference of the MSLU Student Scientific Society*. Moscow: Moscow State Linguistic University; 2017. P. 154–155. (In Russ.).

6. Krank E. O. "Culture of cancellation" and "new ethics". *Kul`tura i iskusstvo: tradicii i sovremennost`: materialy` IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Cheboksary`, 25 fevralya 2021 g.) = Culture and art: traditions and modernity: materials of the IX International scientific and practical conference (Cheboksary, February 25, 2021).* Cheboksary: Plakat; 2021. P. 27–33. (In Russ.).

7. Cherkashina S. A. The culture of cancellation in brand communications. *Media v sovremennom mire. 60-e Peterburgskie chteniya: sbornik materialov 60-go Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma (30 iyunya — 2 iyulya 2021 g.) : v 2 t. T. 1. = Media in the modern world. 60th St. Petersburg Readings: collection of materials of the 60th International Scientific Forum (June 30 — July 2, 2021):* in 2 vol. Vol. 1. St. Petersburg: Mediapapier; 2021. P. 157–158. (In Russ.).

8. Balchugov A. V., Ustinkin S. V., Fomenkov A. A. Postmodern theory: to the question of the reasons for success. *Vlast` = Power*. 2022;30(1):128–132. (In Russ.).

9. Fomenkov A. A. The culture of cancellation in modern Russia: political aspects. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2022;(2(55)):201–205. (In Russ.).

10. Fedorov A. V. A thousand and one highest-grossing Soviet film: opinions of film critics and viewers. Moscow: Information for everyone; 2021. 1134 p. (In Russ.).

11. Dusterberg R. Hanns Johst: The Bard Of The SS: Careers of a German Dichters. Paderborn: Brill Schoningh; 2004. 426 pp. (In German).

12. Kulyabin A. M. Literary and critical journalism of I. G. Ehrenburg during the Great Patriotic War: the problem of genre typology. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imennni A. I. Gercena = Proceedings of the Herzen Russian State Pedagogical University*. 2008;(76-1):205–207. (In Russ.).

13. Suchkov B. L. Historical fate of realism: reflections on the creative method. 4th ed. Moscow: Soviet writer; 1977. 526 p. (In Russ.).

14. Yamburg E. A. Tragic optimism. An ongoing dialogue. Moscow: Boslen; 2022. 240 p. (In Russ.).

15. Martynov A. V. "It hurts the old writer": the reception of Dmitry Merezhkovsky in the epistolary heritage of Ivan Shmelev during the period of emigration. *Biblioteka "Literaturnogo nasledstva" = Library of Literary Heritage*. 2018;(3):172–180. (In Russ.).

16. Mikhalev N. M. Fascist ideology in the press of the Russian abroad. *Mediaskop = Mediascope*. 2009;(3):8. (In Russ.).

17. "On the Mass Media": Law of the Russian Federation dated December 27, 1991 No. 2124-1: version dated December 29, 2022. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511

18. Safaralizoda Kh. K. Problems of awareness and perception of threats in modern society. *Vestnik Tadzhikskogo nacional`nogo universiteta. Seriya social`no-e`konomicheskix i obshhestvenny`x nauk = Bulletin of the Tajik National University. Series of socio-economic and social sciences*. 2021;(3-2):240–249. (In Russ.).

19. Negativity will not pass: Elon Musk announced a new policy on Twitter. IXBT.COM: site. (In Russ.). Available from: https://www.ixbt.com/news/2022/11/20/negativ-ne-projdjot-ilon-mask-objavil-o-novoj-politike-v-twitter.html

20. Pakhomova E. A. On the issue of domestic traditions of direct democracy. *Srednerusskij vestnik obshhestvenny`x nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences.* 2014;(1(31)):94–96. (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Балчугов — преподаватель-исследователь, независимый исследователь;

А. Е. Белянцев — кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры истории и политики России;

А. А. Фоменков — доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических коммуникаций.

Information about authors

A. V. Balchugov — the teacher-researcher, an independent researcher;

A. E. Belyantsev — Candidate of Science (Physical and Mathematical), Assistant Professor, Associate Professor of the Department of History and Politics;

A. A. Fomenkov — Doctor of Science (Historical), Assistant Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Political Communications.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 10.03.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 160–166
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):160–166

Научная статья
УДК 331
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-160-166

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Убайдулло Абдулложонович Бахриев
Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия, bakhriev_7776@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0003-2315-6289

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы сотрудничества между Таджикистаном и Россией в области миграционной политики. Возросшие масштабы трудовой миграции, а также проблемы, которые она вызвала с точки зрения обеспечения условий жизни и труда, а также защиты прав граждан в странах, принявших трудящихся-мигрантов, обусловили необходимость разработки и принятия мер, которые позволили бы создать эффективную систему государственного регулирования миграционных процессов. Отражены меры, направленные на укрепление правовой базы пребывания трудящихся-мигрантов в Российской Федерации. Отмечается необходимость усовершенствования законодательства, регулирующего миграцию, изменения общественного сознания граждан России в отношении проблем миграции, а также внесения корректив в ориентацию и психологию самих мигрантов.
Ключевые слова: миграция, граждане Таджикистана, трудовая деятельность, защита прав, правовое регулирование, социальная поддержка, регистрация мигрантов
Для цитирования: Бахриев У. А. Особенности российско-таджикских отношений по регулированию миграционных процессов // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 160–166. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-160-166.

Research article

FEATURES OF RUSSIAN-TAJIK RELATIONS ON THE REGULATION OF MIGRATION PROCESSES

Ubaydullo A. Bakhriev
Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia, bakhriev_7776@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0003-2315-6289

Abstract. The article deals with the issues of cooperation between Tajikistan and Russia in the field of migration policy. The increased scale of labor migration, as well as the problems it caused in terms of ensuring living and working conditions, as well as protecting the rights of citizens in countries that have received migrant workers, have necessitated the development and adoption of measures that would create an effective system of state regulation of migration processes. Reflected measures aimed at strengthening the legal framework for the stay of migrant workers in the Russian Federation. The necessity of improving the legislation regulating migration, changing the public consciousness of Russian citizens regarding the problems of migration, as well as making adjustments to the orientation and psychology of the migrants themselves is noted.
Keywords: migration, Tajik citizens, labor activity, protection of rights, legal regulation, social support, registration of migrants
For citation: Bakhriev U. A. Features of russian-tajik relations on the regulation of migration processes. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):160–166. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-160-166.

После распада Советского Союза миграционная деятельность в современном Таджикистане ускорила свои темпы. Ранние миграционные перемещения были следствием взаимодействия между различными этническими и межэтническими группами. Эти взаимодействия оказали значительное влияние на тип, масштабы, формы и направления трудовой миграции (эмиграции) населения.

В начале 1990-х годов масштабы естественной социально-экономической миграции на постсоветском пространстве резко сократились (на учебу, на работу, по семейным обстоятельствам, на отдых и туризм и т. д.). В то же время увеличились масштабы вынужденной миграции, вызванной межэтническими конфликтами, войнами, чрезвычайными ситуациями, дискриминацией в правах и другими факторами. В последующие годы большее влияние на миграционный процесс начали оказывать денежные проблемы.

В государствах, входящих в Содружество, включая Республику Таджикистан, начали проявляться издержки распада единого государства и трудности, связанные с переходным периодом. Это оказало значительное влияние, в первую очередь, на уровень жизни населения. Кроме того, социальные условия и уровень жизни населения, а также экономическое состояние государства в некоторых странах начали резко ухудшаться, в первую очередь, в Республике Таджикистан. Это было связано с характером и скоростью экономических реформ, а также неспособностью общества адаптироваться к новым рыночным условиям.

В апреле 2022 г. Таджикистан и Россия перешагнули тридцатилетний рубеж с начала установления дипломатических отношений между двумя странами.

Российская Федерация, которая является важнейшим стратегическим партнером республики, была одной из первых стран, признавших статус Таджикистана как независимого государства.

По данным, опубликованным ГУВМ МВД России, среди поставленных на учет по месту пребывания в январе-июне 2022 г. преобладали иммигранты из Узбекистана (3081 тыс. чел., или почти 40 %) и Таджикистана (2064 тыс. чел., или 27 %). Среди зарегистрированных по месту жительства преобладали прибывшие из Таджикистана (около 93 тыс. чел., или 33 %). Больше всего иммигрантов за первое полугодие 2022 г. прибыло в Россию из Таджикистана — 82,7 тыс. человек [1]. В предшествующие три года заметно больше притока населения было не только из этой республики, но и из других стран СНГ. В целом число иммигрантов, въехавших в Россию за январь-июнь 2022 г. из стран СНГ, увеличилось всего на 1,1 % и только за счет Таджикистана (число прибывших увеличилось в 1,5 раза) и Туркмении (на 6,3 %), из которой миграционный поток невелик (около 3,6 тыс. чел. за январь-июнь 2022 г.). Число прибывших из других стран СНГ в той или иной степени сократилось. Увеличение миграционного оттока из России наблюдалось по всем странам СНГ. В наибольшей степени он увеличился в Туркмению (в 3,6 раза), в меньшей степени в Киргизию (в 2,5 раза), Таджикистан (в 2,2 раза) [1].

Денежные переводы, осуществляемые трудовыми мигрантами в места их происхождения, являются наиболее ярким примером выгоды, получаемой от международной миграции. Профессор Р. Ульмасов из Российско-Таджикского университета отмечает, что денежные переводы играют гораздо большую роль в решении социальных проблем, чем бюджетные средства. Ежегодные финансовые поступления от трудовых мигрантов помогают пополнить государственный бюджет Таджикистана и являются ощутимой поддержкой национальной экономики Таджикистана [2].

Азиатский банк развития является одним из основных партнеров Правительства Таджикистана, благодаря чему эта организация получает всю необходимую статистику, по крайней мере, для того, чтобы определить направления и объем финансирования республики.

Вся сумма финансовых переводов, которую трудовые мигранты отправили из России в Таджикистан в 2021 году, составила 1,8 млрд долларов, что на 3,4 % больше по сравнению с суммой, которая была переведена в 2020 году. Более 76 % этих переводов были осуществлены гражданами Таджикистана, в то время как около 25 % из них были осуществлены гражда-

нами России или лицами, которым было законно разрешено находиться в Российской Федерации. Из всей суммы этих финансовых переводов 94,3% было номинировано в рублях, 5,6% — в долларах и 0,1% — в евро [3].

Согласно исследованию Азиатского банка развития, сумма денег, отправленная таджикскими трудящимися-мигрантами в первой половине 2022 г., сократилась на 10%, а к концу второго полугодия уже на 25%.

В России таджикские мигранты, как и мигранты из других азиатских стран, сталкиваются с рядом сложных проблем, которые варьируются от преследования отдельных сотрудников правоохранительных органов в России до погромов и нападений со стороны различных неофашистских и националистических групп.

К сожалению, население России рассматривает иммигрантов как возможную опасность для своего образа жизни. Довольно типично, что в общественном сознании россиян сложился образ мигранта, который приезжает воспользоваться местными ресурсами, чтобы вытеснить местных торговцев на рынке труда.

Возросшие масштабы трудовой миграции, а также проблемы, которые она вызвала с точки зрения обеспечения условий жизни и труда, а также защиты прав граждан в странах, принявших трудящихся-мигрантов, обусловили необходимость разработки и принятия мер, которые позволили бы создать эффективную систему государственного регулирования миграционных процессов. В частности, это относится к созданию сплоченной и хорошо сбалансированной правительственной структуры, которая пользуется поддержкой как государственных, так и негосударственных институтов, в дополнение к общественным и международным организациям, включая таджикские общественные организации и диаспоры.

С каждым годом таджикские мигранты проявляют признаки того, что они более послушны закону.

В настоящее время в Российской Федерации критерии для мигрантов более четко сформулированы, разработаны процедуры их исполнения [4]. Кроме того, введены квоты на трудовую миграцию. В то же время ужесточен контроль за соблюдением норм миграционного законодательства российскими владельцами бизнеса, а штрафы за их нарушение увеличены в несколько раз, в том числе за нарушение обязательств по условиям труда и быта, заработной плате для мигрантов, а также за незаконное привлечение иностранных граждан к работе в России. Сократилось число мигрантов, о которых сообщалось из России из-за нарушения норм иммиграционного законодательства.

Тем не менее жизнь таджикских трудовых мигрантов осложнилась в начале 2022 г. из-за увеличения стоимости авиабилетов вдвое: если в последний день 2021 г. из Душанбе в Москву можно было долететь за 265 долларов, то в начале 2022 года это стоило 530 долларов.

В середине января 2022 г. МИД России представило предложение об ужесточении миграционных правил, предложив выдворять иностранцев, нарушающих общественный порядок.

В заявлении, сделанном в конце января 2022 г. министром иностранных дел России С. В. Лавровым говорится, что «Москва настаивает на открытии центров организованной подготовки трудовых мигрантов в странах, из которых в Россию направляется наибольшее их количество» [5]. В качестве примеров таких стран он привел Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан.

В сентябре 2021 г. президенты двух стран подписали соглашение, по которому таджикские трудовые мигранты смогли подавать заявления на получение пенсий в России [6].

В феврале 2022 г. Президент России Владимир Путин издал указ, которым была создана межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации по совершенствованию государственной миграционной политики, приоритетом которой, помимо национальной безопасности и интересов россиян, должно стать медицинское освидетельствование мигрантов [7].

Граждане Таджикистана, желающие поехать работать в Москву и в Московскую область, теперь смогут предварительно подать заявку на получение патента непосредственно в Душанбе. Это стало возможным благода-

ря открытию представительства многофункционального Миграционного центра «Сахарово» в Душанбе.

В середине ноября 2022 г. Многофункциональный миграционный центр (ММЦ) Москвы запустил сайт для работодателей и иностранных граждан, желающих трудоустроиться в Москве и Московской области [8]. Как сообщила мэрия Москвы, сайт был запущен для оказания услуги по организованному набору трудовых мигрантов.

Что касается темы российско-таджикского сотрудничества в области миграции, которое является одним из важнейших аспектов российско-таджикских связей, то трудовая миграция по-прежнему пользуется высоким спросом как среди граждан Таджикистана, желающих найти работу в Российской Федерации, так и среди компаний.

Трудовые ресурсы из Таджикистана по-прежнему востребованы в России, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. В этих регионах не хватает медработников, преподавателей, представителей высококвалифицированных профессий.

Таджикско-российское сотрудничество в области миграции является одним из важнейших аспектов их двусторонних отношений. Это связано с большим числом граждан Таджикистана, которые мигрируют в Россию в поисках возможностей трудоустройства. С 2019 года ведется планомерная работа над проектами соглашений, которые призваны регулировать миграционные процессы и улучшать условия жизни таджикских мигрантов, уже проживающих в России. В частности, это соглашение об организационном приеме на работу граждан Республики Таджикистан для временного трудоустройства [9]; соглашение о реадмиссии [10]; соглашение о порядке пребывания граждан Республики Таджикистан в Российской Федерации [11]. Все эти соглашения дополняют друг друга.

Россия и Таджикистан зависят друг от друга в вопросе трудовой миграции, поэтому одной из стратегических целей двух стран является создание условий для привлечения квалифицированных специалистов различного профиля, востребованных российской экономикой.

Подписанное в апреле 2019 г. соглашение в настоящее время является предметом интенсивного сотрудничества, направленного на его выполнение. Документ включает соглашение об организованном приеме граждан Таджикистана на работу в России, а также частичную передачу функций по оформлению трудовых патентов самой республике, аналогично тому, как уже было сделано в Узбекистане.

Целый пакет документов по двустороннему сотрудничеству в миграционной сфере ожидает согласования.

Российские регионы особенно активны в процессе международной трудовой миграции. В Душанбе открылось представительство многофункционального миграционного центра, отвечающего за регистрацию трудовых патентов для Москвы и Московской области [12]. Делегация из Самарской области недавно побывала в столице Таджикистана. Самарская область сильно заинтересована в увеличении количества людей, которые мигрируют непосредственно из республики [13].

Граждане Таджикистана, оказавшиеся в России в период эпидемии коронавируса, получили большую помощь в виде различных мер. В России была проведена масштабная кампания легализации трудовых мигрантов, в результате чего они смогли начать работать в Российской Федерации на законных основаниях. В дополнение к этому было снято ограничение на въезд в Российскую Федерацию примерно для 120 000 граждан Таджикистана, которым ранее был запрещен въезд за совершение административных преступлений на территории России.

Характер миграционного сотрудничества между Таджикистаном и Россией имеет долгосрочные перспективы и приносит пользу обеим странам.

Открытие представительства ФГУП «Паспортно-визовый сервис» в Республике Таджикистан позволит гражданам республики пройти дактилоскопическую регистрацию и получить патент на осуществление трудовой деятельности, справку о знании русского язык и основы российского законодательства перед поездкой в Российскую Федерацию [14].

Также в настоящее время стороны обсуждают создание учебного центра в Таджикистане с целью подготовки там специалистов в соответствии с образовательными государственными нормами системы начального профессионального образования в России. Кроме того, жителям Таджикистана будет предоставлена возможность сдать тест по русскому языку, истории России и законам России, а также пройти медицинское обследование на территории республики.

Официальными представителями соответствующих государственных органов Республики Таджикистан в Российской Федерации принимаются необходимые меры по защите прав и интересов, а также повышению чувства патриотизма соотечественников, продвижению идей единства и сплоченности, культурных ценностей таджикской нации, дружбы и взаимного уважения между народами, а также защите прав и интересов народа Республики Таджикистан в Российской Федерации.

Список источников

1. Миграция в России по итогам первого полугодия 2022 года // Демоскоп : сайт. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0961/barom02.php

2. Алиева Р. Р. Механизм развития российско-таджикских отношений в области трудовой миграции // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2017. № 3(72). С. 34–45.

3. Таджикистан за 2021 год получил из России 1,8 миллиардов долларов, а Узбекистан — 5,5 миллиардов // БОМДОД : сайт. URL: https://bomdodrus.com/2022/03/17/tadzhikistan-za-2021-god-poluchil-iz-rossii-1-8-milliardov-dollarov/

4. Лавров анонсировал возврат к нормальным критериям и условиям трудовой миграции // KUN.UZ : сайт. URL: https://kun.uz/ru/97302326. Дата публикации: 03.03.2021.

5. Лавров: Россия добивается открытия центров подготовки трудовых мигрантов в странах СНГ // ТАСС : сайт. URL: https://tass.ru/politika/13529621. Дата публикации: 26.01.2022.

6. Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения от 15 сентября 2021 года : ратифицирован Федеральным законом от 14.07.2022 № 242-ФЗ : вступил в силу 21 октября 2022 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210210001

7. «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам совершенствования государственной миграционной политики» : Указ Президента Российской Федерации от 10.02.2022 № 48 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202100046

8. Нигина Аслонова. Новый сайт поможет трудовым мигрантам найти работу в Москве // ASIA-Plus : сайт. URL: https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20221118/novii-sait-pomozhet-trudovim-migrantam-naiti-rabotu-v-moskve. Дата публикации: 18.11.2022.

9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации от 17 апреля 2019 года : ратифицировано Федеральным законом от 27.12.2019 № 466-ФЗ : вступило в силу 22 января 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002260045

10. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Республики Таджикистан о реадмиссии : дата подписания 23 февраля 2022 года : не вступило в силу // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60869/

11. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о порядке пребывания граждан Республики Таджикистан на территории Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44444

12. В Душанбе открылось представительство ММЦ Москвы // Министерство экономического развития Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_dushanbe_otkrylos_predstavitelstvo_mmc_moskvy.html. Дата публикации: 10.11.2022.

13. Двусторонняя встреча предпринимателей Республики Таджикистан и Самарской области Российской Федерации // Торгово-промышленная палата Республики Таджикистан : официальный сайт. URL: https://tpp.tj/2022/11/18/dvustoronnyaya-vstrecha-predprinimatelej-respubliki-tadzhikistan-i-samarskoj-oblasti-rossijskoj-federacii/

14. В Таджикистане будет создан «Паспортно-визовый сервис» Министерства внутренних дел России // Правительство Республики Таджикистан. Национально-информационное агентство «Ховар» : официальный сайт. URL: https://khovar.tj/rus/2022/10/v-tadzhikistane-budet-sozdan-pasportno-vizovyj-servis-ministerstva-vnutrennih-del-rossii. Дата публикации 19.10.2022.

References

1. Migration in Russia in the first half of 2022. Demoscope: site. (In Russ.). Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0961/barom02.php

2. Alieva R. R. The mechanism of development of Russian-Tajik relations in the field of labor migration. *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya gumanitarny`x nauk = Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Humanities Series*. 2017;(3(72)):34–45. (In Russ.).

3. Tajikistan received 1.8 billion dollars from Russia in 2021, and Uzbekistan — 5.5 billion. BOMDOD: site. (In Russ.). Available from: https://bomdodrus.com/2022/03/17/tadzhikistan-za-2021-god-poluchil-iz-rossii-1-8-milliardov-dollarov/

4. Lavrov announced a return to normal criteria and conditions for labor migration. KUN.UZ: site. URL: https://kun.uz/ru/97302326. Publication date: March 03, 2021.

5. Lavrov: Russia seeks to open training centers for labor migrants in the CIS countries. TASS: site. (In Russ.). Available from: https://tass.ru/politika/13529621. Publication date: January 26, 2022.

6. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan on cooperation in the field of pensions of September 15, 2021: ratified by the Federal Law on July 14, 2022 No. 242-FL: entered into force on October 21, 2022. Official Internet portal of legal information. (In Russ.). Available from: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210210001

7. "On the Interdepartmental Commission of the Security Council of the Russian Federation on Improving the State Migration Policy": Decree of the President of the Russian Federation dated February 10, 2022 No. 48. Official Internet portal of legal information. (In Russ.). Available from: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202100046

8. Nigina Aslonova. New website to help labor migrants find work in Moscow. ASIA-Plus: site. (In Russ.). Available from: https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20221118/novii-sait-pomozhet-trudovim-migrantam-naiti-rabotu-v-moskve. Publication date: November 18, 2022.

9. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Tajikistan on the organized recruitment of citizens of the Republic of Tajikistan for temporary labor activities on the territory of the Russian Federation on April 17, 2019: ratified by Federal Law No. 466-FL dated December 27, 2019: entered into force on January 22, 2020. Official Internet portal of legal information. (In Russ.). Available from: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002260045

10. Agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Republic of Tajikistan on readmission: date of signing February 23, 2022: has not entered into force. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: official site. (In Russ.). Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/60869/

11. Agreement between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan on the procedure for the stay of citizens of the Republic of Tajikistan on the territory of the Russian Federation. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: official site. (In Russ.). Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44444

12. A representative office of the Moscow International Center opened in Dushanbe. Ministry of Economic Development of the Russian Federation: official site. (In Russ.). Available from: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_dushanbe_otkrylos_predstavitelstvo_mmc_moskvy.html. Publication date: November 10, 2022.

13. Bilateral meeting of entrepreneurs of the Republic of Tajikistan and the Samara region of the Russian Federation. Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan: official site. (In Russ.). Available from: https://tpp.tj/2022/11/18/dvustoronnyaya-vstrecha-predprinimatelej-respubliki-tadzhikistan-i-samarskoj-oblasti-rossijskoj-federacii/

14. A “Passport and Visa Service” of the Ministry of Internal Affairs of Russia will be created in Tajikistan. Government of the Republic of Tajikistan. National Information Agency "Khovar": official site. (In Russ.). Available from:https://khovar.tj/rus/2022/10/v-tadzhikistane-budet-sozdan-pasportno-vizovyj-servis-ministerstva-vnutrennih-del-rossii. Publication date: October 19, 2022.

Информация об авторе
У. А. Бахриев — аспирант.

Information about the author
U. A. Bakhriev — the graduate student.

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 23.06.2023.
The article was submitted 07.03.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 167–173
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):167–173

Научная статья
УДК 338.2 (479.24)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-167-173

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Айсель Шамиль кызы Гулиева
Академия Государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики,
Aysel.gulieva@gmail.com

Аннотация. В Азербайджане реализуются различные меры для экономического развития, особенно развития ненефтяного сектора и регионов. Правительство уделяет приоритетное внимание развитию предпринимательства и частного сектора для создания рабочих мест, производства конкурентоспособных товаров и услуг и стимулирования экономического роста. В целях создания конкурентной среды, обеспечивающей равный доступ к современным технологиям и рынкам, были созданы такие программы, как Государственная программа социально-экономического развития и Стратегическая дорожная карта. В связи с этим в статье, посвященной анализу современного состояния государственно-частного партнерства в Азербайджане, сначала изучается историческая динамика развития государственно-частного партнерства в Азербайджанской Республике, а затем затрагивается современная эпоха государственно-частного партнерства в стране. В заключительной части подводятся итоги исследования.
Ключевые слова: Азербайджан, государственно-частное партнерство, малый и средний бизнес
Для цитирования: Гулиева А. Ш. кызы. Политика государственно-частного партнерства в Азербайджанской Республике // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 167–173. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-167-173.

Research article

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP POLICY IN AZERBAIJAN REPUBLIC

Aysel Shamil kyzy Guliyeva
Academy of Public Administration under the President of the Azerbaijan Republic, Aysel.gulieva@gmail.com

Abstract. Various measures are being implemented in Azerbaijan for economic development, especially the development of the non-oil sector and regions. The government prioritizes the development of entrepreneurship and the private sector to create employment opportunities, produce competitive goods and services, and stimulate economic growth. In order to create a competitive environment that provides equal access to modern technologies and markets, programs such as the State Program for Socio-Economic Development and the Strategic Road Map were created. In this regard, the article dedicated to the analysis of the current state of public-private partnership in Azerbaijan first studies the historical development dynamics of public-private partnership in the Republic of Azerbaijan, and then touches on the modern era of public-private partnership in the country. In the conclusion part, the results of the research are summarized.
Keywords: Azerbaijan, public-private partnership, small and medium business
For citation: Guliyeva A. Sh. kyzy. Public-private partnership policy in Azerbaijan Republic. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2023;(2(59)):167–173. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-167-173.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) было основным направлением стратегии развития Азербайджана с момента обретения независимости в 1991 году. В рамках программы ГЧП в Азербайджане реализованы различные проекты, такие как развитие инфраструктуры, транспорта, энергетики и сельского хозяйства. Одним из важнейших проектов ГЧП в Азербайджане является нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан, который находится в эксплуатации с 2006 года. Проект реализован при финансовой поддержке консорциума частных и государственных компаний, в том числе Государственной нефтяной компании Азербайджана, Великобритании. Успех трубопровода стимулировал реализацию других инфраструктурных проектов, включая железную дорогу Баку — Тбилиси — Карс и Южный газовый коридор.

Проект «Южный газовый коридор» — масштабный проект ГЧП, направленный на транспортировку газа с азербайджанского месторождения Шах-Дениз II в Европу. Проект предусматривал строительство Южно-Кавказского трубопровода, Трансанатолийского газопровода и Трансадриатического газопровода. Ожидалось, что проект укрепит позиции Азербайджана как важного экспортера газа в Европу и принесет стране значительный доход. Ожидания оправдались, и с октября 2020 г. Азербайджан транспортирует природный газ в Европу через Турцию. Это также укрепляет геополитические позиции страны.

Конечно, эти успехи были достигнуты не за несколько лет. Произошло это в результате поэтапного развития, начиная с 1990-х годов. После обретения независимости в 1990-х годах Азербайджан столкнулся со значительными экономическими проблемами, включая гиперинфляцию, упадок промышленности и нехватку иностранных инвестиций [1]. Возникла серьезная потребность в модернизации и развитии инфраструктуры страны, особенно в области энергетики, транспорта и телекоммуникаций. Для решения этих проблем под руководством Гейдара Алиева правительство Азербайджана приступило к осуществлению экономических реформ, включая политику приватизации и либерализации. Одним из основных инструментов модернизации инфраструктуры стала модель ГЧП. В этой модели частным компаниям предлагалось инвестировать в проекты государственной инфраструктуры с целью распределения рисков и выгод между государственным и частным секторами.

Первым проектом ГЧП в Азербайджане является «Контракт века», подписанный в 1994 году. «Контракт века» представлял собой соглашение о разделе продукции, подписанное между Азербайджаном и консорциумом иностранных нефтяных компаний для разведки и разработки морских нефтяных месторождений в Каспийском море. Соглашение не было типичным соглашением о ГЧП, поскольку это было, прежде всего, коммерческое соглашение между правительством Азербайджана и иностранными компаниями. Однако соглашение предусматривало некоторую степень сотрудничества и партнерства между государственным и частным секторами с точки зрения разделения рисков и выгод, связанных с разведкой и разработкой нефти. Высокопроизводительная система позиционирования (HPPS) создала основу для сотрудничества и инвестиций в нефтегазовый сектор между Азербайджаном и иностранными нефтяными компаниями, что привело к значительным прямым иностранным инвестициям и модернизации нефтяной промышленности в Азербайджане.

Проект строительства нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан, подписанный в 1999 году, стал вторым крупным проектом. Цель проекта заключалась в транспортировке сырой нефти с нефтяных месторождений Азербайджана в Каспийском море в Средиземное море в обход России и по альтернативному маршруту. Проект возглавлял консорциум международных компаний, включая Международный клуб «BP». Он финансировался за счет кредитов международных банков.

Успех проекта проложил путь для будущих ГЧП в Азербайджане. В 2006 году правительство учредило Азербайджанскую инвестиционную компанию, перед которой была поставлена задача по привлечению иностранных инвестиций и управлению ГЧП в стране. Азербайджанская инвестиционная компания курировала ряд инфраструктурных проектов, в том чис-

ле строительство Бакинского международного морского торгового порта, реконструкцию Бакинского аэропорта, развитие ирригационной системы реки Араз.

Несмотря на прогресс, достигнутый в секторе ГЧП, в 1990-е годы Азербайджан сталкивался с рядом проблем, включая коррупцию, отсутствие прозрачности и слабый институциональный потенциал. Эти факторы привели к отсрочке или отмене некоторых проектов ГЧП и вызывали опасения по поводу долгосрочной устойчивости модели ГЧП. Несмотря на то, что одни проекты оказались успешными и помогли модернизировать инфраструктуру страны, другие столкнулись с серьезными проблемами и остались незавершенными [1].

В 2000-х годах Азербайджан начал активно продвигать ГЧП для привлечения частных инвестиций в различные секторы, включая ЖКХ и социальные услуги. Для мониторинга и содействия реализации проектов ГЧП было создано несколько государственных учреждений, таких как Азербайджанская инвестиционная компания, Азербайджанское агентство поощрения экспорта и инвестиций и Центр развития государственно-предпринимательского партнерства.

Примером успешного проекта ГЧП в Азербайджане является строительство железной дороги Баку-Тбилиси-Карс, которая была построена консорциумом компаний из Азербайджана, Грузии и Турции. Проект включал соглашение о совместном предприятии между правительствами Азербайджана и Турции, в соответствии с которым была создана компания специального назначения для управления строительством и эксплуатацией железной дороги.

Еще одним из примеров ГЧП в Азербайджане является соглашение о передаче бакинских электросетей в управление турецкой компании Barmek Holding A.S.

В 2000-х годах Азербайджан также предпринял ряд шагов по совершенствованию правовой и институциональной базы ГЧП. В 2015 году правительство приняло новый закон о ГЧП, который определял правовую основу для ГЧП и обязанности государственных учреждений и частных инвесторов. Кроме того, при Президенте Азербайджана было создано Государственное агентство по обслуживанию граждан и социальным инновациям для оказания помощи в разработке проектов государственного частного сектора и контроля за их реализацией. Также был создан Совет предпринимателей Азербайджана как форма государственно-частного диалога наряду с другими институциональными механизмами, такими как Фонд поощрения экспорта и инвестиций и Центры бизнес-обучения. Целью Совета было улучшение бизнес-среды, решение проблем и представление соответствующих предложений Президенту Азербайджана. Совет предпринимателей Азербайджана отвечал за подготовку рекомендаций по государственной поддержке предпринимательства, включая меры, характерные для разных регионов. Также ему было поручено периодически пересматривать нормативно-правовые акты, касающиеся предпринимательской деятельности, и вносить предложения Президенту об устранении случаев, препятствующих ее развитию, или случаев незаконного вмешательства. Совет должен был собираться не реже двух раз в год, а дополнительные заседания планировались по мере необходимости.

Таким образом правительство продемонстрировало свою готовность поощрять частные инвестиции в государственную инфраструктуру и услуги, способствующие экономическому росту и развитию страны.

В целом развитие предпринимательства в Азербайджане делится на два этапа: до и после 2002 года. До 2002 года основное внимание уделялось стабилизации экономики страны и структурному строительству. После 2002 года правительство приняло различные программы и усовершенствовало законодательство для содействия устойчивому развитию предпринимательства.

В настоящее время сектор ГЧП в Азербайджане регулируется Законом «О реализации инвестиционных проектов, связанных со строительством и объектами инфраструктуры на основе специального финансирования». Этот закон определяет условия и требования к реализации инвесторами инфраструктурных проектов по модели «Строительство — Управление — Передача». Кроме того, правительство

утвердило Положение об определении стоимости товаров и услуг, подлежащих получению в результате инвестиций, и методику расчета кооперационной помощи и гарантийных обязательств по модели «Строить — Управлять — Поставлять».

Центр развития государственно-предпринимательского партнерства нацелен на расширение участия частного сектора в экономическом развитии Азербайджана путем использования механизмов ГЧП. Центр создан для поддержки соответствующих инфраструктурных проектов в рамках Агентства по развитию малого и среднего бизнеса. Центр отвечает за предложение и разработку законодательной базы и институциональной инфраструктуры для государственно-делового партнерства, а также за координацию программ и проектов в этой области. Центр также занимается расширением участия малых и средних предприятий в этих программах и проектах, обучением и укреплением потенциала заинтересованных сторон, анализом и исследованием проектов для обеспечения их соответствия критериям государственно-делового партнерства. Коллегия Министерства экономики Азербайджанской Республики утвердила Типовое положение Центра в июле 2019 года [2].

Здесь следует сказать, что развитие регионов Азербайджана является главным приоритетом экономической политики страны, так как необходимо решать вопросы продовольственной безопасности, сокращения безработицы и бедности. Развитие предпринимательства и частного сектора в ненефтяном секторе имеет решающее значение для социально-экономического развития региона, поскольку они создают возможности для трудоустройства, производят конкурентоспособные товары и услуги, платят налоги и стимулируют экономический рост. Правительство поддерживает региональное предпринимательство через ряд программ, в том числе через Государственную программу социально-экономического развития, предусматривающую создание конкурентной среды, обеспечивающую равный доступ к современным технологиям и рынкам, а также Стратегическую дорожную карту на перспективу. Национальный фонд поддержки предпринимательства (азерб. *Sahibkarlığa Kömək Milli Fondu — SKMF*) предоставляет льготные кредиты предпринимателям в регионах, финансирует различные проекты, связанные с промышленным и сельскохозяйственным производством, переработкой, туризмом и сферой услуг. Эти кредиты предназначены для поддержки сбалансированного развития, предпринимательства, сокращения бедности и занятости в соответствии с приоритетами социально-экономического развития страны. В 2017 году на 1953 проекта SKMF было выделено 146 млн манатов, создано 6591 новое рабочее место. В 2018 году SKMF выделил кредиты в размере 170 млн манатов на поддержку приоритетных проектов, таких как создание агропарков, логистических центров, малых и средних предприятий [3].

SKMF направлен на развитие аграрного сектора (например, строительство агропарков) в различных регионах с использованием инновационных подходов. В 2018 году было создано 15 агропарков общей стоимостью 386 млн манатов, что способствовало поставке дешевого качественного сырья в перерабатывающую промышленность и повышению конкурентоспособности местной продукции [3]. Продолжается строительство 43 агропарков общей площадью 183 000 га в 28 регионах. Создание агропарков обеспечивает продовольственную безопасность страны.

В целях просвещения предпринимателей и оказания финансовой поддержки развитию предпринимательства в регионах регулярно проводятся бизнес-форумы. На форуме Агстафинского района льготные кредиты на сумму 423 тыс. манатов были предоставлены 34 предпринимателям, а 596 предпринимателям этого района предоставлены льготные кредиты на сумму 8,4 млн манатов. Всего в Гянджа-Газахском экономическом районе было предоставлено льготных кредитов на сумму 258,5 млн манатов 6800 инвестиционным проектам хозяйствующих субъектов. В Масаллинском промышленном районе предпринимателями было подано более 33 проектных предложений, на первом этапе создано 230 рабочих мест, а всего более 600 рабочих мест [3].

Агентство развития малого и среднего бизнеса Азербайджана (азерб. *Azərbaycan Kiçik və Orta Biznesin İnkişafı Agentliyi — KOBIA*) занимается продвижением и поддержкой проектов партнерства государственного и частного секторов. KOBIA стремится разработать правовую и институциональную основу для этой области и обеспечить эффективную реализацию проекта, используя передовой международный опыт. 24 января 2020 г. в Бакинском бизнес-центре KOBIA представило проект концептуального рамочного документа о ГЧП. В мероприятии приняли участие соответствующие государственные учреждения, заинтересованные стороны, участвующие в реализации проектов ГЧП в Азербайджане, и глава бакинского офиса Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) Ивана Дуарте. Международные эксперты предоставили подробную информацию о концептуальном рамочном документе, сути и значении проектов SOST (от англ. *Special Operations: Science and Technology* — Специальные операции: наука и технология), механизме реализации и критериях оценки. Документ подготовлен международными экспертами с учетом опыта передовых стран в сотрудничестве с ЕБРР. В рамочном документе отражена подготовка проектов DOST, основные принципы, правовая и институциональная база в этой области и критерии оценки [4].

Проекты Агентства устойчивого и оперативного социального обеспечения (азерб. *Dayanıqlı və Operativ Sosial Təminat Agentliyi* — Агентство DOST) в Азербайджане могут быть реализованы в различных сферах, включая мосты, туннели, водоочистные сооружения, газопроводы, объекты образования, здравоохранения, культуры и туризма, спортивные центры, индустриальные парки, железнодорожные системы [5].

Центры DOST являются уникальным проектом. Несомненно, они станут новым брендом Азербайджана в области оказания государственных социальных услуг. В 2019–2025 годах в Баку и регионах страны планируется открыть 31 центр DOST [6].

10 декабря 2021 г. Президент Ильхам Алиев отдал распоряжение о некоторых мерах по ускорению экономического развития на освобожденных территориях [7]. Документ направлен на интеграцию потенциала Карабахского и Восточно-Зангезурского экономических районов в национальную экономику посредством восстановления регионов и развития предпринимательства. Стратегический план включает создание инфраструктуры для производства, переработки, сельского хозяйства, туризма, торговли и услуг, а также привлечение инвестиций за счет налоговых, таможенных и других льгот. Многие местные предприятия уже получают налоговые льготы, в том числе документ о поощрении инвестиций, освобождающий от ряда налогов и сборов. Предприниматели из разных стран, в том числе из Турции, России, Пакистана, Венгрии, Казахстана, Китая, Италии, Израиля, Южной Кореи, заинтересованы в работе на освобожденных территориях. В Азербайджане существует законодательная база для защиты иностранных инвестиций, что еще больше стимулирует иностранных предпринимателей вкладывать средства в экономику страны [8].

Правительство Азербайджана уделяет внимание расширению ГЧП и подготовило всеобъемлющий концептуальный документ, отражающий его видение и политические принципы по данному вопросу. Правительство предприняло шаги по развитию ГЧП в различных сферах экономики и успешно реализовало в этом контексте социальные проекты. Одним из таких проектов является «ASAN Service» — государственное агентство по оказанию услуг гражданам и социальным инновациям Азербайджана при Президенте Азербайджанской Республики. Деятельность агентства направлена на эффективное предоставление услуг, связанных с государственными и бизнес-структурами и представляет собой уникальную форму партнерства между государством и частным сектором.

Меры Азербайджана по содействию экономическому развитию, особенно в ненефтяном секторе и регионах, имеют прямое влияние на ГЧП в стране. Приоритет развития предпринимательства и частного сектора привел к созданию рабочих мест, производству конкурентоспособных товаров и услуг и стимулированию экономического роста, что является важным компонентом проектов ГЧП. Например, Государственная программа

социально-экономического развития и Стратегическая дорожная карта призваны создать конкурентную среду, обеспечивающую равный доступ к современным технологиям и рынкам, что необходимо для привлечения инвестиций частного сектора в проекты ГЧП. Точно также создание Агентства по развитию малого и среднего бизнеса и Национального фонда поддержки предпринимательства направлено на поддержку сбалансированного развития, предпринимательства, сокращения бедности и занятости, что необходимо для успеха проектов ГЧП. Кроме того, создание агропарков и промышленных зон создает возможности для сотрудничества государственного и частного секторов в развитии инфраструктуры и объектов, которые могут поддерживать проекты ГЧП в сельскохозяйственном и промышленном секторах. Будущее сектора DOST в Азербайджане выглядит многообещающе, поскольку правительство демонстрирует твердую приверженность привлечению частных инвестиций в развитие инфраструктуры. Кроме того, в стране созданы для этого благоприятный инвестиционный климат и солидная законодательная база. Однако необходимы постоянные усилия для решения потенциальных проблем управления и обеспечения успешной реализации проектов DOST.

Список источников

1. Aras O. N., Suleymanov E., Mammadov K. Economy of Azerbaijan: 25 years of independence. Baku : “Sharg-Garb” Publishing House, 2016. 385 p.

2. Dövlət-Özəl Sektor Tərəfdaşlığı // Azərbaycan Respublikasının Kiçik və Orta Biznesin İnkişafı Agentliyi : rəsmi saytı. URL: https://smb.gov.az/az/nav/dovlet-ozel-sektor-terefdasligi

3. Azərbaycanda Dövlət-özəl tərəfdaşlığı mühiti // Dövlət-Sahibkar Tərəfdaşlığının İnkişafı Mərkəzi : rəsmi saytı. URL: https://pppdc.gov.az/az/page/azerbaycanda-dovlet-ozel-terefdasligi-muhiti

4. Həmzəoğlu M. Regionlarda uğurlu dövlət-özəl sektor tərəfdaşlığı // Xalq cəbhəsi. 2018. 10 iyul. S. 12.

5. Dövlət-özəl sektor tərəfdaşlığı üzrə konseptual çərçivə sənədinin təqdimatı keçirilib // BBN : rəsmi saytı. URL: https://bbn.az/dovl%C9%99t-oz%C9%99l-sektor-t%C9%99r%C9%99fdasligi-uzr%C9%99-konseptual-c%C9%99rciv%C9%99-s%C9%99n%C9%99dinin-t%C9%99qdimati-kecirilib/

6. Почему DOST — уникальный проект Азербайджана? Точка зрения // MEDIA.AZ : сайт. URL: https://media.az/politics/1067741883/dost/. Дата публикации: 29.07.2019.

7. Президент Ильхам Алиев подписал распоряжение о некоторых мерах по ускорению экономического развития на освобожденных территориях: официальная хроника // Day.Az : сайт. URL: https://news.day.az/officialchronicle/1414187.html. Дата публикации: 10.12.2021.

8. Kamal R. Dövlət-özəl sektor tərəfdaşlığı Qarabağ və Şərqi Zəngəzurun bərpasında önəmli rol oynayacaq // Azərbaycan. 2022. 17 iyul. S. 4.

References

1. Aras O. N., Suleymanov E., Mammadov K. Economy of Azerbaijan: 25 years of independence. Baku: “Sharg-Garb” Publishing House; 2016. 385 p.

2. Public-Private Partnership // Small and Medium Business Development Agency of the Republic of Azerbaijan: official site. (In Az.). Available from: https://smb.gov.az/az/nav/dovlet-ozel-sektor-terefdasligi

3. Public-private partnership environment in Azerbaijan. State-Entrepreneur Partnership Development Center: official site. (In Az.). Available from: https://pppdc.gov.az/az/page/azerbaycanda-dovlet-ozel-terefdasligi-muhiti

4. Hamzaoglu M. Successful public-private sector partnership in the regions. *Xalq cəbhəsi = People's Front*. 2018;July 10:12. (In Az.).

5. The presentation of the conceptual framework document on public-private sector partnership was held. BBN (Banks and business newspaper): official site. (In Az.). Available from: https://bbn.az/dovl%C9%99t-oz%C9%99l-sektor-t%C9%99r%C9%99fdasligi-uzr%C9%99-konseptual-c%C9%99rciv%C9%99-s%C9%99n%C9%99dinin-t%C9%99qdimati-kecirilib

6. Why is DOST a unique project in Azerbaijan? Point of view. MEDIA.AZ: site. (In Russ.). Available from: https://media.az/politics/1067741883/dost. Publication date: July 29, 2019.

7. President Ilham Aliyev signed an order on certain measures to accelerate economic development in the liberated territories: official chronicle. Day.Az: site. (In Russ.). Available from: https://news.day.az/officialchronicle/1414187.html. Publication date: December 10, 2021.

8. Kamal R. Public-private sector partnership will play an important role in the reconstruction of Karabakh and Eastern Zangezur. *Azərbaycan = Azerbaijan*. 2022; July 17:4.

Информация об авторе
А. Ш. кызы Гулиева — докторант.

Information about the author
A. Sh. daughter Gulieva — the doctoral student.

Статья поступила в редакцию 05.04.2023; одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.
The article was submitted 05.04.2023; approved after reviewing 26.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 174–180
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):174–180

Научная статья
УДК 94(6):32
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-174-180

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ В XXI ВЕКЕ

Мохамед Ламин Дау
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, mohamedlaminedaou@gmail.com,
http://orcid.org/0000-0002-5616-3576

Аннотация. Статья содержится анализ демократического процесса в западноафриканских государствах. Демократический процесс, повсеместно навязываемый западными странами и международными институтами экстравертным африканским государствам со слабыми институциональными возможностями, является препятствием для развития некоторых из этих стран. Если парадигмы исходят из международных предписаний, то передача государственной политики проходит через сложные процессы переосмысления и выборочного принятия.
Ключевые слова: демократический процесс, Западная Африка, конфликт, регион, африканское общество
Для цитирования: Дау М. Л. Демократический процесс в Западной Африке в XXI веке // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 174–180. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-174-180.

Research article

THE DEMOCRATIC PROCESS IN WEST AFRICA IN THE XXI CENTURY

Mohamed L. Dow
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, mohamedlaminedaou@gmail.com,
http://orcid.org/0000-0002-5616-3576

Abstract. The article contains an analysis of the democratic process in the West African states. The democratic process, widely imposed by Western countries and international institutions on extroverted African states with weak institutional capacities, is an obstacle to the development of some of these countries. If paradigms come from international prescriptions, then the transfer of public policies goes through complex processes of rethinking and selective adoption.
Keywords: Democratic process, West Africa, conflict, region, african society
For citation: Dow M. L. The democratic process in West Africa in the XXI century. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):174–180. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-174-180.

Введение

За последние два десятилетия в Западной Африке произошли беспрецедентные изменения во внутриполитической жизни государств и отношениях между ними. Акторы, вмешивающиеся в определенные сферы общественно-политической жизни, в различных формах участвовали в многогранных посреднических действиях, существенных преобразованиях, определенном переопределении демократического процесса. Это привело к относительной демократизации в регионе. Для этого африканские государства, покончив с однопартийными режимами, проложили путь к демократическим переходам, то есть процессам пе-

рехода от авторитарных режимов к демократическим. Среднесрочная оценка этого процесса демократизации позволяет проследить характер масштабов, а также перспективы указанных изменений. Некоторые политические преобразования в Западной Африке привели к консолидации режимов с проведением свободных, справедливых и прозрачных выборов, укреплению индивидуальных свобод, установлению независимого правосудия, либерализации средств массовой информации или даже усилению плюрализма. Это позволило углубить качество демократии или получить доступ к демократическим режимам для стран, ранее подчиненных авторитарным режимам. Отсюда актуальность поднятой темы.

Исторический контекст демократизации в Африке

В конце 1980-х и начале 1990-х годов в дебатах о демократизации в Африке преобладали разногласия по поводу соответствующего влияния внешних и внутренних факторов на возникновение этого исторического явления [1]. Если в этот начальный период многие наблюдатели, казалось, уделяли больше внимания падению Берлинской стены и речи президента Франции Франсуа Миттерана в Ла Боле как определяющим факторам демократизации, то более глубокий анализ африканских реалий показал в первую очередь эндогенный характер происходящих изменений [2]. Демократическое требование, как видно из нынешнего политического плюрализма и плюрализма идентичности, коренится в несостоятельности единой партии как инструмента построения национального государства, которое было политическим проектом антиколониальных освободительных коалиций. В регионе единая, или так называемая доминирующая партия, привела к идеологической мимикрии, культу личности «отца нации», подавлению политических идей, притеснению идентичностей, считающихся меньшинствами, в «общественном пространстве». Требование демократии было вызвано, прежде всего, широким движением сопротивления со стороны акторов из различных слоев африканского общества, столкнувшихся с ухудшением условий их жизни. Демократизация как процесс отражает крайне противоречивый притязательный комплекс. Она основана на неприятии авторитаризма «националистических» режимов в результате деколонизации; но в то же время она выражает восстание против экономических и социальных последствий либеральной политики, проводимой путем структурной перестройки. Именно в свете этих фактов, составляющих африканское общественное пространство прошлого периода, мы можем определить особенности и модальности развертывания демократического процесса в Западной Африке.

Специфика демократического процесса в Западной Африке

Процесс демократизации в Западной Африке зафиксировал за последние два десятилетия самые продолжительные и кровопролитные конфликты. В Либерии, Сьерра-Леоне, Гвинее-Бисау и Кот-д'Ивуаре процесс демократизации протекает в условиях гражданских войн, имеющих разрушительные последствия во всех сферах жизни людей [3]. Такие страны как Сенегал, Казаманс переживают восстание с 1982 года, которое властям до сих пор трудно урегулировать [4]. В то время как Мали и Нигеру удалось положить конец мятежам туарегов, вся полоса Сахеля, от Мавритании до Нигера, остается огненным кольцом вокруг региона. Уход из Сахары некоторых «исламистских» вооруженных групп, связанных или не связанных с «Аль-Каидой», с их идеологическим и воинственным опытом представляет собой постоянную угрозу стабильности всех стран Сахеля [5]. Однако страны, непосредственно затронутые внутренними вооруженными конфликтами, не могут избежать косвенных последствий и явлений напряженности, вызванных этими конфликтами. Внутри каждой страны без исключения этническая и региональная напряженность переживает более или менее высокий уровень интенсивности, обусловленный степенью господствую-

щего экономического и социального кризиса. Одновременность этих конфликтов с зарождением демократического процесса побудила некоторых наблюдателей, незнакомых с африканскими реалиями, сформулировать упрощенные суждения о природе этих конфликтов. На самом деле эти конфликты уходят своими корнями в экономический, социальный и политический субстраты, выкованные историей. Анализ конфликтов в Западной Африке в каждом конкретном случае показывает всю важность влияния исторических факторов [6]. Колонизация и постколониальное национальное государство наложили свой отпечаток на политические и социокультурные реалии. Некоторые национальные государства пытались укрепить границы, возникшие в результате колониального раздела, что заблокировало предыдущую политическую и культурную динамику, создав для многих общин жизнь в гетто в отличие от большой мобильности, характерной для доколониальной эпохи. Это привело к потрясениям, усиленным политикой «освоения» и дискриминационного управления населением в пределах колониальных территорий (кочевники/оседлые; хозяйственно-полезные районы/заповедники; центральная колония/периферийная колония и т. д.) [7]. В значительной степени конфликты остаются следствием маргинализации на многих уровнях. И в большинстве случаев независимость не приводила к серьезным изменениям в колониальных стратегиях управления населением [8].

Идеологический дискурс национального государства, распространяемый правящими элитами, мало овладел большинством населения. Анализ причин различных конфликтов показывает решающую роль внутренней политики маргинализации отдельных групп или категорий населения в «национальном» пространстве. Эта маргинализация принимает различные формы, отражающие провал попыток построить национальные государства по европейской модели. Правящие элиты разработали политику исключения, которая оттеснила многие группы и сообщества на периферию национального пространства, таким образом оказавшись исключенной из любого значимого участия в управлении делами страны. Почти везде в регионе меньшинство берет власть и удерживает ее посредством более или менее насильственных форм (манипулирование конституцией, массовые фальсификации выборов, государственные перевороты, обострение партикулярий). Это приводит к многочисленным формам реакции, начиная от пассивного сопротивления и заканчивая периодическими восстаниями и даже вооруженными восстаниями. Новое гражданство, вызванное границами постколониального государства, воспринимается низовым населением как травма. Это противоречит истории и стремлениям населения к свободному передвижению. Несмотря на то, что колониализм в своих собственных интересах добился интеграции в субрегиональном масштабе в соответствии с определенными модальностями (Французская Западная Африка, Британская Западная Африка), независимость, достигнутая в рамках балканизации, стала источником динамики напряженности между государствами и внутри них, между населением, вынужденным формировать новую идентичность в соответствии с капризами дискурса и отношениями правящих групп [9]. В странах, затронутых фазой вооруженного восстания, гражданская война разрушила государственные институты. Вооруженные силы и силы безопасности, судебная система и все инструменты регулирования, обеспечивающие республиканское функционирование государства, лишены своей роли национальной интеграции, и являются не чем иным, как инструментами на службе фракций или этнических или региональных групп. В этих условиях демократическая система навсегда оказывается в ловушке. Самые ожесточенные конфликты в Либерии, Сьерра-Леоне и Кот-д'Ивуаре проистекают из политики маргинализации или даже изоляции, которая является реальной или воспринимается как таковая более или менее значительными слоями населения. Противостояние между этническими группами или гражданами разных географических районов и религиозные разногласия проистекают, прежде всего, из инструментализации категорий идентичности политическими лидерами в их гонке за завоеванием или сохранением власти. Эти формы инструментализации политического процесса следуют той же логике, что и использование крайне правыми ксе-

нофобии, расизма или антисемитизма в развитых странах, переживающих кризис. Ввиду происходящих преобразований Западная Африка переживает мучительный процесс демократизации, непрерывность которого постоянно находится под угрозой. Своеобразие этого процесса обусловлено соединением множества исторических явлений.

Оценка демократизации в Западной Африке

Спустя почти два десятилетия результаты демократизации в Западной Африке все еще очень неоднозначны. Почти все страны региона демонстрируют многочисленные признаки длительной политической нестабильности. Некоторые страдают от конфликтов, которые еще не урегулированы (Кот-д'Ивуар); другие при поддержке международного сообщества с большим трудом ищут путь к гражданскому миру (Либерия — Сьерра-Леоне — Гвинея-Бисау); третьи переживают потрясения, свидетельствующие о многочисленных последствиях исключительных периодов [10]. Даже Сенегал, переживший относительно стабильную эволюцию с чередованием мирной демократии, в течение некоторого времени демонстрирует признаки нестабильности.

Западная Африка переживает особенно трудный период перехода к демократии. В странах, раздираемых вооруженными конфликтами, демократическому процессу препятствуют несколько факторов, которые, несомненно, будут определять общее развитие общества еще долгое время. Кристаллизация этнической и/или региональной идентичности, порожденная конфликтами, исказила характер политической конкуренции между акторами [11]. Конкуренция между последними, которая должна была происходить вокруг социальных проектов, основанных на включении различных слоев национального сообщества, сводится к борьбе за исключение других. Экономическая катастрофа, вызванная войной, всеобщее насилие еще более способствовали тенденциям к взаимному исключению акторов. В таком контексте систематического недоверия развитие демократических дебатов может стать лишь приманкой. Поэтому не будет пессимистичным предположить, что таким странам, как Либерия, Сьерра-Леоне, Гвинея-Бисау и Кот-д'Ивуар, потребуется время, чтобы пережить полученную травму, жертвами которой они стали [12]. Это означает, что темпы демократизации, несомненно, будут довольно медленными. В Того и Гвинейской Республике (Конакри) процесс демократизации все еще отмечен очень сильными последствиями однопартийной системы старого образца с более выраженным влиянием милитаризма, чем где-либо еще. В этих двух странах, несмотря на несколько десятилетий многопартийности, вооруженные силы по-прежнему играют решающую роль в передаче власти и механизмов управления населением на всех уровнях, о чем свидетельствуют взлеты и падения кризисов, потрясших режимы на местах. Буркина-Фасо, Мали и Нигер, которые, как и две предыдущие страны, также пережили переход от исключительной системы к многопартийной, в настоящее время, похоже, демонстрируют более быструю адаптацию к ограничениям демократизации. В Нигерии вес военной культуры и влияние олигархических групп, которые пропагандируют дискурсы идентичности (этнические или религиозные), еще больше препятствуют текущему процессу. То, что называют сенегальским исключением, хотя его часто превозносят как пример стабильного демократического прогресса, тем не менее также сталкивалось с эпизодами неудач. Действительно, голосование, проведенное 19 марта 2000 г. на Президентских выборах в Сенегале, открыло новый период напряженности между политическими акторами. Это красноречиво свидетельствует о том, что демократические завоевания еще не завершены.

В условиях распространения бедности политическая демократия находится под постоянной угрозой. Помимо конфликтов и бедности, третий фактор, неблагоприятный для демократического процесса, исходит от политических лидеров. Последние, особенно находящиеся у власти, быстро подписывают международные обязательства по принципам надлежащего управления (ЭКОВАС, Механизм коллегиального обзора НЕПАД, Африканский союз, Организация Объединенных Наций и т. д.), но на практике очень часто занимаются манипу-

лированием Конституцией, избирательными вопросами с целью сохранения (увековечивания) себя у власти. Там, где мошенничества на выборах недостаточно, прибегают к стратегиям исключения, которые подрывают правовые и легитимные основы государства, тем самым открывая путь к дестабилизации страны. Лидеры оппозиции, которые не упускают возможности разоблачить подобные злоупотребления со стороны власть имущих, имеют те же недостатки. Таким образом, процесс демократизации по мере его развертывания поднимает общий вопрос о доверии к африканскому руководству. Согласованность между дискурсом и политической практикой возникает в общем виде. Иными словами, возникает много вопросов об актуальности многих политических проектов по отношению к задачам устойчивого развития. Более того, нынешняя экономическая политика, для которой характерны приватизация исключительно в интересах многонациональных компаний, отмена субсидий жизненно важным секторам экономики, здравоохранению, образованию, представляет собой столь же очевидное препятствие на пути демократизации. Демократия не может обрести своего полного значения, если она не сопровождается свободой определять экономический и социальный выбор в соответствии с реальными потребностями и чаяниями населения.

Однако, несмотря на вышеупомянутые препятствия, движению региона к мирной демократии способствуют укрепление общественного мнения в качестве морального фактора, давящего на правительства и акторов со всех сторон. Решающую роль в этом отношении играют распространение идей, одобренных крупными средствами массовой информации, и ускоренная урбанизация.

Эхо борьбы народов мира, о которой сообщают средства массовой информации (СМИ), несомненно, оказывает влияние на поведение африканского общественного мнения в целом [13]. Частная и независимая пресса (письменная и аудиовизуальная), какой бы слабой и непрофессиональной она ни была, влияет на ход событий. Одним из положительных последствий демократизации является плюрализм СМИ во всех странах региона, хотя он по-прежнему остается неравномерным по количеству и качеству. В отличие от Восточной Африки, где газеты выходят на африканских национальных языках (например, на суахили), письменная пресса в Западной Африке использует почти исключительно языки колонизаторов (французский, английский и португальский).

Влияние телевидения намного сильнее, чем влияние других средств массовой информации [14]. Но монополия де-факто действующих режимов на эту среду не способствует ускорению процесса демократизации. Несмотря на почти повсеместное создание регулирующих органов, подлинный плюрализм все еще трудно установить. Во всех странах телевидение остается инструментом пропаганды на службе у власти.

В Западной Африке повсюду наблюдается подъем гражданских движений с расширением и укреплением возможностей гражданского общества, даже если эти возможности все еще существенно зависят от внешней поддержки. Правозащитные организации, наряду с некоторыми политическими силами и профсоюзами, своими действиями способствуют снижению произвола власти. Потребительские ассоциации и другие формы организаций защиты экономических интересов играют роль достоверных ретрансляторов определенных требований, предъявляемых самими государствами или другими экономическими слоями (крестьянами) общества. Это, например, восстание против НДС в Нигере, борьба за справедливую торговлю, особенно в отношении хлопка, решение вопроса о списании долга бедных стран с крупной задолженностью (HIPC) на саммите G8 [15].

Заключение

По мнению афро-пессимистов всех убеждений, современное состояние демократического процесса в Западной Африке не внушает чрезмерного оптимизма. Анализ текущих явлений с точки зрения длительности, скорее, устанавливает оптимистическое видение. Во многих слоях общества растет осведомленность о том, что проекты развития, основанные на

альтернативных стратегиях, можно претворить в жизнь. В этом отношении региональная интеграция воспринимается консенсусом как необходимый путь, который позволит преодолеть наследие Берлина и колонизации, а также пагубные последствия необузданной глобализации. Растет осознание необходимости сопровождать демократизацию в рамках национальных границ унитарным вариантом политической интеграции, который сам по себе поможет Африке стать новым самостоятельным партнерским полюсом в глобальном стратегическом устройстве.

Политическая демократия должна быть связана с борьбой за демократию экономическую. Эти две составляющие остаются тесно связанными. Несмотря на то, что то тут, то там время от времени отмечаются потрясения, происходящая динамика процессов демократизации кажется необратимой. Автономное и динамичное гражданское движение может и должно своим постоянным давлением способствовать возникновению сознательного и ответственного лидерства, что, в первую очередь, бросает вызов африканскому руководству.

Список источников

1. Michael B. The “Alternation Effect” in Africa // Journal of Democracy. 2004. № 4. P. 147–158.
2. Alioune S. La réflexion prospective en Afrique. Discours et pratiques // Futuribles. 2019. № 430. P. 15–32.
3. Marc F. Des armées africaines : comment et pour quoi faire? // Outre-Terre. 2005. № 11. P. 347–374.
4. Geneviève G. Être jeune à Ziguinchor // Autrepart. 2001. № 18. P. 135–150.
5. Giovanni Z. Sahel : pourquoi prendre les armes? Une revue de littérature // Papiers de recherche. 2020. P. 1–76.
6. Gilles O. Y. Le Rôle de la CEDEAO dans la Gestion des Crises Politiques et des Conflits: Cas de la Guinée et de la Guinée Bissau. Uta Herrmann Grafikdesign, 2010. 61 p.
7. Marc L. L'analyse géographique d'une guerre civile en milieu sahélien // Afrique contemporaine. 2005. № 214. P. 129–163.
8. John I. Les Africains, histoire d’un continent. Flammarion, 2002. P. 185.
9. Mathieu L.H. De l'AOF à la CEDEAO. La France et la sécurité du golfe de Guinée, un essai d'approche globale // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. 2009. № 30. P. 91–107.
10. Sandra S. Sierra Leone : un Etat en attente de «paix durable» — la communauté internationale dans l'engrenage de la paix en Afrique de l'Ouest // Annuaire Français de Droit International. 2000. № 46. P. 176–201.
11. Ntumba L. Ethnicité et gouvernementalité dans le contexte du renouveau constitutionnaliste africain // Revue africaine des sciences sociales et humaines. 2002. № 2. P. 30–45.
12. Koffi A. Les nouvelles tendances du constitutionnalisme africain: le cas des Etats d'Afrique noire francophone // Afrique juridique et politique. 2002. № 2. P. 35.
13. Frère M. S. Les médias d’Afrique et leurs publics // Journalismes d'Afrique. 2020. P. 301–338.
14. Cécile V. A. L’exploration coloniale en ses langues. Une philologie des carnets africains du capitaine Binger // Genèses. 2017. № 106. C. 131–153.
15. Bonjean C. Le paradoxe de la fiscalité? agricole en Afrique subsaharienne // Tiers-Monde. 2001. № 168. P. 773–788.

References

1. Michael B. The “Alternation Effect” in Africa. Journal of Democracy. 2004;(4):147–158. (In Eng.).
2. Alioune S. Forward thinking in Africa. Discourses and practices. *Futuribles = Futuribles*. 2019;(430):15–32. (In Fr.).
3. Marc F. African armies: how and for what? *Outre-Terre = Outland*. 2005;(11):347–374. (In Fr.).
4. Geneviève G. Being young in Ziguinchor. *Autrepart = Elsewhere*. 2001;(18):135–150. (In Fr.).
5. Giovanni Z. Sahel: why take up arms? A literature review. Research papers; 2020. P. 1–76. (In Fr.).
6. Gilles O. Y. The Role of ECOWAS in the Management of Political Crises and Conflicts: Case of Guinea and Guinea Bissau. Uta Herrmann Grafikdesign; 2010. 61 p. (In Fr.).
7. Marc L. Geographical analysis of a civil war in the Sahelian environment. *Afrique contemporaine = Contemporary Africa*. 2005;(214):129–163. (In Fr.).
8. John I. The Africans, History of a Continent. Flammarion; 2002. P. 185. (In Fr.).
9. Mathieu L. H. From AOF to ECOWAS. France and the security of the Gulf of Guinea, an attempt at a global approach. *Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin = Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin*. 2009;(30):91–107. (In Fr.).

10. Sandra S. Sierra Leone: a State waiting for “lasting peace” — the international community in the gears of peace in West Africa. *Annuaire Français de Droit International = Annuaire Français de Droit International*. 2000;(46):176–201. (In Fr.).

11. Ntumba L. Ethnicity and governmentality in the context of African constitutionalist renewal. *Revue africaine des sciences sociales et humaines = African Review of Social and Human Sciences.* 2002;(2):30–45. (In Fr.).

12. Koffi A. New trends in African constitutionalism: the case of French-speaking black African states. Legal and political Africa. 2002;(2):35. (In Fr.).

13. Brother M. S. The media of Africa and their audiences. *Afrique juridique et politique = Journalisms of Africa.* 2020:301–338. (In Fr.).

14. Cécile V. A. Colonial exploration in its languages. A philology of Captain Binger's African notebooks. *Genèses = Genesis*. 2017;(106):131–153. (In Fr.).

15. Bonjean C. The tax paradox? Agriculture in sub-Saharan Africa. *Tiers-Monde = Third World*. 2001;(168):773–788. (In Fr.).

Информация об авторе
М. Л. Дау — аспирант.

Information about author
M. L. Dow — the graduate student.

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.
The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 181–187
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):181–187

Научная статья
УДК 316.752:124.5
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-181-187

НЕОМЕНТАЛЬНОСТЬ «КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ» VS ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРА И ЦЕННОСТИ

Танзиля Алтафовна Нигматуллина[1], Людмила Олеговна Терновая[2]✉
[1]Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений,
Уфа, Россия, ufabist@ufabist.ru
[2]Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ),
Москва, Россия, 89166272569@mail.ru✉

Аннотация. В статье, посвященной актуальной проблематике не только с духовно-нравственной точки зрения, но и приобретающей особую значимость в современных геополитических координатах, представлен анализ процесса, имеющего очень глубокие исторические корни. Они показывают, что практика отрицания неугодных определенному кругу людей идей и лиц, эти идеи продуцирующих, ведет во времена истории Древнего мира, где она воплощалась в акциях остракизма и проскрипций. Более поздняя история дополнила этот ряд. Новые характеристики такая практика приобрела в цифровом контексте, когда у осуждающих благодаря Интернету появились и новые средства осуждения, и возможности долго оставаться безнаказанными за часто бездоказательное обвинение неугодных. В статье подробно рассмотрены причины «культуры отмены» как отражения «неоморали», также показаны обстоятельства, способствующие ее собственной «отмене».
Ключевые слова: традиционная культура, традиционные ценности, мораль, остракизм, проскрипции, социальная стигматизация
Для цитирования: Нигматуллина Т. А., Терновая Л. О. Неоментальность «культуры отмены» vs традиционные культура и ценности // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 181–187. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-181-187.

Research article

NEO-MENTALITY OF “CANCELLATION CULTURE” VS TRADITIONAL CULTURE AND VALUES

Tanzilya A. Nigmatullina[1], Ludmila O. Ternovaya[2]✉
[1]Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations,
Ufa, Russia, ufabist@ufabist.ru
[2]Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI),
Moscow, Russia, 89166272569@mail.ru✉

Abstract. The article, devoted to topical issues not only from a spiritual and moral point of view, but also acquiring special significance in modern geopolitical coordinates, presents an analysis of a process that has very deep historical roots. They show that the practice of denying ideas objectionable to a certain circle of people and persons producing these ideas leads back to the time of the history of the Ancient World, where it was embodied in actions of ostracism and proscriptions. More recent history has added to this series. This practice has acquired new characteristics in the digital context, when thanks to the Internet, the condemners have both new means of condemnation and the opportunity to go unpunished for a long time for often unsubstantiated accusations of objectionable people. The article examines in detail the reasons for the "cancellation culture" as a reflection of "neomoral", also shows the circumstances that contribute to its own "cancellation".

Keywords: traditional culture, traditional values, morality, ostracism, proscriptions, social stigmatization
For citation: Nigmatullina T. A., Ternovaya L. O. Neo-mentality of "cancellation culture" vs traditional culture and values. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):181–187. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-181-187.

Наше время может быть названо периодом не только обострения геополитического противостояния, но и углубления цивилизационного разлома. Допустимо соединять эти два процесса и говорить о столкновении цивилизаций. Так это после распада Советского Союза и сделал американский социологи и политолог Самюэл Хантингтон сначала в статье, а затем историко-философском трактате «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (англ. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*) [1]. За Хантингтоном по пути соединения цивилизационных и геополитических противоречий пошли многие исследователи как за рубежом, так и в России. Несмотря на привлекательность такого подхода, более продуктивным представляется сравнительный анализ геополитического и цивилизационного аспекта глобального кризиса. Во-первых, у каждого из этих его проявлений имеются собственные истоки и вытекающие для них последствия самого разного порядка. Во-вторых, обнаружив их, можно определить тенденции как развития этих линий в будущем по отдельности в проблемном ключе и территориальном (страновом) аспектах, так и найти точки их взаимовлияния.

Поворот именно к такому взгляду на эту проблематику в наши дни приобретает императивный характер. Без него сложно выбраться из аксиологического тупика, понять и принять в качестве ориентира то, что выражается смыслом традиционных ценностей российского социума. Несмотря на часто звучащее в политической полемике утверждение, то содержание данного понятия неясно, размыто, мы имеем его четкое определение в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В этом документе постулируется, что «традиционные ценности — это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». Также там указано, что «к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [2].

Объяснением причин того, что не позволяет некоторой части исследователей и заметному числу активистов и сторонников новых социальных движений не соглашаться с универсальной характеристикой традиционных ценностей, служит их приверженность новому типу ментальности, сформировавшемуся под воздействием социально-экономических, политических, духовно-нравственных и иных факторов, определивших специфику развития западного общества после холодной войны [3].

В очищенном от влияния бывшего геополитического соперника пространстве быстро стали распространяться и торжествовать неоменталитет и неомораль. Российскими авторами предпринимаются попытки осмысления данных явлений, которые при всей своей внешней новизне и ориентированности на будущее процветание человечества [4], по сути, вводят его в ритмику циклического движения, позволяющего возрождать образы и действия прошлого в изменившихся реалиях [5, с. 93–102; 6, с. 20–28].

Утверждению подобных ментальных паттернов способствует обстановка социального перехода. Закономерность возникновения идейных стереотипов цикличности прослеживается

с той переходной эпохи, которая отделяла Новое время от Просвещения. Именно тогда итальянский философ Джамбаттиста Вико (1668–1744) одним из первых в вышедшей в свет в 1725 году книге «Основания новой науки об общей природе наций» показал наличие у каждой культуры собственной ментальности [7]. В его классификации исторических эпох присутствуют «Век богов», «Век героев» и «Век людей», обладающие собственными видами нравов, типами права, правления и пр. Если исходить из того, что в циклической картине мира повторяемость таких эпох может быть бесконечной, то с сожалением придется констатировать, что наше время соответствует описанию, данному Вико «Веку героев» с его гневливыми нравами, императивом силы, побеждающей и мораль, и религию.

Именно таким периодам присуща крайняя нетерпимость к взглядам других людей, если они отличаются от твоих собственных. В Древних Афинах неугодных убирали с помощью процедуры остракизма [8, с. 127–140]. Древние римляне составляли списки нежелательных для общества и объявляемых вне закона лиц, так называемые проскрипции. В числе проскрибированных был и политик, оратор, философ Марк Туллий Цицерон [9, с. 195–211]. В советское время в политической жизни активно пользовались взятым из литературы приемом убирать неугодных, превращая их в персоны умолчания. В Соединенных Штатах Америки в послевоенный период возникло явление, получившее наименование «маккартизм» (англ. *McCarthyism*) по фамилии сенатора Джозефа Маккарти, наиболее рьяно проводившего политику шельмования политических оппонентов, которых находили не только во власти, но и в кинематографе, СМИ, университетах. Но гораздо чаще эта массированная кампания по дискредитации людей, имеющих другие политические убеждения, называется «охотой на ведьм».

Несмотря на разницу времен и цивилизационных оснований у всех перечисленных и подобных им форм общественного порицания и в его итоге наказания несогласных, имеющих точку зрения, выпадающую из общего хора хвалебных голосов, больше общего, чем отличительного. Причем с накоплением опыта обвинительной практики идентифицировать все ее вариации, часто прячущиеся за лозунгами защиты уязвимых социальных слоев, поддержки демократии, отстаивания прав меньшинств и пр., становится все легче.

Сейчас суммарно все подобные проявления нетерпимости к чужому мнению и отражающему их поведению мы обозначаем понятием «культура отмены» (англ. *cancel culture*). То, что истоком этой дефиниции стала англо-саксонская традиция, выглядит логичным продолжением смеси спесивого бойкота инакомыслящих (именно о таком остракизме поэта Уилфреда Дезерта, вынужденного принять ислам, пишет Джон Голсуорси, повествуя в «Конце главы» о его трагической судьбе) и любования собственной исключительностью и вытекающей из нее непогрешимостью. Однако часто, не имея достаточных аргументов и будучи отягощенными остатками совести, чтобы судить других, приверженцы «кэнселлинга» предпочитают не вступать в дискуссии с отвергаемой публичной персоной, а просто выводят ее за скобки, «отменяют». Именно британцы фактически отменили мужское имя «Оливер» после того, как они переоценили вклад одного из обладателей такого имени — Кромвеля. Чарльз Диккенс, давая это имя своему маленькому герою, хотел тем самым подчеркнуть его отверженность социумом. После Второй мировой войны практику табуирования имени из-за политических причин продолжат Германия и Италия, где мальчикам перестали давать имена Адольф и Бенито.

Что касается американского вклада в «культуру отмены», то он во многом базируется на постулатах кампусной культуры, включающих своеобразный «культ безопасности», отличающийся крайней нетерпимостью к любому мнению, воспринимаемому как сексистское, трансфобное, расистское. Оно может иметь вектор, повернутый в прошлое. Проявление желания переписать историю можно обнаружить в актах протеста против памятников, установленных в честь военных или государственных деятелей США, обвиняемых в связях с работорговлей или расизмом. Даже Христофор Колумб был объявлен «лицом геноцида».

Напор этой отрицающей не только личностей, но и бренды, идеи и концепции настоль-

ко силен, что очень немногие люди из мира политики, публицистики или науки способны ему не просто противостоять, а еще и исследовать. Одним из таких смельчаков можно назвать британского режиссера, писателя, сценариста и публициста Мюррея С. Дугласа, выступившего с разоблачением «культуры отмены» в книге «Безумие толпы». В этой работе нашлось место темам пола, сексуальности, расы, технологий и др., каждая из которых способна становится площадкой для спекуляций вокруг идентичности лиц, причастных к происходящему в этих областях [10]. Другой британский автор, писатель и журналист Уилл Сторр подходит к «культуре отмены» несколько с иной позиции. В книге «Статус» он анализирует те атрибуты успеха, что сформировали устойчивое представление о пути к процветанию. Но любое отклонение от этого шаблона ведет к сомнению в верности дороги, а потому всякие колебания должны быть исключены [11].

У современного феномена «культура отмены» множество причин. Все они характеризуют ее в качестве одного из главных проявлений неоментальности. Первая из особенностей данного типа остракизма ничем не отличается от подавляющего большинства явлений, определяемых как новые и имеющие не только приставку «нео» (древне-греч. νέος — молодой), означающую вновь возникший процесс или явление. Они имеют нечто общее со своим предшественником, но претендуют на то, чтобы отличаться от него в лучшую сторону уже только потому, что отвечают духу и запросам времени. Но для того, чтобы доказать свое право на такой ответ, новое явление должно себя идентифицировать. Легче всего этого сделать путем отрицания старого, а еще предпочтительнее — его полного разрушения, как, например, пелось в гимне «Интернационал»:

Весь Мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый Мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем.

Вторая причина весьма широкого распространения «культуры отмены» лежит в общем упадке образования и культуры, отличающего, к сожалению, не только Западный мир. При обретении современными школьниками и студентами требуемых социальными и экономическими реалиями гибких навыков, они утеряли осознание ценности того, что составляло базовую культуру не только в ее национальных контурах, но и масштабе (историческом и геополитическом) всего человечества. Частью, причем ценнейшей, этого общего культурно-цивилизационного пространства выступают этические постулаты. Когда же оказались сбитыми такие ориентиры или полностью было утеряно понимание того, что такое «хорошо» и что такое «плохо», что есть «долг», а что — «наслаждение», представители нового поколения выродились, по образному выражению Нассима Талеба, автора теории «черных лебедей», в интеллектуальных идиотов.

Третья причина нахождения «культурой отмены» удобной питательной почвы проистекает из второй причины. Лежащие в русле «культуры отмены» действия примитивны и безответственны. Они не детерминируются какой-либо глубокой традицией. Также эти проявления не регулируются теми социальными нормами, которые присущи людям уважаемых профессий, имеющих солидный социальный статус. В «культуре отмены» свободно себя чувствуют маргиналы, к которым следует относить не только лиц, потерявших себя морально, но и тех, кто, действительно, находится в состоянии социального перехода. Часто это состояние носит временный и ситуативный характер. Человеку, оказавшемуся в таком транзитивном качестве, исключительно важно о себе заявить, быть услышанным. И чем более широкой аудиторией, тем лучше.

Громкие обвинения других, а «культура отмены» начинается со стигматизации, способствуют не только самоутверждению, но и дают возможность быть услышанным теми, кто служит для маргинала новым социальным ориентиром [12]. Более того, находящееся в обществе маргинальное меньшинство всегда достаточно высоко себя оценивает и потому стремится провозгласить в качестве большинства. Крикливая и напористая «культура отмены» прекрасно служит инструментом изображения того, что данное маргинальное мнение превалирует во всем социуме. Происходит перевертывание своеобразных песочных часов обще-

ственного мнения: находящиеся в меньшинстве маргиналы получают возможность звучать как «глас народа».

К сожалению, в «культуре отмены» некоторые лица, даже не относящиеся к маргиналам, находят определенное удобство. Для того, чтобы что-то серьезно критиковать, это социальное явление или художественное произведение надо сколько-то знать. Проще пойти по пути «не читал, но осуждаю», обозначенному во время кампании осуждения Бориса Пастернака.

Четвертой причиной распространения «культуры отмены» можно назвать стремление властных кругов контролировать значимые социальные процессы. Если в современный период остракизм античности или «охота на ведьм» послевоенного времени коробят интеллектуалов своим антидемократизмом, то в практике шельмования неугодных, известной как «культура отмены», псевдодемократизм переливается через край. Такой социально контролирующий механизм работает потому, что фигурами порицания выступают известные фигуры, прежде имевшие множество почитателей, не вписавшиеся в рамки новой концепции социальной организации. Их публичное порицание организует толпу, направляет ее энергию не на реальные проблемы политики, экономики, культуры, а на борьбу с фантомами, которыми, по сути, являются личные взгляды даже очень известных и заслуженных персон, таких как кинопродюсер Харви Вайнштейн, осужденный активистками движения #MeToo за сексуальное насилие и домогательства; писательница Джоан Роулинг, обвиняемая в трансфобии; певица Дана дель Рей, критикуемая за антифеминизм; видеоблогер Дженна Марблс, критикуемая за наличие в ее давних видеороликах гендерных стереотипов и примеров блэкфейса; рэпер Канье Уэст за высказывания, отнесенные к разряду антисемитских.

К пятой причине интеграции «культуры отмены» в современную систему коммуникативных практик можно отнести превращение ее в инструмент конкуренции. «Кэнселлинг» позволяет убрать с дороги конкурента не только в области художественного творчества, но и перекрывающего финансовые каналы, поскольку в его результате страдает репутация «отменяемого», а вслед за этим он начинает лишаться контрактов, а часто и напрямую работы. Попытка оправдаться, например, через суд, приводит к огромным затратам на адвокатов, как это было у актеров Джонни Деппа и Кевина Спейси.

В наше время в любом социальном проявлении можно найти геополитические основания. Не исключение и «культура отмены», которая выступает также как элемент геополитического противоборства, игнорирующего законы здоровой международной конкуренции [13]. В странах Запада в связи с конфликтом на Украине стали массово отменяться не только концерты российских исполнителей, но и произведения русских писателей XIX в., до этого входившие в программы по литературе престижных университетов. Одновременно от западных организаторов культуры можно услышать мнения, что у этой практики есть исключения. Так, во время презентации своей книги «На культуру не прожить» министр культуры Италии Дарио Франческини заявил, что его страна не поддерживает любые действия, ограничивающие возможность представлять русские произведения [14]. Другой пример — в Нью-Йорке часть 97-й улицы на Манхэттене, рядом с русским Свято-Николаевским собором, стала называться улицей святителя Тихона, служившего в Северной Америке с 1898 по 1907 год, сначала на Аляске, а затем в Нью-Йорке.

Также, если и не полностью в качестве причины, то в виде сопутствующего благоприятного для укоренения «культуры отмены» выступает демографическая платформа. «Культура отмены», хотя и имеет исторических предшественников, в современном проявлении представляет собой, прежде всего, продукт блогосферы, результат информационных трансформаций. Поэтому призывы отметить персону или бренд, быстрее всего, подхватываются теми, кого относят к поколениям миллениалов или Z. Для них инструментарий «кэнселлинга» одновременно оказывается средством борьбы с идеями и идеалами старших поколений. Из этики не только делового, но и повседневного общения уходит стремление понять позицию другого. Вместо этого требования неоментальности заставляют активно наступать на кажущиеся молодым людям отжившие элементы и носителей их идей и ценностей.

В этом основании «культуры отмены» таится ее зыбкость. И не только потому, что в современном обществе накал конфликта поколений стал менее агрессивным, чем в былые времена. Молодое поколение более мобильно с точки зрения получения информации. Ее обилие способно из-за отсутствия спасательного круга в виде критического мышления потопить человека, но оно же может помочь ему выбраться из бурного и мутного информационного потока в силу наличия множества «плавсредств», которыми выступают очень разные источники сведений.

Из этого следует, что «культура отмены» может обернуться прямо противоположным эффектом. Сначала возникает сочувствие к людям, объявляемым персонами нон-грата. Затем появляется стремление понять, что лежит в основе их позиции. А далее следует полное или частичное принятие их мнения. Поскольку непредвзятый взгляд способен различить за громкими «аргументами» сторонников «культуры отмены» токсичную нетерпимость и удобную анонимность социальных сетей, то появляется возможность задуматься о том, какие последствия несет эта политика не только для самих «отменяемых» но и для общей этической ауры.

Нельзя принижать способности общей моральной атмосферы сопротивляться чуждым ей процессам, к которым, безусловно, относится «кэнселлинг».

Эти возможности, во-первых, кроются в резервах традиционных ценностей и традиционной культуры.

Не менее разрушительными для «культуры отмены», во-вторых, выступают имеющиеся в ней самой противоречия. Она способна вызывать своеобразный эффект «домино» и повергать ниц тех, кто рьяно исповедовал ее принципы.

В-третьих, у любой агрессии наблюдается ограниченный запал. Переставая быть новой, обращая внимание окружающих на одних и тех же жертв, агрессия сама себя изживает, теряя аудиторию.

В-четвертых, репутационные бои, как правило, не только бои без правил, но и без победителей, поскольку выигрывающий в начале вскоре сам же оказывается запятнанным уже одним своим участием в травле. Его авторитет, неважно на чем основанный, резко падает. Он перестает быть выразителем мнений, у него тает толпа фолловеров.

В-пятых, так как изначально «культура отмены» позиционировала себя в качестве поборницы свободы слова и борьбы с цензурой, то именно свобода слова и отрицание права на цензурирование превращаются в то зеркало, которое так или иначе поворачивается к «культуре отмены». И, взглянув в него, она, подобно змееголовой Медузе Горгоне, застывает. Ее несостоятельность становится очевидной, а реакция на такую порицательную практику направляется против ее организаторов.

Список источников

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / перевод с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. Москва : АСТ, 2003. 603 с.

2. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061

3. Душков Б. А. Психосоциология менталитета и ноосменталитета. Екатеринбург : Деловая книга, 2002. 448 с.

4. Корсак К., Корсак Ю. Нооглоссарий как средство ноомышления и нооразвития человечества в XXI веке // RELGA. 2014. № 7(280). 17 июня. URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3908&level1=main&level2=articles

5. Вознесенский И. С. Роль типологии восприятия времени в организации труда // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2019. № 4 (45). С. 92–102.

6. Вознесенский И. С. Темпоральная компонента организационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 1(139). С. 20–28.

7. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Москва-Киев : REFL-book, ИСА, 1994. 656 с.

8. Бойкина Е. Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований // Психология и право. 2019. Т. 9, № 3. С. 127–140.

9. Короленков А. В. Caedes mariana и tabulae sullanae: террор в Риме в 88–81 гг. до н. э. // Вестник древней истории. 2012. № 1. С. 195–211.

10. Дуглас М. С. Безумие толпы. Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем. Москва : Рипол Класик, 2022. 480 с.

11. Сторр У. Статус. Почему мы объединяемся, конкурируем и уничтожаем друг друга / перевод с англ. Е. Тарасовой. Москва : Индивидуум, 2022. 384 с.

12. Мамедов А. К., Липай Т. П. Социальная стигматизация. Москва : ИД «АТИСО», 2008. 168 с.

13. Терновая Л. О. Геополитическая культура. Москва : ИНФРА-М, 2021. 340 с.

14. Franceschini D. Con la cultura non si mangia? Milano : La nave di Teseo, 2022. 176 p.

References

1. Huntington S. Clash of civilizations / transl. from Eng. by T. Velimeev, Yu. Novikov. Moscow: AST; 2003. 603 p. (In Russ.).

2. “On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”: Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809. GARANT.RU: information and legal portal. (In Russ.). Available from: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061

3. Dushkov B. A. Psychosociology of mentality and noo mentality. Yekaterinburg: Business book; 2002. 448 p.

4. Korsak K., Korsak Yu. Nooglossary as a means of nothinking and noodevelopment of humanity in the XXI century. *RELGA = RELGA*. 2014;(7(280)). June 17. (In Russ.). Available from: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3908&level1=main&level2=articles

5. Voznesensky I. S. The role of the typology of time perception in the organization of work. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2019;(4(45)):92–102. (In Russ.).

6. Voznesensky I. S. Temporal component of organizational culture. *E`tnosocium i mezhnacional`naya kul`tura = Ethnosocium and international culture.* 2020;(1139)):20–28. (In Russ.).

7. Vico J. Foundations of a new science of the general nature of nations. Moscow-Kyiv: REFL-book; ISA, 1994. 656 p. (In Russ.).

8. Boykina E. E. Ostracism and related phenomena: a review of foreign studies. *Psixologiya i pravo = Psychology and law.* 2019;9(3):127–140. (In Russ.).

9. Korolenkov A. V. Caedes mariana and tabulae sullanae: terror in Rome in 88–81 B.C. *Vestnik drevnej istorii = Bulletin of ancient history.* 2012;(1):195–211. (In Russ.).

10. Douglas M. S. Madness of the crowd. How the world has gone crazy with tolerance and trying to please everyone. Moscow: Ripol Klasik; 2022. 480 p. (In Russ.).

11. Storr W. Status. Why do we unite, compete and destroy each other / transl. from Eng. by E. Tarasova. Moscow: Individual; 2022. 384 p. (In Russ.).

12. Mamedov A. K., Lipai T. P. Social stigmatization. Moscow: PH "ATISO", 2008. 168 p. (In Russ.).

13. Ternovaya L. O. Geopolitical culture. Moscow: INFRA-M; 2021. 340 p. (In Russ.).

14. Franceschini D. Can't you eat with culture? Milan: Theseus` ship, 2022. 176 p. (In It.).

Информация об авторах

Т. А. Нигматуллина — доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, директор;

Л. О. Терновая — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления.

Information about authors

T. A. Nigmatullina — Doctor of Science (Political), Candidate of Science (Historical), Assistant Professor, Director;

L. O. Ternovaya — Doctor of Science (Historical), Professor, Professor of the Department of Sociology and Management.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 188–191
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):188–191

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Научная статья
УДК 1
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-188-191

ФЕНОМЕН ОБНУЛЕНИЯ КАК МОДУС ИГРАИЗАЦИИ

Радмир Аузагиевич Иксанов[1]✉, Равиль Касимович Гарипов[2], Радик Равилович Ильясов[3]
[1]Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, iksanov333@yandex.ru✉
[2,3]Башкирский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
[2]rgaripov02@mail.ru
[3]rradikkk@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются категории обнуления результата деятельности, а также связь с имитацией и абнегизмом. Выделены объективные и субъективные причина обнуления, при этом отмечается нелинейный характер проявления феномена на разных этапах социализации.
Ключевые слова: обнуление, имитация, абнегизм и играизация, противоречия познавательной и преобразовательной деятельности
Для цитирования: Иксанов Р. А., Гарипов Р. К., Ильясов Р. Р. Феномен обнуления как модус играизации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 188–191. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-188-191.

PHILOSOPHY AND HISTORIOGRAPHY

Research article

ZEROING PHENOMENON AS A MODUS OF GAMIFICATION

Radmir A. Iksanov[1]✉, Ravil K. Garipov[2], Radik R. Ilyasov[3]
[1]Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, iksanov333@yandex.ru✉
[2,3]Bashkir Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation
[2]rgaripov02@mail.ru
[3]rradikkk@mail.ru

Abstract. The article explores the categories of zeroing the result of activity, as well as the connection with imitation and abnegism. The objective and subjective reasons for zeroing are identified, while the non-linear nature of the manifestation of the phenomenon at different stages of socialization is noted.
Keywords: zeroing, imitation, abnegism and gamification, contradictions of cognitive and transformative activity
For citation: Iksanov R. A., Garipov R. K., Ilyasov R. R. Zeroing phenomenon as a modus of gamification. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):188–191. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-188-191.

Феномен обнуления результатов отличается многозначностью в определении и применении к объектам. Пока же термин не включен в пространство гуманитарных и организационных дисциплин, но его проявления обнаруживаются в различных типах деятельности, в процессах, в ситуации. Школьники зачастую реализуют данный феномен примитивным об-

разом, в десятых, одиннадцатых классах выбирают учебные предметы, по которым проводится ЕГЭ, и именно эти предметы становятся центральными, именно они и «учатся» (это их терминология). Внимание к остальным предметам номинальное, просто желательно не пропускать уроки, имитировать квазидеятельность, чтобы особенно не раздражать учителя, который, конечно же, понимает правила игры и вынужден будет их аттестовать.

Во-первых, беседы с очниками первого курса разных специальностей дополняют модусы обнуления: «Я не учил этот предмет, потому что меня обидел учитель», «Я ничего не понимаю в математике, потому что учитель не объяснял, а только писал задание на доске, раздавал учебники и уходил в лаборантскую, смежную комнату», «По физике я знаю только, что теплый воздух поднимается вверх, так как физики вообще не было», «Я учился в техникуме по специальности радиотехника, лень было утром рано вставать и идти на учебу», «Я из деревни, и у нас не было учителя по этому предмету, мы переписывали учебник и нам за текст и рисунки ставили высокие оценки». И таких вариантов множество, сложно их генерализировать в некую единую концепцию. Разумеется, категорию «обнуление» можно исследовать, если признать, что данный феномен имеет причинно-следственную основу, хотя даже на уровне здравого смысла имеется множество его проявлений, которые не могут быть объяснены с позиций классического детерминизма.

Во-вторых, опишем иные упущенные возможности: проводится сессия для очников, приходи каждый день и просто общайся с преподавателями, одновременно проверяй себя. Аудитории пустые, тишина в здании, преподаватель выполняет рутинную работу по составлению отчетов, заполнению бумаг. Ему хочется восстановить статус источника знания, уйти от механической работы счетовода, и он будет рад, что кому-то действительно нужен и во внеаудиторного времени. Он готов консультировать бесплатно одному, двоим, троим. Но золотую возможность обучающиеся упускают. Почему так происходит? Причина не только в отчуждении, в искусственном отстранении обучающегося от преподавателя (учителя). Началось это с того момента, когда менеджеры от образовательного департамента утвердили новый статус преподавателя как урокодателя и «оказывателя услуг». Оказание услуг равнозначно деятельности менеджера по продажам.

За последние тридцать лет удалось вынести из учебных оплачиваемых часов практику «работы над ошибками». Это ценнейший вид учебной деятельности, когда после выполнения контрольной, промежуточной, самостоятельной работы, зачета, экзамена преподаватель оценивает и проводит глубокий анализ ошибочных решений, при этом в большей степени из общего выделяя особенное, единичное, индивидуальное. Только для профессионала более значимы поражения и неудачи, нежели достижения и победы. Именно неудачливость заставляет пытливый ум работать на пределе мыслительных способностей. Этот аспект малоисследован. Метафорически выражаясь, звук победных фанфар заглушает здравый голос: «Изучай глубоко поражения». Но так как сейчас запрещено оценивать студента в присутствии сокурсников, то, естественно, этот вид деятельности выносится из образовательного пространства. Сосед не должен знать, как учится его коллега, он может косвенно догадываться, но не должен знать. Как можно меньше знать сущностное, основное, твердо знать можно только пустяковое, периферийное. Удивительный поворот в развитии социальности.

В-третьих, именно к январю в вузы рассылают множество приглашений на семинары, конференции, коллоквиумы, круглые столы, конкурсы и им подобные мероприятия (разумеется, внимания заслуживают только бесплатные, коммерциализация уже обнулила ценные инициативы, к тому же если преподаватель решится в них участвовать, то ему и придется оплатить участие из собственной заработной платы). Казалось бы, пиши, думай, консультируйся, повышай свой статус, статус кафедры, вуза, что еще нужно? Но никто не приходит, преподаватель ищет и не находит соискателя, сам пишет работу за студента (а что ему остается, на него умело давят), готовит работу так, чтобы организаторы не смогли предположить, что это рука профессионала, сам же отсылает, ведет переписку, договаривается. Затем включаются дополнительные силы учебной части, они

находят Икса, которой соглашается исполнить уже готовую роль и при этом получить весомые поощрения. И Икс пользуется бесплатным трудом, злорадствуя, как удачно «поставил препода и получил плюшки». В этом пункте представляется перспективным выявить список областей социальной реальности и типов деятельности, которые располагаются за границами морально-этических нормативных оснований, за пределами добра и зла. Этот тезис обычно формулируется максимой: «Ничего личного, только выгода и бизнес».

Можно ли рассматривать обнуление как частный случай имитации? Такой поворот в исследовании вполне логичен. Ведь имитация только для непрофессионала — скрытый и воспроизводимый элемент образовательного действия. Но научившись имитировать, студент переводит паттерн и в другие, в том числе и будущие, типы деятельности. Причины имитации не всегда линейно связаны с учебным процессом, а, видимо, располагаются в толще социальных регуляторов на мировоззренческом уровне. Очевидно, личность переходит на имитационные действия вовсе не потому, что оказывается физически и психологически не готовой выполнять учебные действия. Авторы считают, что имитация множественна, противоречива в содержательной и оценивающей сферах. Она — не только следствие слабой мотивации и принужденного выбора студентом специальности и формы обучения, она связана с искаженным пониманием цели деятельности, которая видится не в получении фундаментального, развивающегося знания, навыка, умения, а рассматривается как способ получения документа, сертификата вовсе не для того, чтобы работать, а для того, чтобы получить, как они себе внушают, социальный статус.

Авторы основываются на позиции классического детерминизма, что в качестве главной причины имитации рассматривается пока неустранимая асимметрия спроса и предложения на рынке трудовых ресурсов. И если значительная часть молодых людей трудится не по специальности, то со временем происходит обнуление полученных навыков, умений и знаний. Специалисты подсчитали, за какое время личность теряет необратимо ценные профессиональные качества. Даже простой жизненный опыт показывает, насколько трудно и порой невозможно вернуть прежние способности, прежнюю хватку, способность трудиться «играючи». И здесь важный пункт: при условии, что молодой человек изначально настраивается на невозможность трудиться по специальности, то сложно от него ожидать рвения в познании. Как сделать так, чтобы он не разочаровывался? Ответ только один: ищи работу, пока учишься и начинай работать, когда учишься. Договаривайся, ограничивай себя, но обязательно постоянно работай, насыщайся практическим опытом, усиливай свои умения, расширяй картину мира, становись предпрофессионалом.

С другой стороны, перемены в социальных структурах затронули отношения человека к времяпрепровождению, что вылилось в формирование имитационного образа жизни, при котором конструируется стиль безрезультатной игровой деятельности, побуждающий субъекта к потоку чувственных и физиологических удовольствий.

Отдельные элементы имитации внешней пристойности в рамках гедонистического вектора проникают в повседневность различных страт. Принимается как допустимое, что клерк, выписывающий бумаги на прохождение медкомиссии, одновременно пишет, вопрошает, ищет подсказки на экране и развлекается, потребляя увеселительные фрагменты, музыкальные шумы, яркие картинки.

Не стоит упускать из исследования и чисто экономические аспекты: наряду с подлинными товарами для потребителя потоком вбрасывается их искусная подделка, клон, копия, суррогат, реплика. Это теневое производство способно лишь на время ввести проницательного покупателя в заблуждение. Последний, покупая их, невольно стимулирует имитацию. Возможно и иное объяснение: проницательный покупатель прекрасно осведомлен, что он покупает суррогат, и эта имитация его вполне удовлетворяет. Простейшие рассуждения позволяют вывести, что и прочное знание не может быть полностью подлинным, оно включает в себя элементы нелогичные, ошибочные, скрытые. Имитация удовлетворяет не только периферийные, но и некоторые глубинные по-

требности личности, его жизнь на определенном этапе будет им оценена как имитационная модель. Невозможно всем одновременно победить, всегда обнаруживаются проигравшие. Также отметим слабость аргумента, что имитация не может длительное время заполнять жизненное пространство. Ответ только один — может. Такие проявления как абнегизм и эскапизм прекрасно выводятся из признания имитации как значимого социального движения. Неопровержимым аргументом выступает экономический парадокс, который проявляется в цикле работника, искусственно удлиняющего рабочее время, одновременно обозначающего себя как работающего на двух и более рабочих местах. Современное трудовое законодательство разрешает множество «подработок», и если студент одновременно выполнению роли онтологически истинного студента оказывается способным подрабатывать разносчиком, грузчиком, курьером, то такое положение расценивается как вхождение в разрушительную область упрощения и примитивизации. Эргонометрические показатели студента рассчитаны на эффективный «труд» студентом только в единой и единичной образовательной активности. Опыт свидетельствует, что даже единственное пропущенное занятие уже вносит необратимую деформацию в структуру формирующихся неустойчивых и ценных умений.

Важно исследование области духовного воспроизводства личности, той области нематериального блага, которая определяет качество жизни. Проблема подмены образовательного усилия (и профессионального труда в целом) имитацией не может быть решена в пространстве локального нормативного акта. Поставленная проблема не только философская. Формализованное измерение результата представляет собой неизбежное искажение истинного положения. Это проблема и социальная и антропологическая.

Информация об авторах
Р. А. Иксанов — старший преподаватель кафедры политологии, истории и теории государства и права;
Р. К. Гарипов — доктор филологических наук, профессор;
Р. Р. Ильясов – доктор философских наук, профессор.

Information about authors
R. A. Iksanov — senior lecturer of the Department of Political Science, History and Theory of State and Law;
R. K. Garipov — Doctor of Philology, Professor;
R. R. Ilyasov — Doctor of Science (Philosophical), Professor.

Статья поступила в редакцию 09.02.2023; одобрена после рецензирования 16.03.2023; принята к публикации 23.06.2023.
The article was submitted 09.02.2023; approved after reviewing 16.03.2023; accepted for publication 23.06.2023.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 192–199
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):192–199

Научная статья
УДК 7.046
doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-192-199

ЛАБИРИНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИФА: ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВ ПОДЗЕМЕЛЬЯ НА ГОРНЯЦКУЮ МИФОЛОГИЮ

Танзиля Алтафовна Нигматуллина[1], Людмила Олеговна Терновая[2]✉
[1]Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, Уфа, Россия, ufabist@ufabist.ru
[2]Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия, 89166272569@mail.ru✉

Аннотация. Обозначилось несколько причин обращения к проблемам шахтерской мифологии. Первая из них заключается в том, что в современной информационной ситуации происходит активное расширение пространства воображения, частью которого выступают сюжеты мифов. Создаются новые мифы, частично принимающие, но в большей степени искажающие принципы организации мифического мира. Вторая причина затрагивает проблемы социальной мифологии, где особые признаки имеются у профессиональной мифологии. Третья причина заставляет обратить внимание на шахтерскую мифологию, имеющую общие черты для разных регионов мира, но, главное, оказывающую исключительно сильное влияние на ментальность горняков.
Ключевые слова: социология воображения, мифология, недра, подземелье, профессиональная ментальность, шахтеры
Для цитирования: Нигматуллина Т. А., Терновая Л. О. Лабиринты профессионального мифа: влияние образов подземелья на горняцкую мифологию // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 192–199. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-192-199.

Research article

LABYRINTHS OF PROFESSIONAL MYTH: THE INFLUENCE OF UNDERGROUND IMAGES ON MINING MYTHOLOGY

Tanzilya A. Nigmatullina[1], Ludmila O. Ternovaya[2]✉
[1]Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia, ufabist@ufabist.ru
[2]Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russia, 89166272569@mail.ru✉

Abstract. There are several reasons for addressing the problems of mining mythology. The first of them is that in the modern information situation there is an active expansion of the space of imagination, part of which are the plots of myths. New myths are being created, partially accepting, but to a greater extent distorting the principles of organization of the mythical world. The second reason concerns the problems of social mythology, where professional mythology has special features. The third reason makes us pay attention to the mining mythology, which has common features for different regions of the world, but, most importantly, has an exceptionally strong influence on the mentality of the miners.
Keywords: sociology of imagination, mythology, bowels, underground, professional mentality, miners
For citation: Nigmatullina T. A., Ternovaya L. O. Labyrinths of professional myth: the influence of underground images on mining mythology. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(2(59)):192–199. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-192-199.

Под натиском всевозможных сложностей, проявляющихся как в повседневной жизни, так и на более высоком уровне политической и социально-экономической реальности, происходит неизбежное обращение людей к образам, позволяющим интерпретировать имеющиеся проблемы языком мифа. Миф обладает удивительными способностями. Он показывает, с одной стороны, фантастические, но, с другой стороны, очень близкие человеку формы успокоения, утешения и в итоге выхода из тупика. Выдающийся отечественный философ и религиозный мыслитель А. Ф. Лосев в «Диалектике мифа» обращал внимание на то, что «миф есть бытие личностное или, точнее, образ бытия личностного, личностная форма, лик личности» [1, с. 459]. Эти особенности мифа объясняются тем, что он не просто демонстрирует готовые варианты разрешения трудностей, но и преподносит их в такой чувственно-эмоциональной оболочке, которая не оставляет места для просачивания в сознание человека сомнений в правильности предлагаемого мифической картиной выбора.

В каждую эпоху обнаруживались собственные беды, опасности, вызовы, отвечающие уровню и качеству развития не только экономики, политики, культуры, но и человеческого капитала. И точно так же формировались отвечающие им мифы [2, с. 8–12; 3, с. 498–502]. В совокупности они складывались в масштабную затейливую мозаику, в которой легко было, переложив отдельные фрагменты, скомпоновать сюжет, востребованный в конкретных, как правило, экстремальных обстоятельствах. Чем ближе было к нашему времени, тем современнее становилась природа возникновения фрагментов этой мозаики, благодаря чему актуальнее звучали собранные из них сегменты.

Если в давние периоды интерпретация непонятных идеологических конструктов входила в задачу архаической мифологии с ее образами богов и героев, то в наши дни эту миссию перехватила социальная мифология. Под ней можно понимать «аксиологически нагруженный феномен, образующий систему мифов о процессах общественного развития и обществе в целом, оказывающий существенное влияние на общественное сознание и приводящий к активизации деятельности отдельных социальных групп, всего социума» [4, с. 5]. Социальная мифология, как и все социальное пространство, неоднородна. В ней есть стабильные островки концентрации представлений людей о времени и о себе в профессиональном, национальном, региональном и иных ракурсах. Но все больше становится таких частей, которые бурно трансформируются, отражая перемены в отношениях к семье, полу, религии.

Профессиональную мифологию можно отнести к наиболее стабильной части социальной мифологии. Во многом эта характеристика опирается на то, что подавляющее большинство профессий имеет глубокие корни. Образы профессий настолько далеко проросли в историю, что дают основание извлекать оттуда как профессиональные архетипы, так и базовые положения кодексов профессиональной чести. Даже относительно новые профессии стремятся найти у себя такие же основания, как у профессий прошлого, или искусственно состарить себя, например, путем обретения собственного святого покровителя [5, с. 141 — 152].

Интерпретируя профессиональную мифологию с позиций спиральной динамики, ее следует поместить на второй — фиолетовый — уровень, идущий за бежевым, являющийся уровнем выживания, где у организации нет структуры, связей, ощущения безопасности. На фиолетовом уровне уже появляются коммуникации, профессиональный язык, позволяющий сформировать и закрепить не только образы и традиции, но и кланы. Именно они превращаются в хранителей ритуалов, носителей памяти, защитников священных мест. Однако помимо таких отрицательных характеристик на этом уровне видны безусловные плюсы социальной интеграции, позволяющей членам коллектива почувствовать защищенность и безопасность, в частности, благодаря установлению гармонии с природой и ее мифологическими образами [6].

Такие черты более всего заметны у представителей тех профессий, что связаны с повышенной опасностью, заставляющей людей помимо развития навыков выживания обращаться к мистическим силам с мольбой о за-

щите. Подземный мир есть именно такая тревожная среда, в которой бушуют хтонические (греч. χθών — земля, почва) силы, порожденные дикой природной мощью. Овладение этими пространствами лежит в основе множества интересов: геополитических, экономических, меркантильных и даже мистических [7, с. 29–45; 8]. У лиц, непосредственно воплощающих эти интересы, независимо от того по собственному ли желанию они это делают или по принуждению, формируется особая профессиональная ментальность, в которой есть место для исключительно устойчивых понятий трудового героизма, чести и достоинства, а также для профессиональной мифологии, где сплетаются смыслы пространства и времени, одновременно сжатые в склепе подземелья и распахнутые в наземный мир благодаря мощным ритмам исходящей от него энергии.

В тех регионах, где основой выживания выступала сила недр Земли, менталитет их населения базировался на ценностях, связанных с шахтерским трудом. При этом «основные особенности трудовых ценностей менталитета шахтеров заключаются в том, что доминирующую роль играют не индивидуальные, а коллективные ценности, чувство социальной ответственности, следование идеалу, авторитету, готовность к самопожертвованию, долготерпение, отчаянная храбрость. Как следствие, важной чертой шахтерской ментальности становится общественно одобренный труд» [9, с. 23–24].

Такая ментальность помогает поддерживать возможности человека работать в условиях постоянной опасности. Но ни ощущение товарищества, ни знания и опыт не в состоянии затмить все реальные риски шахтерского труда, а еще и добавленные к ним страхи из-за пребывания в местах, напоминающих преисподнюю. Отсюда органичным становится обращение горняков к языку мифа. Один из крупнейших отечественных специалистов в области лингвистики, литературоведения, фольклористики Р. Р. Гельгардт описал особенности шахтерских поверий в статье «Фантастические образы горняцких сказок и легенд (к типологической характеристике старого рабочего фольклора)», вошедшей в сборник «Русский фольклор. Материалы и исследования» [10, с. 193–226]. В этой работе Р. Р. Гельгард объяснял причины того, почему вера шахтеров в могущество подземных духов оказывалась сильнее, чем официальная религия. Ученый приводит примеры, что до 1917 года от сибирских шахтеров можно было услышать просьбу «Дай, Горный» вместо обычного выражения «Боже, помоги». Горняки всячески задабривали хозяев недр, принося им разные подношения. Этим они не только пытались испросить поддержку и стремились защититься от беды, которую могли наслать на них силы подземелья, но и надеялись на заступничество перед непосредственным начальством, хозяевами и властями. Р. Р. Гельгард видел в этих обрядах прямую связь с русскими крестьянскими поверьями, в которых герои низшей мифологии были наиболее близки человеку, а потому от них зависел порядок протекания самых обыденных событий [11]. Шахтеры, в основном имевшие крестьянское происхождение, перенесли образы домовых, леших, водяных и прочих духов, всеми своими магическими возможностями защищающих вверенные им богатства, на образы духов-защитников подземного мира. Повсеместно в местах разработок ископаемых было принято оставлять различные подношения, чтобы задобрить таких духов и заручиться поддержкой.

Шахтерская мифология имеет несколько уровней погружения в ее образы. Первый из них отражает логику перевертывания картины мира, в которой вместо земли знаковым пространством становится подземелье, вместо мирских, профанных координат теперь в нем надо руководствоваться координатами сакрального, хтонического порядка. На втором уровне мифологии раскрывается, как, свыкшись с такой необходимостью, человек, находящийся под землей, оказывается в ожидании чуда или награды, а потому включает в своем сознании все известные ему коды коммуникации с подземными существами. Следующий, третий, уровень погружения в шахтерскую мифологию локализует сознание и концентрирует внимание на взаимодействии с теми духами места, которые присуще лишь ему одному и выступают его охранителями.

Эти духи недр способны представляться в самых разных обличьях. Они могут иметь ан-

тропоморфное происхождение, как Хозяйка Медной горы, Горный батюшка, Мария Глубокая, Шубин, Девка Синюшка. Многие из подземных хранителей имеют черты персонажей низшей мифологии: кобольд, никель и прочие стуканцы. Порой горный дух воплощается в виде животного: синий заяц, олень с серебряным копытцем, лось с золотыми рогами. А о попытках официальной религии бороться с засильем подземной нечисти в шахтерской мифологии говорит появление в ней представителей христианского пантеона, например, святого Лоренцо.

На первый взгляд, в этой типологии нет отличий от прочих классификаций различных «гениев места» (лат. *genius loci*), выступающих духами-покровителями конкретной территории [12, с. 155–157]. Разница проявляется не в том, в каком образе воплощается в сознании горняков рудничный дух, а в его силе, власти, могуществе, которые во многом превосходят ту энергию, что требовалась бы для обеспечения безопасности копей. Эта властная сила ярче всего проявляется в антропоморфных воплощениях духов-охранителей подземелья. Например, Хозяйка Медной горы, которую порой называют Азовкой или Малахитницей, предстает в уральских сказах писателя, фольклориста, публициста и журналиста П. П. Бажова, созданных на основе преданий уральских горнорабочих, не только как грозная владычица сокровищ Урала, но и как мудрая правительница, прекрасно осведомленная о проблемах всего Русского государства. К сожалению, к ее милости вполне применимы слова горничной Лизы из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824): «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев и барская любовь». Даже благоволение Хозяйки не шло на пользу приглянувшимся ей работникам, которым их бытие становилась немилым после знакомства с богатством подземных чертогов Медной горы Хозяйки.

Другой женский образ духа-хранителя недр можно встретить в мифологии шахтеров Донбасса. Это — Мария Глубокая, о которой повествует в книге «Горькое Жито Донбасса» писатель и краевед М. Я. Лебедь [13]. Ее история поучительна тем, что раскрывает источники происхождения горных персонажей низшей мифологии в тесной связи с обычной человеческой судьбой, в данном случае обманутой девушкой, которую коварный возлюбленный, скрывающий то, что он уже женат, сбрасывает в глубокую шахту. И если применительно к Марии Глубокой мы не можем говорить о силе власти в аспекте государственного управления, то ее сила проявляется в неумирающей любви.

С образом Марии Глубокой сближается фигура Лолы (исп. *La Lola*) из чилийской шахтерской мифологии. У горняков провинции Кольчагуа сохранилась легенда о том, как обнаружение богатой медной жилы в Андах превратилось в повод конфликта старателей, в результате чего один из них был убит. Молодая вдова погибшего, стремясь отомстить за смерть мужа, в поисках убийцы углубляется в шахты, где также погибает. Но ее призрак периодически является шахтерам, которые воспринимают его появление как дурное предзнаменование обвала и какой-либо иной беды.

Антропоморфные образы гениев подземелья, как правило, наделяются чертами, отличающими людей шахтерского труда. Это делает их ближе и понятнее горнорудным работникам, облегчает сам процесс обращения за помощью в критических ситуациях. Поэтому и имена у них подчеркивают родство с горняками: Горный дед, Горный батюшка. А существование в мифологии шахтерской Германии фигуры Горного, или Рудничного монаха (нем. *Bergmönch*) напоминает о том, что некогда шахты принадлежали монашеским орденам [14]. Исследователи относят образы Горного деда и Горного батюшки, которых почитают шахтеры Сибири и Алтая, к очень древним. Эти хранители подземных богатств тщательно охраняют их, могут не подпустить к добыче нечестных старателей, а приглянувшихся им людей они предупреждают о грозящей опасности. Поскольку такие духи, по поверьям, похожи на человека, то и потребности имеют схожие с людьми. В «Энциклопедии славянской культуры, письменности и мифологии» А. А. Кононенко обращает внимание на то, что в давние времена мастера оставляли Горному деду подношения, пряча в укромных местах качественный табак с трубкой и водку [15].

В мифологии шахтеров Донбасса присутствует фигура Шубина, по одной из версий,

в земной жизни бывшего крепильщиком на одной из шахт. В Шубине воплощаются те же черты, что и в Гордом деде, а также проявляются амбивалентные характеристики доброго и злого хозяина. Любопытны истории, раскрывающие происхождение прозвища этого шахтерского духа, начиная от прямой связи с человеком, носящим такую фамилию и работавшим в шахте талантливым мастером, способным предугадывать опасности, или простым шахтером, погибшим из-за подлости бывших товарищей, и заканчивая визуальной характеристикой покрытого густым волосом тела, напоминающего шубу. В таком варианте Шубин близок другим восточнославянским героям низшей мифологии, выступающим духами природы и обладающим обилием волос (леший, полевой, водяной).

Такая связь с природой стала основанием для того, чтобы в образах персонажей шахтерской мифологии соединились антропоморфные и зооморфные признаки. Именно так выглядит злой шахтерский бог из Южной Америки Эль-Тио (исп. *El Tío* — дядя). Несмотря на то, что в регионе подавляющее большинство населения исповедует католицизм, шахтеры подстраховываются, обращаясь к этому божеству подземного мира, используя самые разные ритуалы, чтобы умилостивить Эль-Тио, о чем поведал выходец из шахтеров, боливийский писатель Виктор Монтойя в «Сказках шахты».

Почти все антропоморфные представители шахтерской мифологии обрели популярность в массовой культуре.

В отличие от русской шахтерской мифологии, где большинство героев схожи своим внешним обликом с людьми, европейская традиция чаще рисует загадочных существ подземелья, напоминающих гномов. Напомним, что есть две версии происхождения их названия: первая от латинского слова «*gēnomos*», непосредственно означающего подземного жителя, а вторая — от древнегреческого «*γνῶσις*», что указывало на знание, которым обладают такие мифологические или сказочные существа. Применительно к горным духам из мифологии европейских государств можно говорить о соединении этих версий: мифические персоны не просто были обитателями подземелья, но и обладали удивительными знаниями, как в нем выживать и добывать невиданные богатства.

Несмотря на то, что в разных шахтерских регионах Европы у этих мифологических существ имелись разные прозвища, все они были удивительно похожими друг на друга и по внешнему виду, и по поведению. Часто их собирательным именем выступает прозвище «стуканцы» (англ. *Knockers*) из-за того, что во время своего быстрого передвижения по выработкам они громко стучат ногами. Все они имеют малый рост и достаточно крепкое телосложение. По обычаю, на них надета шахтерская форма. А по характеру эти духи проявляют такую же амбивалентность отношения к горнякам, как и антропоморфные персонажи шахтерской мифологии России. В мифологии Северной Европы дух шахты воплощается в образе кобольда (нем. *Kobold, Cobold*). У австрийских горняков это — Никель (нем. *Nickel*), также называемый «Медным дьяволом». Упоминание нечистой силы говорит об извращенном характере Никеля. Шахтеры Уэльса называют духов, обитающих в пещерах, шахтах и каменоломнях своего региона коблинау (валл. *Coblynau*), считая, что встреча с ними гарантирует удачу. Нокеры (англ. *Knockers*) из корнуолльского фольклора были также дружелюбными духами, готовыми понравившихся им шахтеров навести на богатую жилу и стуком предупредить об опасности. А потому горнякам надо выражать почтение этим духам подземелья: приносить еду и даже шить новую одежду.

В мифологии зооморфные существа встречаются даже чаще, чем антропоморфные персонажи. Это объяснимо большим разнообразием животного мира и способностью людей наделять его представителей свойствами, присущими человеку, что ярко проявилось баснях и волшебных сказках. Родственен этим жанрам шахтерский фольклор, повествующий о мифических животных. Значительная часть мифологических животных в шахтерской мифологии действует в русле крестьянских легенд о даровании людям богатства силами природы за добрый нрав, усердие, ум и смелость. Поэтому олень с серебряным копытцем, лось с золотыми рогами, юркая ящерка такому человеку могут показать место, богатое залежами полезных ископаемых. Порой осчастлив-

ленными оказываются малые дети, часто сироты, и приютившие их старики. Это становилось своеобразным сказочным выражением той надежды, которая только и была у этих обездоленных людей. Но иногда рассказы отражали реальные случаи нахождения подземных кладовых благодаря смекалке, а не случаю или мифическому помощнику.

Как правило, зооморфные персонажи были более прямолинейными, чем антропоморфные. И если они показывались человеку в шахте, то его ожидала либо удача, либо спасение, как при появлении Синего зайца. Цветом своим это мифологическое существо, скорее всего, было обязано наличию выделения метана, который синим мерцающим огоньком напоминал живое существо.

Такая неуловимость пламени, возникающего в газоносных пластах, которые находятся на большой глубине, выступала основой для формирования представлений о самых разных горных духах, «подземных демонах». При всем разнообразии их внешнего вида можно выделить некоторые закономерности, основанные на визуальной близости к европейским домашним духам, например, брауни (англ. *brownie*) из мифологии Шотландии и Северной Англии; ниссе (швед. *tomte, nisse, tomtenisse; норв.* и дат. *tomtenisse;* фин. *tonttu*), являющимися домашними духами из скандинавского фольклора, или голландским кабаутерам (нидерл. *Kabouter*). Некоторые из них удостаиваются индивидуального прозвища, в частности, как английский рудничный дух-помощник Голубая шляпа (англ. *Blue Cap*). Такая его окраска, как у Синего зайца, происходила из видевшегося шахтерам под землей голубого огонька.

Многие персонажи низшей мифологии пополнили ее ряды из-за того, что были вытеснены в сферу повседневной жизни христианскими святыми. А среди них, хотя и сформировалась группа святых покровителей профессии, немногие снисходили до оказания содействия мелким хозяйствам по частным поводам. Но одним из тех христианских святых, который, будучи покровителем многих профессий, связанных с огнем, а в странах Латинской Америки был святым заступником горняков, допустил почитание в стиле низшей мифологии, стал святой Лоренцо. После того, как 5 августа 2010 г. в Чили на шахте по добыче золота и меди Сан-Хосе близ города Копьяпо произошел обвал породы, а в результате аварии замурованными на глубине около 700 метров оказались 33 горняка, у входа в шахту установили статую святого. Помогло ли его заступничество или благодаря усилиям спасателей, но через 69 дней горняков удалось поднять на поверхность.

Безусловно, горняцкая мифология выступает органичной частью шахтерской ментальности, в которой далеко не все, связанное с безопасностью труда возможно сформировать развитием профессиональных компетенций. Многие навыки в критических обстоятельствах у шахтеров пробуждаются благодаря интуиции, вклад в которую вносит общее восприятие себя частью данного пространства, ощущение родства с силами природы и гением места. Неудивительно, что в далеких друг от друга шахтерских регионах сформировались близкие паттерны рудничной мифологии. Их отличительная черта заключается в том, что они отражают образы не только поддержки и солидарности, но и веру в чудо. Такая вера придает силу не только шахтерскому труду, но и сопротивлению. Известны мощные и успешные акции протеста шахтеров самых разных стран и в разные исторические эпохи.

Неверно ограничиваться пониманием влияния шахтерской мифологии лишь на профессиональную сторону активности горняков. Можно привести достаточное число примеров их участия в геополитическом сопротивлении. Знания горняков позволили военным разработать тактику тоннельной войны. Шахтеры проявляли героизм на фронте и в тылу во время Великой Отечественной войны.

Сами места разработок полезных ископаемых в сложные для жителей их регионов времена превращались в места силы, откуда давно были изгнаны страхи, и которые не только требовали от горняков смелости, но и находили образы, в том числе мифологические, помогающие ее обрести. Эти же истоки сохраняются в наши дни и во многом определяют стойкость жителей Донбасса.

Список источников

1. Лосев А. Ф. Из ранних произведений. Москва : Правда, 1990. 655 с.
2. Терновая Л. О. Мифы о границе в контексте интегрированной программы управления границами приграничного сотрудничества // Materiały IX międzynarodowej naukowi-praktycznej konferencji “Wschodnie partnerstwo — 2013” (Пшемысль, 7–15 сентября 2013 г.). Т. 1. Политология. Пшемысль : Nauka I studia, 2013. С. 8–12.
3. Терновая Л. О. Противостояние исторических мифов: языческий культ богов войны и его современные интерпретации // Россия и Донбасс: перспективы сотрудничества и интеграции : материалы международной научно-практической конференции (28 июня 2022 г.). Москва : Издательский дом УМЦ, 2022. С. 498–502.
4. Иванов А. Г., Полякова И. П. Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 1 (33). С. 5–15.
5. Терновая Л. О. Святые покровители политиков, журналистов и пользователей Интернета: новые акторы глобальной коммуникации // Межконфессиональная миссия. 2014. № 3. С. 141–152.
6. Бек Д., Кован К. Спиральная динамика. Управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке. Москва : BestBusinessBooks, 2010. 415 с.
7. Терновая Л. О. Геополитика подземных коммуникаций // Власть истории и история власти. 2020. Т. 6, № 19. С. 29–45.
8. Терновая Л. О. Геополитическая культура. Москва : ИНФРА-М, 2021. 340 с.
9. Титова В. Н. Формирование основных компонентов шахтерской культуры в условиях утверждения и господства соцреализма // Культурный код. 2021. № 1. С. 23–32.
10. Гельгардт Р. Р. Фантастические образы горняцких сказок и легенд (к типологической характеристике старого рабочего фольклора) // Русский фольклор. Материалы и исследования : в 31 т. Т. 6. Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 193–226.
11. Криничная Н. А. Русская мифология. Духи — «хозяева» и традиционный крестьянский быт. Москва : Академический проект, 2019. 354 с.
12. Левкиевская Е. Е. Духи локусов // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1: А–Г. Москва : Международные отношения, 1995. С. 155–157.
13. Лебедь М. Я. Горькое Жито Донбасса. Москва : ИТРК, 2017. 280 с.
14. Мурзин А. А. Духовная культура горняков Европы и России: верования и празднично-обрядовые практики (сравнительный анализ). Москва : ИНФРА-М, 2017. 98 с.
15. Кононенко А. А. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии. Харьков : Фолио, 2013. 2600 с.: ил.

References

1. Losev A. F. From early works. Moscow: Pravda; 1990. 655 p. (In Russ.).
2. Ternovaya L. O. Myths about the border in the context of an integrated border management program for cross-border cooperation. *Materiały IX międzynarodowej naukowi-praktycznej konferencji “Wschodnie partnerstwo — 2013” = Materials of the IX Intersectoral Scientific and Practical Conference "Comprehensive Partners — 2013"* (Przemysl, September 7–15, 2013). Vol. 1. Political science. Przemysl: Science & Studio; 2013. P. 8–12. (In Russ.). (In Russ.).
3. Ternovaya L. O. Confrontation of historical myths: the pagan cult of the gods of war and its modern interpretations. *Rossiya i Donbass: perspektivy` sotrudnichestva i integracii : materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii = Russia and Donbass: prospects for cooperation and integration: materials of the international scientific and practical conference* (June 28, 2022). Moscow: University of World Civilizations Publishing House; 2022. P. 498–502. (In Russ.).
4. Ivanov A. G., Polyakova I. P. Social mythology in the space of everyday life and mass media. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Sociologiya = Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology.* 2018;(1(33)):5–15. (In Russ.).
5. Ternovaya L. O. Patron saints of politicians, journalists and Internet users: new actors of global communication. *Mezhkonfessional`naya missiya = Interconfessional mission*. 2014;(3):141–152. (In Russ.).
6. Beck D., Kovan K. Spiral dynamics. Driving values, leadership and change in the 21st century. Moscow: BestBusinessBooks; 2010. 415 p. (In Russ.).
7. Ternovaya L. O. Geopolitics of underground communications. *Vlast` istorii i istoriya vlasti = Power of history and history of power.* 2020;6(19):29–45. (In Russ.).
8. Ternovaya L. O. Geopolitical culture. Moscow: INFRA-M; 2021. 340 p. (In Russ.).

9. Titova V. N. Formation of the main components of miner's culture under the conditions of the approval and domination of social realism. *Kul`turny`j kod = Cultural Code*. 2021;(1):23–32. (In Russ.).

10. Gelgardt R. R. Fantastic images of mining tales and legends (to the typological characteristics of the old working folklore). *Russkij fol`klor. Materialy` i issledovaniya = Russian folklore. Materials and research:* in 31 volumes. Vol. 6. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House; 1961. P. 193–226. (In Russ.).

11. Krinichnaya N. A. Russian mythology. Spirits — "masters" and traditional peasant life. Moscow: Academic project; 2019. 354 p. (In Russ.).

12. Levkievskaya E. E. Spirits of loci. *Slavyanskie drevnosti: E`tnolingvisticheskij slovar`: v 5 t. / pod obshh. red. N. I. Tolstogo = Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes / under general ed. by N. I. Tolstoy*. Vol. 1: A–G. Moscow: International Relations; 1995. P. 155–157. (In Russ.).

13. Swan M. Ya. Gorky Zhyto of Donbass. Moscow: ITRK, 2017. 280 p. (In Russ.).

14. Murzin A. A. Spiritual culture of the miners of Europe and Russia: beliefs and festive ritual practices (comparative analysis). Moscow: INFRA-M; 2017. 98 p. (In Russ.).

15. Kononenko A. A. Encyclopedia of Slavic culture, writing and mythology. Kharkov: Folio; 2013. 2600 p.: ill. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. А. Нигматуллина — доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, директор;

Л. О. Терновая — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления.

Information about authors

T. A. Nigmatullina — Doctor of Science (Political), Candidate of Science (Historical), Assistant Professor, Director;

L. O. Ternovaya — Doctor of Science (Historical), Professor, Professor of the Department of Sociology and Management.

Статья поступила в редакцию 07.04.2023; одобрена после рецензирования 21.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 07.04.2023; approved after reviewing 21.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК БИСТ (БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)»

1. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине.

2. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

3. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word. Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

4. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или *.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

5. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

6. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

7. Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников». Он должен содержать не более 15 источников, в том числе не более 3 ссылок на публикации авторов статьи и их соавторов с целью избежать недобросовестного увеличения библиометрических показателей авторов.

Библиографическую запись для перечня затекстовых библиографических ссылок составляют по ГОСТ Р 7.0.5—2008.

В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.

Отсылки на затекстовые библиографические ссылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки.

Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на английском языке („References”) согласно Vancouver Style.

Пример:

Сорокин Д. Е., Сухарев О. С. Структурно-инвестиционные задачи развития экономики России // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 3. С. 4–15.

Sorokin D. E., Sukharev O. S. Structural and investment objectives of the development of the Russian economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics. Taxes. Law.* 2013;(3):4-15. (In Russ.).

8. Заголовок статьи приводят на русском и английском языках.

9. Основные сведения об авторе(ах) приводятся на русском и английском языках и содержат:

– имя, отчество, фамилию автора (полностью);
– наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город, страна);
– электронный адрес автора (e-mail);
– открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

10. Аннотацию формируют по ГОСТ Р 7.0.99 на русском и английском языках. Объем аннотации не должен превышать 250 слов.

11. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний). Их приводят на русском и английском языках.

12. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

13. Авторы полностью несут ответственность за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

14. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.

15. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.

16. Автор, ответственный за переписку, должен предоставить в редакцию заполненные регистрационные карты на всех авторов и согласие на обработку персональных данных, разрешенных для распространения, от каждого из них.

Регистрационную карту можно скачать на сайте *vestnik-bist.ru*.

Вестник БИСТ
(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Общественные науки». 2023. № 2 (59)

Компьютерная верстка *А. Г. Бурмистровой*
Техническое редактирование: *Т. Е. Бочарова*

Сдано в набор 23.06.2023. Подписано в печать 29.06.2023.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 23,71. Уч.-изд. л. 25,46.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 500 экз. Заказ 62

Цена: бесплатно

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Башкирский институт социальных технологий (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
Адрес редакции и издателя:
Проспект Октября, д. 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054
Тел. +7 (347) 216-41-62
e-mail: vestnikbist@mail.ru
www.vestnik-bist.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
Проспект Октября, д. 27, корп. 2, оф. 61, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450059
www.proprint02.ru

БАШКИРСКИЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ФИЛИАЛ) ОУП ВО «АКАДЕМИЯ ТРУДА И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Направления подготовки в Колледже БИСТ

Специальность	Форма обучения	Сроки обучения	Стоимость обучения (руб., в год)
40.02.02			
Правоохранительная деятельность			
Квалификация: Юрист			
На базе 9 классов	очно	3 года 6 мес.	58 000
На базе 11 классов	очно	2 года 6 мес.	60 000
На базе 11 классов	заочно	3 года 6 мес.	30 500
38.02.01			
Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям)			
Квалификация: Бухгалтер			
На базе 9 классов	очно	2 года 10 мес.	50 000
На базе 11 классов	очно	1 год 10 мес.	53 000
На базе 11 классов	заочно	2 года 10 мес.	30 500
21.02.19			
Землеустройство			
Квалификация: Специалист по землеустройству			
На базе 9 классов	очно	3 года 10 мес.	58 000
На базе 11 классов	очно	2 года 10 мес.	60 000
На базе 11 классов	заочно	3 года 10 мес.	27 000
46.02.01			
Документационное обеспечение управления и архивоведение			
Квалификация: Специалист по документационному обеспечению управления и архивному делу			
На базе 9 классов	очно	2 года 10 мес.	50 000
На базе 11 классов	очно	1 год 10 мес.	53 000
На базе 11 классов	заочно	2 года 10 мес.	27 000
09.02.07			
Информационные системы и программирование			
Квалификация: Специалист по информационным системам			
На базе 9 классов	очно	3 года 10 мес.	58 000
На базе 11 классов	очно	2 года 10 мес.	60 000
На базе 11 классов	очно-заочно	3 года 10 мес.	58 000

Для поступления в колледж или институт абитуриенту необходимо предоставить в приемную комиссию следующие документы:

1) оригинал и копию документа, удостоверяющего личность, гражданство (паспорт);
2) оригинал и копию документа об образовании;
3) копии ИНН и СНИЛС;
4) 6 фотографий размером 3х4 см;
5) копию медицинской справки № 086/у;
6) сертификат о прививках.

г. Уфа, проспект Октября, 74/2
priem@ufabist.ru
+7 (347) 216-35-20, 216-31-05
ufa_bist_ufa
ufabist.ru

Подробнее о нас

Государственная лицензия на осуществление образовательной деятельности № 1885 от 14 января 2016 г. (срок действия — бессрочно).
Свидетельство о государственной аккредитации № 1924 от 13 мая 2016 (срок действия — бессрочно)

БАШКИРСКИЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ФИЛИАЛ) ОУП ВО «АКАДЕМИЯ ТРУДА И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Направления подготовки в Институте БИСТ с присвоением степени «Бакалавр»

Код и наименование направления	Форма обучения	Стоимость обучения (руб., в год)	Вступительные испытания ЕГЭ / ВИ	Вступительные испытания на базе СПО
40.03.01 **Юриспруденция** ОП: Юриспруденция	очно очно-заоч. заочно	100 000 85 000 62 000	1. Обществознание. 2. История / Информатика и ИКТ/ Иностранный язык*. 3. Русский язык.	1. Теория государства и права. 2. История. 3. Русский язык.
41.03.04 **Политология** ОП: Политический менеджмент и связи с общественностью	очно очно-заоч.	80 000 45 000	1. История. 2. Обществознание / География / Иностр. язык*. 3. Русский язык.	—
38.03.01 **Экономика** ОП: Финансы и кредит	очно очно-заоч. заочно	85 000 85 000 50 000	1. Математика. 2. Обществознание/Информатика и ИКТ / География/ Иностр. язык / История*. 3. Русский язык.	1. Математика. 2. Экономика. 3. Русский язык.
38.03.02 **Менеджмент** ОП: Менеджмент организации	очно очно-заоч. заочно	85 000 80 000 50 000	1. Математика. 2. Обществознание/Информатика и ИКТ / География/ Иностр. язык / История*. 3. Русский язык.	1. Математика. 2. Экономика. 3. Русский язык.
09.03.03 **Прикладная информатика** ОП: Информационные системы в цифровой экономике	очно заочно	100 000 50 000	1. Математика. 2. Информатика и ИКТ/Физика/ Химия/Иностр. язык*. 3. Русский язык.	1. Математика. 2. Информатика. 3. Русский язык.
42.03.02 **Журналистика** ОП: Медиажурналистика	очно заочно	80 000 40 000	1. Литература. 2. Русский язык. 3. Обществознание / История / География / Иностр. язык*.	—
43.03.02 **Туризм** ОП: Организация туристской деятельности	очно очно-заоч.	80 000 75 000	1. История. 2. Обществознание / География / Биология/ Иностранный язык*. 3. Русский язык.	1. История. 2. Обществознание. 3. Русский язык.
43.03.03 **Гостиничное дело** ОП: Международный гостиничный бизнес	очно очно-заоч.	87 000 80 000	1. Обществознание. 2. История / Информатика и ИКТ / Иностр. язык*. 3. Русский язык.	1. История. 2. Обществознание. 3. Русский язык.
51.03.03 **Соц.-культур. деятельность** ОП: Управление государственными учреждениями и негосударственными организациями в социально-культурной сфере	очно очно-заоч.	75 000 80 000	1. Литература. 2. Русский язык. 3. Обществознание / История / Иностр. язык*.	1. Русская литература. 2. Обществознание (право, социология, культурология). 3. Русский язык.

* Предметы по выбору.

Формы обучения: очная (4 года), очно-заочная и заочная (4 г. 9 мес.)